

LEX RUSSICA

научный юридический журнал

Том 77
№ 8 2024

ISSN 1729-5920 (Print)
ISSN 2686-7869 (Online)

Проблемные аспекты
применения меры пресечения
в виде запрета
определенных действий

Суверенитет как основа
обеспечения
конституционных прав
и свобод человека

Институт
биолого-социальной
чрезвычайной ситуации
в законодательстве
России и Казахстана

Учет принципов
биологической безопасности
в праве интеллектуальной
собственности

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471 (Print), ISSN 2782-1862 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики

журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

БОГДАНОВ Дмитрий Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Мо-

сковского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАЕН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 77
№ 8 (213)
август 2024

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 12.08.2024
Объем 17,67 усл. печ. л. (14,20 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Журнал включен в базы данных: Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Dmitry E. BOGDANOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.

Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 77
№ 8 (213)
August 2024

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

12.08.2024
Volume: 17,67 conventional printer's sheets (14,20 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.
The Journal is included in Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТНОЕ ПРАВО / *JUS PRIVATUM*

- Латынцев А. В.** Учет принципов биологической безопасности
меры пресечения в праве интеллектуальной собственности 9

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / *JUS CRIMINALE*

- Стельмах В. Ю.** Проблемные аспекты применения
меры пресечения в виде запрета определенных действий 19
- Мироненко С. Ю.** Уголовно-правовая характеристика
форм применения запрещенных средств и методов ведения войны 31

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / *JUS PUBLICUM*

- Атабекова Н. К.** Суверенитет как основа обеспечения
конституционных прав и свобод человека 43
- Идрышева С. К., Сокольская Л. В.** Институт биолого-социальной
чрезвычайной ситуации в законодательстве России и Казахстана 54
- Хурматуллина А. М.** Конституционно-правовые основы
экспериментальных правовых режимов в сфере здравоохранения 65
- Кулаков Н. А.** Проблемы законодательного регулирования
правового статуса аспиранта (адъюнкта) в контексте нового этапа
реформирования российской системы образования 75

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО / *JUS GENTIUM*

- Батырь В. А.** Особенности осуществления международного
контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву 85
- Теймуров Э. С.** Международно-правовое регулирование
сохранения биоразнообразия в северных широтах (часть 1) 112

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА / *PHILOSOPHIA LEX*

- Лихтер П. Л.** Сущность права в свете объективного идеализма и натуралистического дуализма 130

НАУЧНЫЕ СОБРАНИЯ И МЕРОПРИЯТИЯ / *CONVENTUS ACADEMICI*

- Корнев А. В., Рыбаков О. Ю.** Обзор Всероссийской научно-практической конференции
«Философия Иммануила Канта и современность. К 300-летию со дня рождения философа» 140

CONTENTS

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Latyntsev A. V. Principles of Biological Safety in Intellectual Property Law	9
---	---

CRIMINAL LAW / JUS CRIMINALE

Stelmakh V. Yu. Problematic Aspects of Application of Prohibition of Certain Actions as a Preventive Measure	19
--	----

Mironenko S. Yu. Criminal Law Characteristics of the Forms of Use of Prohibited Means and Methods of Warfare	31
--	----

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Atabekova N. K. Sovereignty as the Foundation for Ensuring Constitutional Human Rights and Freedoms	43
---	----

Idrysheva S. K., Sokolskaya L. V. The Institution of Biological and Social Emergency in the Legislation of Russia and Kazakhstan	54
--	----

Khurmatullina A. M. Constitutional and Legal Foundations of Experimental Legal Regimes in Healthcare	65
--	----

Kulakov N. A. Problems of Legislative Regulation of a Postgraduate Student (Postgraduate in a Military College) Legal Status at a New Stage of the Russian Education System Reformation	75
--	----

INTERNATIONAL LAW / JUS GENTIUM

Batyr V. A. Specifics of the Implementation of International Control over States' Compliance with Obligations under International Humanitarian Law	85
--	----

Teymurov E. S. International Legal Regulation of Biodiversity Conservation in Northern Latitudes (Part 1)	112
--	-----

PHILOSOPHY OF LAW / PHILOSOPHIA LEX

Likhter P. L. The Essence of Law in the light of Objective Idealism and Naturalistic Dualism	130
---	-----

SCIENTIFIC MEETINGS AND EVENTS / CONVENTUS ACADEMICI

Kornev A. V., Rybakov O. Yu. Overview of the International Scientific and Practical Conference «The Philosophy of Immanuel Kant and Modernity. To the 190th Birthday of the Philosopher»	140
---	-----

Учет принципов биологической безопасности в праве интеллектуальной собственности

Резюме. Влияние многих современных биотехнологий на здоровье и окружающую среду еще недостаточно изучено. В последние годы наблюдается их интенсивное развитие и активное применение во всё новых областях общественной жизни, что приводит к необходимости учета принципов биобезопасности при правовой регламентации не только традиционных сфер санитарно-эпидемиологического надзора и контроля, но также иных, в том числе гражданско-правовых отношений. Необходимо формирование на межотраслевом уровне унифицированной правовой конструкции учета принципов биологической безопасности, в которой отдельную область должно занять правовое регулирование сферы охраны интеллектуальной собственности. Так, не должна предоставляться патентная охрана изобретениям и иным результатам интеллектуальной деятельности, разработка или использование которых может повлечь недопустимый уровень биологических рисков (исключения могут быть установлены в определенных случаях в интересах национальной безопасности). В статье рассмотрены доктринальные и законодательные подходы к конкретизации и учету в праве принципов биобезопасности, а также представлены разработанные на основании анализа требований специального и патентного законодательства предложения по внесению соответствующих изменений в российское право.

Ключевые слова: патенты; результаты интеллектуальной деятельности; биологическая безопасность; принципы биобезопасности; правовые принципы; учет рисков; синтетическая биология; правовая презумпция биологической опасности; правовая охрана жизни и здоровья

Для цитирования: Латынцев А. В. Учет принципов биологической безопасности в праве интеллектуальной собственности. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 9–18. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.009-018

Principles of Biological Safety in Intellectual Property Law

Alexander V. Latyntsev

Scientific Research Institute for Legal Examination and Integrated Research
Moscow, Russian Federation

Abstract. The impact of many modern biotechnologies on health and the environment has not yet been sufficiently studied. In recent years, we have witnessed their intensive development and active application in all new areas of public life, which leads to the need to take into account the principles of biosafety in the legal regulation of not only traditional areas of sanitary and epidemiological supervision and control, but also in other areas, including civil law relations. It is necessary to form a unified legal framework at the intersectoral level in order to take into account the principles of biological safety where legal regulation of intellectual property protection should take a separate place. Thus, patent protection should not be granted to inventions and other results of intellectual activity, the development or use of which may entail an unacceptable level of biological risks (exceptions may be used in certain cases in the interests of national security). The paper examines doctrinal and legislative approaches to concretization and consideration of biosafety principles in law, and it presents proposals

for making appropriate changes to Russian law developed on the basis of an analysis of the requirements of special and patent legislation.

Keywords: patents; results of intellectual activity; biological safety; principles of biosafety; legal principles; risk accounting; synthetic biology; legal presumption of biological hazard; legal protection of life and health

Cite as: Latyntsev AV. Principles of Biological Safety in Intellectual Property Law. *Lex russica*. 2024;77(8):9-18. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.009-018

Введение. Актуальность учета принципов биобезопасности в патентных правоотношениях

По мере бурного развития биотехнологий вопросы, связанные с биобезопасностью и необходимостью учета ее требований в различных правоотношениях, всё больше обсуждаются в юридической научной среде. Новый импульс данным дискуссиям придало вступление в силу Федерального закона от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» (далее — Закон о биобезопасности). Однако в научных работах обычно рассматриваются правовые механизмы осуществления контрольных и надзорных мероприятий¹, что, безусловно, также необходимо. При этом следует учитывать, что сфера применения биотехнологий в последние годы активно расширяется в самых различных отраслях, что требует совершенствования правового регулирования, но учету требований биобезопасности в гражданско-правовых, в частности патентных, правоотношениях уделяется мало внимания.

По мнению А. Н. Яворского, опасности биологических угроз сильно недооценены. Человечество уязвимо перед потенциальными биологическими угрозами, новые биотехнологии привлекают ожидаемыми потрясающими результатами, но в то же время чреватые устрашающими проблемами. При этом созданная десятилетия назад система контроля за особо опасными инфекциями может быть недостаточно эффективной в условиях новых рисков, связанных с возможностью создания патогенов

с применением генетических технологий двойного назначения, нужны новые подходы. С каждым годом всё больше лиц могут редактировать геном и создавать новые организмы, при этом часто не осознавая потенциальную опасность последствий своих действий².

А. А. Мохов отмечает, что, с одной стороны, Закон о биобезопасности регламентирует комплекс мер, необходимых для защиты от биологических угроз, но с другой — закрепленный перечень мер свидетельствует об их неполноте, охвате лишь нескольких групп общественных отношений³. Например, указанный закон не ограничивает проведение исследований негосударственными организациями и самостоятельно физическими лицами, результатом чего, в частности, может быть создание патогенов при помощи технологий синтетической биологии.

Более того, потенциально биоопасные результаты интеллектуальной деятельности могут быть признаны патентоспособными. Но соответствует ли данный подход интересам охраны здоровья и целям функционирования системы охраны интеллектуальной собственности?

В последнее время всё большее признание в научной среде получает точка зрения о необходимости избирательного подхода при применении патентной охраны в сфере биотехнологий. Так, С. А. Синицын отмечает, что в условиях недостаточности знаний и опыта в области геной инженерии и иных подобных технологий на законодателя возлагается особая обязанность по законодательному обеспечению сохранения

¹ См., например: Правовые основы биоэкономики и биобезопасности / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2020 ; Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // *Lex russica*. 2019. № 9 ; Назаренко С. В. Социальный контроль научной деятельности исследователя и ее результатов: методические и технологические основы // *Экономика, социология и право*. 2017. № 1. С. 48–77.

² Яворский А. Н. Генетические технологии и биобезопасность: история и современность // *Генетические технологии и право в период становления биоэкономики : монография* / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2021. С. 434–456.

³ Мохов А. А. Потенциал саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности // *Гражданское право*. 2022. № 1. С. 41–44.

биологического разнообразия видов животных и растений планеты⁴.

В связи с вышеизложенным актуальны исследования аспектов учета принципов биобезопасности в патентных правоотношениях с целью недопущения использования правовых механизмов охраны результатов интеллектуальной деятельности, оборот которых может повлечь недопустимый уровень биологических рисков.

Доктринальные подходы к конкретизации и учету в праве принципов биобезопасности

Д. Н. Шевырев отмечает, что обеспечение безопасности представляет одну из сложнейших теоретико-прикладных проблем мирового масштаба⁵.

По мнению О. В. Летова, технология, которая выходит за рамки простого выявления молекулярной информации, может составлять угрозу для целостности бытия⁶.

А. А. Моховым предложена концепция «четырёх био» (биотехнологии — биобезопасность — биоэкономика — биополитика), которые необходимо рассматривать только в системной связке. При этом отмечается, что биобезопасность занимает ключевое место в развитии биоэкономики будущего⁷. Лишь технологии, прошедшие комплексную оценку (экспертизу), могут допускаться в хозяйственный оборот (обращение) с последующим общественным и государственным контролем⁸.

Анализируя различные аспекты безопасности, Д. В. Ирошников выделяет два основных подхода к пониманию безопасности:

1) отсутствие опасности;

2) не столько отсутствие опасности, сколько наличие защиты от нее⁹.

В современных условиях интенсивного развития биологии создаются новые, а иногда прорывные биотехнологии, в том числе в медицинской сфере, заранее оценить опасность которых часто представляется затруднительным. Поэтому до сбора и обработки достаточного объема аналитической информации для оценки их опасности для человека и окружающей среды обычно предлагается придерживаться *презюмции биологической опасности новых решений в данной сфере*.

Особое внимание исследователи уделяют специфическим особенностям биобезопасности в отношении генетических технологий.

Так, Ю. Г. Юдин пишет, что, перестав быть тайной, геном человека в последние десятилетия стал объектом интенсивных исследований и экспериментов, что таит в себе множество вызовов и рисков, до конца еще не осознанных современным обществом¹⁰.

А. Н. Яворский отмечает, что обратной стороной быстрого развития генетических технологий, ставших в XXI в. лидером комплекса наук о жизни, является из потенциальная угроза для биобезопасности населения и экологии планеты¹¹.

А. А. Мохов акцентирует проблематику предупреждения причинения вреда в будущем в связи с производством геномных исследований и (или) использованием полученных на их основе результатов в медицинской практике¹². При этом указывает на синтетическую биологию как вид деятельности высокого риска и предлагает относить ее к деятельности, создаю-

⁴ Сеницын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. М.: Инфотропик Медиа, 2022. С. 349.

⁵ Шевырев Д. Н. Презюмция биологической опасности: принцип хозяйственной деятельности человека // Медицинское право. 2022. № 1. С. 39–44.

⁶ Летов О. В. Биоэтика и современная медицина. М., 2009. С. 189.

⁷ Мохов А. А. Концепция четырех «био» в праве и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 146–154.

⁸ Мохов А. А. Биоэтические принципы и биологическая безопасность // Медицинское право. 2021. № 4. С. 16–21.

⁹ Ирошников Д. В. Безопасность как правовая категория: монография. М., 2019. С. 19.

¹⁰ Юдин Б. Г. Границы человеческого существа в мире новых технологий // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 12: Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий / под ред. П. Д. Тищенко. М., 2011. С. 3.

¹¹ Яворский А. Н. Указ. соч. С. 434–456.

¹² Мохов А. А. Дела о предупреждении причинения вреда в будущем (на примере геномных исследований и внедрения их результатов в практику) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 105–120.

щей повышенную опасность для окружающих, с соответствующим развитием, наряду с административно-правовыми средствами воздействия в данной области, также гражданско-правовой доктрины, отражающей не только современные возможности, но и угрозы, исходящие от новых биологических технологий¹³.

Необходимо также учитывать, что статья 1079 Гражданского кодекса РФ в части опасности для окружающих рассматривает только аспекты ответственности за вред, причиненный деятельностью, связанной с данной повышенной опасностью. При этом отнесение объекта к источникам повышенной опасности не означает его необоротоспособность, особенно в условиях, когда отсутствует причиняемый им вред. Соответственно, в контексте патентных правоотношений отнесение результатов интеллектуальной деятельности к источникам повышенной опасности не означает автоматический запрет на их патентование.

Синтетическая биология является только одним из многих направлений биологии, представляющих потенциальную опасность. В. Б. Агафонов и Н. Г. Жаворонкова указывают на амбивалентность современных биотехнологий, в частности чрезвычайно высокие риски, в том числе для человека¹⁴. Д. Н. Шевырев приходит к выводу, что на сегодняшний день невозможно оценить и систематизировать риски и угрозы, связанные с применением синтетической биологии и иной аналогичной деятельности¹⁵.

При этих обстоятельствах также можно отметить связанную с данной проблематикой разносторонность доктринальных подходов к конкретизации и учету принципов биобезопасности в правовой системе. Так, Г. Б. Романовский и О. В. Романовская пишут о необходимо-

сти реагирования юриспруденции на развитие биотехнологий, при этом традиционных правовых механизмов уже недостаточно¹⁶. М. Н. Малеина предлагает сформулировать правовые принципы применения геномных технологий в разных областях с учетом охвата всех прав граждан¹⁷.

В контексте учета принципов биобезопасности в патентных правоотношениях интерес представляют результаты исследований Е. А. Моргуновой, по мнению которой при предоставлении правовой охраны биотехнологическим решениям необходимо учитывать их принципиальное отличие от решений неживой природы, так как первые могут влиять на жизнь, в том числе других поколений. Поэтому оценка этичности и биобезопасности данного решения должна осуществляться с учетом возможного влияния на будущие поколения. И если этот вопрос не изучен до конца, то в патентовании такого решения должно быть отказано¹⁸.

Конкретизация принципов биобезопасности в законодательстве

Среди основных принципов обеспечения биологической безопасности статья 3 Закона о биобезопасности называет охрану здоровья граждан и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов. При этом биологический риск разделяется на допустимый и недопустимый.

Помимо положений нового Закона о биобезопасности продолжают действовать требования к биобезопасности, установленные целым рядом специальных законов, в частности Федеральным законом от 30.03.1999 № 52-ФЗ

¹³ Мохов А. А. Синтетическая биология — вид деятельности, создающий повышенную опасность для окружающих? // *Цивилист*. 2023. № 1. С. 5–11.

¹⁴ Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2020. № 4. С. 187–194.

¹⁵ Шевырев Д. Н. Презумпция биологической опасности: принцип хозяйственной деятельности человека // *Медицинское право*. 2022. № 1. С. 39–44.

¹⁶ Романовский Г. Б., Романовская О. В. Правовое регулирование биомедицинских технологий в Российской Федерации // *Вестник Российского гуманитарного научного фонда*. 2015. № 3. С. 102–112.

¹⁷ Малеина М. Н. Роль правовых принципов в устранении и минимизации рисков применения геномных технологий // *Lex russica*. 2019. № 8. С. 121–128.

¹⁸ Моргунова Е. А. Этические аспекты предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, полученным при проведении геномных исследований // *Защита прав граждан при использовании геномных технологий: гражданско-правовой аспект* : монография. М. : Проспект, 2022. С. 154.

«О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ст. 26), Федеральным законом от 05.07.1996 № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» (ст. 7), Федеральным законом от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ч. 1 ст. 50).

Как отмечает И. А. Умнова-Конюхова, до недавнего времени основной акцент в понимании биологической безопасности был сосредоточен в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Именно такой акцент в понимании биобезопасности можно обнаружить при анализе содержания Закона о биологической безопасности, но данный подход устарел, требуется создание правовой конструкции института биологической безопасности, отвечающей новым реалиям¹⁹.

В правовой конструкции комплексного обеспечения биобезопасности отдельную область должно занять правовое регулирование сферы охраны интеллектуальной собственности. Так, *не должна предоставляться патентная охрана изобретениям и иным результатам интеллектуальной деятельности, разработка или использование которых может повлечь недопустимый уровень биологических рисков* (исключения могут быть установлены в определенных случаях в интересах национальной безопасности).

В данном контексте заслуживает внимания закрепленный в ст. 8 Закона о биобезопасности перечень основных биологических угроз (опасностей), который включает, в частности, изменение свойств и форм патогенов, проектирование и создание патогенов с помощью технологий синтетической биологии и т.п. Определение термина «патогены» можно найти в п. 7 ст. 1 Закона о биобезопасности, а «источник биологической опасности» — в п. 17 ст. 1 данного Закона.

С учетом вышеизложенного предлагается *не предоставлять патентную и иную аналогичную правовую охрану изобретениям и иным результатам интеллектуальной деятельности, связанным с биологическими угрозами (опасностями), перечисленным, в частности, в ст. 8 Закона о биобезопасности*. Исключения могут быть сделаны для объектов, разработанных

специализированными организациями в интересах национальной безопасности, с возможным отнесением их к секретным изобретениям.

Зарубежный опыт учета принципов биобезопасности и биоэтики при нормативном регулировании патентных правоотношений

По мере интенсификации развития биотехнологий в последние годы всё больше дискуссий ведется о необходимости учета принципов биоэтики для регламентации различных правоотношений, в том числе выходящих за традиционные сферы, такие как надзор и контроль за биологическими исследованиями. Данная проблематика является общемировой и нашла отражение во многих международных соглашениях и положениях зарубежного законодательства.

Так, в силу ч. 2 ст. 27 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) странам — участникам данного соглашения предоставляется право принять решение о непатентовании изобретений, коммерческое использование которых необходимо предотвратить в пределах их территорий для охраны общественного порядка или морали, включая охрану жизни или здоровья людей, животных или растений, или чтобы избежать серьезного ущерба окружающей среде. Данный подход к построению правовой конструкции патентоспособности изобретений получил основное закрепление в национальных правовых системах, в том числе в нашей стране в Гражданском кодексе РФ, но каждой из систем присущи свои особенности.

Например, согласно определению, приведенному в ст. 2 Закона Индии о патентах²⁰, под изобретением понимается новый продукт или способ, имеющий изобретательский уровень и пригодный для промышленного применения. Данное определение соответствует общемировой практике, однако статья 3 указанного Закона содержит достаточно широкий перечень изобретений, которые не могут быть запатентованы по различным причинам. В контексте проводимого исследования интерес представ-

¹⁹ Умнова-Конюхова И. А. Право биобезопасности, биоправо и биоюриспруденция: соотношение понятий и их содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 20–26.

²⁰ URL: https://www.ipindia.gov.in/writereaddata/Portal/Images/pdf/National_IPR_Policy_English.pdf (дата обращения: 12.01.2024).

ляет пункт «b» ст. 3 Закона Индии о патентах, в силу которого не подлежат патентованию изобретения, которые могут причинять серьезный ущерб жизни или здоровью людей, животных или растений или окружающей среде. На основании ст. 66 Закона Индии о патентах патент *может быть аннулирован в общественных интересах*, если центральное правительство страны посчитает, что патент или способ его применения причиняют вред государству или наносят ущерб обществу.

Отдельного внимания заслуживает статья 83 рассматриваемого индийского Закона, закрепляющая общие принципы, применимые к использованию запатентованных изобретений, среди которых можно выделить, в частности, следующие:

1) выданные патенты не должны препятствовать защите общественного здравоохранения и питания и должны использоваться для продвижения общественных интересов, особенно в секторах, имеющих жизненно важное значение для социально-экономического и технологического развития Индии;

2) выданные патенты никоим образом не запрещают центральному правительству принимать меры по охране здоровья населения.

Соответственно, индийское патентное законодательство не только закрепляет рассмотренные выше запреты на патентование, но и предусматривает широкий спектр правовых механизмов реагирования на риски и злоупотребления патентообладателей, причиняющие вред государственным или общественным интересам, особенно в сфере здравоохранения.

В Руководстве по экспертизе заявок на получение патентов на биотехнологические изобретения, принятом в марте 2013 г. Индийским патентным ведомством²¹, отмечается, что с помощью геной инженерии было разработано много полезных вещей, таких как человеческий инсулин, факторы роста человека, моноклональные антитела и т.д. С одной стороны, биотехнологические изобретения позволяют разрешить многие проблемы, с другой стороны, они вызвали множество опасений и споров. Так, возникли проблемы, связанные с моральными и этическими соображениями, биологической безопасностью, патентованием EST (меток экспрессированных последователь-

ностей) частичных последовательностей генов, клонированием, стволовыми клетками, геной диагностикой и т.д.

В силу ст. 18 Закона Бразилии об охране промышленной собственности²² не могут быть запатентованы:

1) любые результаты интеллектуальной деятельности, противоречащие морали, добрым обычаям, общественным безопасности и порядку, здоровью;

2) вещества, материалы, смеси, элементы или продукты любого рода, а также изменение их физико-химических свойств и способы их получения или модификации, возникающие в результате трансформации атомного ядра;

3) все живые существа полностью или частично, за исключением трансгенных микроорганизмов, отвечающих требованиям патентоспособности.

Согласно ст. 46 Закона Бразилии об охране промышленной собственности патент, выданный с нарушением положений данного Закона, является недействительным со дня подачи заявки.

В отдельной статье 100 Закона Бразилии об охране промышленной собственности закреплено, что не могут быть зарегистрированы в качестве промышленных образцов:

— решения, противоречащие морали и добрым обычаям или оскорбляющие честь или достоинство людей либо нарушающие свободу совести, убеждений, религиозных вероисповеданий или идеи и чувства, достойные уважения;

— распространенная или вульгарная форма предмета.

Аналогичный запрет на регистрацию в отношении товарных знаков закреплен в ч. 3 ст. 124 Закона Бразилии об охране промышленной собственности.

С учетом вышеизложенного патентное законодательство Бразилии разделяет непатентоспособность результатов интеллектуальной деятельности (ст. 10 рассматриваемого закона) и непатентуемость изобретений и полезных моделей (ст. 18), а также нерегистрируемость промышленных образцов и товарных знаков (ст. 100 и 124 соответственно).

По сравнению с указанной выше частью 2 ст. 27 Соглашения ТРИПС в перечень основа-

²¹ URL: https://ipindia.gov.in/writereaddata/Portal/IPOGuidelinesManuals/1_38_1_4-biotech-guidelines.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

²² URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/l9279.htm (дата обращения: 14.01.2024).

ний для запрета патентования изобретений, помимо их противоречия общественному порядку или морали, включены также *противоречие добрым обычаям и общественной безопасности*. В перечень непатентуемых включены также все живые существа полностью или частично, кроме трансгенных микроорганизмов.

Таким образом, бразильское патентное законодательство исходит из невозможности патентования природных клеток человека, животных или растений, даже выделенных из них, рассматривая данные объекты не как изобретения, а как открытия. Данный подход вытекает из закрепленных в Конституции Бразилии требований по сохранению разнообразия и целостности генетического наследия страны²³.

В статье 20 Патентного закона Китая²⁴ запрещаются злоупотребления патентными правами во вред общественным интересам или законным правам и интересам других лиц. При этом отмечается, что неправомерное использование патентных прав для устранения или ограничения конкуренции должно рассматриваться в соответствии с Антимонопольным законом КНР.

Согласно ст. L611-17 Кодекса Франции об интеллектуальной собственности²⁵ изобретения, коммерческое использование которых противоречило бы достоинству человеческой личности, общественному порядку или нравственности, не подлежат патентованию. Таким образом, данная правовая норма, дублируя ч. 2 ст. 27 Соглашения ТРИПС, дополняет ее требованием непротиворечивости достоинству личности.

Патентный закон Великобритании²⁶ и Закон ФРГ о патентах²⁷ фактически повторяют рассмотренные выше положения Соглашения ТРИПС с учетом конкретизации исключений из объектов патентной охраны, предусмотренных Директивой № 98/44/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «О правовой охране биотехнических изобретений».

Выводы и предложения по внесению изменений в российское законодательство

В силу п. 4 ч. 4 ст. 1349 ГК РФ не подлежат патентной охране результаты интеллектуальной деятельности, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали.

Несмотря на отсутствие единого определения термина «общественные интересы» и различные точки зрения относительно перечня данных интересов, безусловным является включение в этот перечень интересов по охране жизни и здоровья и, как следствие, по соблюдению требований биобезопасности.

Соответственно, в контексте патентного права представляется целесообразным дополнить указанную выше гражданско-правовую норму положениями о недопустимости патентования результатов интеллектуальной деятельности, если они противоречат также *биологической безопасности* и принципам *охраны жизни или здоровья людей и животных, окружающей среды*.

Кроме того, в контексте формирования на межотраслевом уровне унифицированной правовой конструкции учета принципов биологической безопасности, в частности для синхронизации рассмотренных выше положений Закона о биобезопасности и патентного законодательства, предлагается среди примеров результатов интеллектуальной деятельности, в отношении которых не могут быть получены патенты, в ч. 4 ст. 1349 ГК РФ указать создающие недопустимый уровень риска негативного воздействия на население и окружающую среду:

— способы создания патогенов, в том числе с помощью технологий синтетической биологии, а также созданные с применением данных способов патогены;

— способы изменения свойств или форм патогенов, а также созданные с применением данных способов патогены;

— способы, направленные на возможность преодоления патогенами межвидовых барьеров.

²³ Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав : монография / Л. А. Новоселова, А. С. Ворожевич, Е. В. Домовская [и др.]. М. : Проспект, 2022. С. 65.

²⁴ URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/patent-law-of-china-20201017> (дата обращения: 11.01.2024).

²⁵ URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006069414/LEGISCTA000006161684/#LEGISCTA000006161684 (дата обращения: 08.12.2023).

²⁶ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1977/37/schedule/A2> (дата обращения: 20.12.2023).

²⁷ URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/patg/> (дата обращения: 08.01.2024).

Исключения могут быть сделаны только в случаях, специально установленных Правительством РФ в отношении результатов интеллектуальной деятельности, непосредственно связанных с обеспечением обороны и безопасности, при необходимости с отнесением их к секретным изобретениям.

При оценке уровня биологической угрозы (опасности) предлагается исходить из *презумпции биологической опасности перечисленных выше результатов интеллектуальной деятельности, пока не будет доказано иное.*

Применяя подобный подход, предлагается рассматривать запрет патентования перечисленных выше потенциально биоопасных изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности как временный, обусловленный недостаточной изученностью биологических и социальных последствий. Соответственно, в будущем, по мере изучения указанной сферы и систематизации необходимых знаний и опыта, возможна отмена данного запрета.

В случаях выяснения недопустимого уровня риска уже после получения патента в качестве правового механизма реагирования может применяться пункт 1 ч. 1 ст. 1398 ГК РФ о признании патента недействительным.

Отдельного внимания заслуживает проблема отсутствия правовых ограничений на действия, в том числе ученых в области биотехнологий, создающие угрозу здоровью и жизни, окружающей среде²⁸.

В контексте описанных выше аспектов биобезопасности предлагается вынести на обсуждение экспертного сообщества вопрос о введе-

нии правил проведения этических экспертиз в отношении научных исследований, результаты которых могут создавать недопустимый уровень риска негативного воздействия (например, в отношении способов создания патогенов с помощью технологий синтетической биологии или иных потенциально биоопасных изобретений). При этом обеспечение контроля за соблюдением данного правила является отдельной проблематикой, анализ которой не входит в предмет настоящего исследования (особенно в части криминальных аспектов), но стимулом к соблюдению данного правила может стать, в частности, запрет на патентование результатов интеллектуальной деятельности, полученных по результатам исследований, проведенных с его нарушением.

Представляется также целесообразным закрепить в Законе о биобезопасности запреты или иные существенные ограничения, в первую очередь для негосударственных организаций и самостоятельно действующих физических (частных) лиц или их групп, на осуществление деятельности, связанной, в частности, с изменением свойств и форм патогенов, проектированием и созданием патогенов с помощью технологий синтетической биологии, а также иной аналогичной деятельности, которая может привести к недопустимому уровню биологического риска. Из данных запретов в специальном законодательстве вполне логично будут вытекать запреты в патентном праве на получение патентов на результаты интеллектуальной деятельности, полученные в результате такой запрещенной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 4. С. 187–194.

Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : монография / Д. Н. Сергеев, И. Я. Козаченко, М. А. Болков [и др.]. М. : Проспект, 2021. 340 с.

Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Теоретико-методологические проблемы правового обеспечения экологической, биосферной и генетической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации // Lex russica. 2019. № 9. С. 61–70.

Ирошников Д. В. Безопасность как правовая категория : монография. М., 2019. 160 с.

Летов О. В. Биоэтика и современная медицина / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных науч.-информ. исслед. Отдел философии. М., 2009. 416 с.

Малеина М. Н. Роль правовых принципов в устранении и минимизации рисков применения геномных технологий // Lex russica. 2019. № 8. С. 121–128.

²⁸ Генетические исследования: законодательство и уголовная политика : монография / Д. Н. Сергеев, И. Я. Козаченко, М. А. Болков [и др.]. М. : Проспект, 2021.

Моргунова Е. А. Этические аспекты предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности, полученным при проведении геномных исследований // Защита прав граждан при использовании геномных технологий: гражданско-правовой аспект : монография. М. : Проспект, 2022. 176 с.

Мохов А. А. Биоэтические принципы и биологическая безопасность // Медицинское право. 2021. № 4. С. 16–21.

Мохов А. А. Дела о предупреждении причинения вреда в будущем (на примере геномных исследований и внедрения их результатов в практику) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 2. С. 105–120.

Мохов А. А. Концепция четырех «био» в праве и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 146–154.

Мохов А. А. Потенциал саморегулирования в области обеспечения биологической безопасности // Гражданское право. 2022. № 1. С. 41–44.

Мохов А. А. Синтетическая биология — вид деятельности, создающий повышенную опасность для окружающих? // Цивилист. 2023. № 1. С. 5–11.

Назаренко С. В. Социальный контроль научной деятельности исследователя и ее результатов: методические и технологические основы // Экономика, социология и право. 2017. № 1. С. 48–77.

Правовая охрана результатов генетических исследований как объектов интеллектуальных прав : монография / Л. А. Новоселова, А. С. Ворожечин, Е. В. Домовская [и др.]. М. : Проспект, 2022. 160 с.

Правовые основы биоэкономики и биобезопасности / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2020, 632 с.

Романовский Г. Б., Романовская О. В. Правовое регулирование биомедицинских технологий в Российской Федерации // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 3. С. 102–112.

Синицын С. А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 416 с.

Умнова-Конюхова И. А. Право биобезопасности, биоправо и биоюриспруденция: соотношение понятий и их содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 20–26.

Шевырев Д. Н. Презумпция биологической опасности: принцип хозяйственной деятельности человека // Медицинское право. 2022. № 1. С. 39–44.

Юдин Б. Г. Границы человеческого существа в мире новых технологий // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 12 : Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий / под ред. П. Д. Тищенко. М., 2011. 106 с.

Яворский А. Н. Генетические технологии и биобезопасность: история и современность // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики : монография / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : Проспект, 2021. С. 434–456.

REFERENCES

Agafonov VB, Zhavoronkova NG. Theoretical and Legal Issues of Ensuring Biological Safety of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(4):187-194, doi: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.187-194. (In Russ.).

Iroshnikov DV. Security as a legal category. Moscow; 2019. (In Russ.).

Letov OV. Bioethics and Contemporary Medicine. RAS. INION. Center for the Humanities Information and Research. Department of Philosophy. Moscow; 2009. (In Russ.).

Maleina MN. Role of Legal Principles in Eliminating and Minimizing the Risks of Genomic Technologies. *Lex Russica*. 2019;(8):121-128, doi: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.121-128. (In Russ.).

Mokhov AA, Sushkova OV (eds.). Genetic technologies and law during the formation of bioeconomics. Moscow: Prospekt Publ.: 2020. (In Russ.).

Mokhov AA. Bioethical principles and biosafety. *Medical Law*. 2021;4:16-21. (In Russ.).

Mokhov AA. Cases on prevention of harm in the future (on the example of genomic researches and implementation of their results in practice). *Herald of Civil Procedure*. 2019;2:105-120. (In Russ.).

Mokhov AA. Is synthetic biology a type of activity that creates increased danger to others? *Civilist*. 2023;1:5-11. (In Russ.).

Mokhov AA. The Concept of Four «Bio» in Law and Legislation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;15(8):146-154, doi: 10.17803/1994-1471.2020.117.8.146-154. (In Russ.).

- Mokhov AA. The potential of self-regulation in ensuring biological security. *Civil Law*. 2022;1:41-44. (In Russ.).
- Morgunova EA. Ethical aspects of providing legal protection to the results of intellectual activity obtained during genomic research. In: Protection of individuals' rights when using genomic technologies: A civil law aspect. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Nazarenko SV. Sotsialnyy kontrol nauchnoy deyatel'nosti issledovatelya i ee rezultatov: metodicheskie i tekhnologicheskie osnovy [Social control of the researcher's scientific activity and its results: methodological and technological foundations]. *Economics, Sociology and Law*. 2017;1:48-77. (In Russ.).
- Novoselova LA, Vorozhevich AS, Domovskaya EV, et al. Legal Protection of the results of genetic research as objects of intellectual rights. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).
- Romanovsky GB, Romanovskaya OV. Pravovoe regulirovaniye biomeditsinskikh tekhnologiy v Rossiyskoy Federatsii [Legal regulation of biomedical technologies in the Russian Federation]. *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda*. 2015;3:102-112. (In Russ.).
- Sergeev DN, Kazachenko IYa, Bolkov MA, et al. Legislation and criminal policy. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Shevyrev DN. Presumption of biological danger: the principle of human economic activities. *Medical Law*. 2022;1:39-44. (In Russ.).
- Sinitsyn SA. Comparative patent law: Actual problems. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow: Infotopik Media Publ.; 2022. (In Russ.).
- Umnova-Konyukhova IA. Biosecurity law, biolaw and biojurisprudence: the correlation of concepts and their content. *Constitutional and Municipal Law*. 2023;12:20-26. (In Russ.).
- Yavorsky AN. Genetic technologies and biosafety: history and modernity. In: Mokhov AA, Sushkova OV (eds.). Genetic technologies and law during the formation of bioeconomics. Moscow: Prospekt Publ.; 2021. (In Russ.).
- Yudin BG. The boundaries of the human being in the world of new technologies. Workbooks on Bioethics. Issue 12: Tishchenko PD (ed.). Bioethical Support for the innovative development of biomedical technologies. Moscow; 2011. (In Russ.).
- Zhavoronkova NG, Agafonov VB. Theoretical and Methodological Problems of Legal Support of Ecological, Biosphere and Genetic Safety in the System of National Security of the Russian Federation. *Lex Russica*. 2019;1(9):96-108, doi: 10.17803/1729-5920.2019.154.9.096-108. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Латынцев Александр Викторович, кандидат юридических наук, директор Научно-исследовательского института правовых экспертиз и комплексных исследований
д. 11, стр. 1, 21, Новый Арбат ул., г. Москва 119019, Российская Федерация
law-exp@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Latyntsev, Cand. Sci. (Law), Director of the Scientific Research Institute for Legal Examination and Integrated Research, Moscow, Russian Federation
law-exp@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 2 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 30 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 июля 2024 г.*

*Received 02.04.2024.
Revised 30.04.2024.
Accepted 15.07.2024.*

Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде запрета определенных действий

Резюме. В статье анализируются некоторые проблемы избрания меры пресечения в виде запрета определенных действий. Так, автор солидаризируется с учеными, усматривающими главное отличие запрета выхода из жилого помещения от домашнего ареста в том, что домашний арест не предполагает выхода из жилого помещения, в то время как запрет на выход подразумевает установление периодов, в течение которых он действует. Запрет на приближение к определенным местам может распространяться как на объекты, непосредственно связанные с преступлением, так и на некоторые объекты, сходные с теми, в отношении которых осуществлялись неправомерные действия. Запрет общения с определенными лицами подразумевает указание конкретных анкетных данных этих лиц, однако в практической деятельности зачастую это невозможно. В подобных ситуациях запрет носит «родовой» характер, реагирование на нарушение запрета производится в связи с обращением соответствующего лица на действия обвиняемого (подозреваемого). Запрет на управление транспортным средством распространяется исключительно на дела, связанные с нарушением транспортного законодательства. Предлагается законодательно расширить сферу действия данного запрета за счет тех преступлений, которые совершались с использованием транспортных средств.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; предварительное расследование; меры принуждения; меры пресечения; запрет определенных действий; заключение под стражу; домашний арест; запрет выхода из жилого помещения; судебный порядок избрания мер пресечения; срок действия меры пресечения

Для цитирования: Стельмах В. Ю. Проблемные аспекты применения меры пресечения в виде запрета определенных действий. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 19–30. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.019-030

Problematic Aspects of Application of Prohibition of Certain Actions as a Preventive Measure

Vladimir Yu. Stelmakh

Ural State Law University named after V.F. Yakovlev
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes some problems of choosing a preventive measure in the form of a prohibition of certain actions. Thus, the author associates himself with researchers who see the main difference between the prohibition on leaving a residential building and house arrest in that house arrest does not imply leaving a residential building, while the prohibition of leaving implies the establishment of periods during which it is valid. The prohibition of approaching certain places may apply both to objects directly related to the crime, and to some objects similar to objects in respect of which illegal actions were carried out. The prohibition of communication

with certain persons implies the indication of specific personal data of these persons, but in practice this is often impossible. In such situations, the prohibition is «generic» in nature, the response to violation of the prohibition is made in connection with the appeal of the relevant person to the actions of the accused (suspect). The prohibition on driving a vehicle applies exclusively to cases involving violations of transport legislation. It is proposed to legislatively expand the scope of this prohibition at the expense of the crimes that were committed using vehicles.

Keywords: criminal proceedings; preliminary investigation; coercive measures; preventive measures; prohibition of certain actions; detention; house arrest; prohibition of leaving residential premises; judicial procedure for choosing preventive measures; duration of the preventive measure

Cite as: Stelmakh VYu. Problematic Aspects of Application of Prohibition of Certain Actions as a Preventive Measure. *Lex russica*. 2024;77(8):19-30. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.019-030

18 апреля 2018 г. в УПК РФ была закреплена новая мера пресечения — запрет определенных действий¹. Указанная мера пресечения весьма активно применяется в процессе расследования. Так, в 2021 г. судами было рассмотрено 5 063 ходатайства об избрании запрета определенных действий, 4 709 из которых удовлетворено²; в 2022 г. рассмотрено 3 464 ходатайства, удовлетворено 3 085³; в первом полугодии 2023 г. рассмотрено 2 205 ходатайств, удовлетворено 1 939⁴. Следует отметить, что данная мера пресечения на протяжении всех рассматриваемых периодов избиралась в среднем в 19,6 раз реже, чем заключение под стражу, и в 1,6 раза реже, чем домашний арест. Вместе с тем основная проблема состоит не в том, что запрет определенных действий не стал полноценной заменой названным мерам пресечения⁵. Он изначально не задумывался как полная альтернатива заключению под стражу и домашнему аресту и не был призван исключить избрание данных мер. Запрет определенных действий, безусловно, сделал систему мер пресечения более вариативной⁶ и занял собственную нишу в этой системе.

За 6 лет действия данной меры пресечения практика применения входящих в ее нормативную конструкцию запретов сформировалась и стабилизировалась. Следует учесть, что в некоторых ситуациях практическая деятельность развивается не совсем в том направлении, в котором планировалось при принятии ст. 105.1 УПК РФ. Некоторые трудности применения запретов носят объективный характер, они вряд ли могут быть полностью устранены, однако это не означает неэффективность в целом анализируемых норм.

В соответствии со ст. 105.1 УПК РФ содержание данной меры пресечения составляют:

- 1) обязанность обвиняемого (подозреваемого) своевременно являться по вызовам органа предварительного расследования или суда;
- 2) возложение на обвиняемого (подозреваемого) специальных запретов, перечисленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ.

Нетрудно заметить, что общая обязанность, если раскрывать ее содержание как бы «от противного», повторяет одно из оснований избрания мер пресечения — предотвращение возможности скрыться от дознания, предва-

¹ Федеральный закон от 18.04.2018 № 72-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» // СЗ РФ. 2018. № 17. Ст. 242.

² Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79/.&item=6120> (дата обращения: 31.03.2024).

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_godovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 31.03.2024).

⁴ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 1-е полугодие 2023 г. // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/userimages/_F1-svod-vse_sudy-1-2023.xls (дата обращения: 31.03.2024).

⁵ См.: Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2023. № 3. С. 23–26.

⁶ См.: Хатуяева В. В. Запрет определенных действий — новелла в системе мер пресечения // Законодательство. 2019. № 8. С. 82–85.

рительного следствия или суда (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ). Возникает вопрос, должна ли мера пресечения в виде запрета определенных действий гарантировать реализацию иных оснований — предотвращения возможности продолжать заниматься преступной деятельностью либо противодействовать судопроизводству (п. 2, 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ), либо же в силу специального указания, прямо закрепленного в ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ, запрет определенных действий преследует достижение единственной цели, заключающейся в том, чтобы воспрепятствовать сокрытию обвиняемого (подозреваемого) от судопроизводства.

Очевидно, что запрет определенных действий, являясь обычной, ординарной мерой пресечения, может быть избран для реализации всех оснований избрания данных мер. В противном случае рассматриваемая мера пресечения утрачивала бы свой смысл. Кроме того, «предотвращение возможности скрыться» и «обеспечение явки» — хотя и близкие по содержанию, но далеко не одинаковые явления. Явка в орган предварительного расследования — более узкая по содержанию обязанность в сравнении с недопущением сокрытия от органа судопроизводства.

Общая обязанность и соблюдение запретов находятся в неразрывной связи, составляют единый комплекс правовых и организационных средств для достижения общих целей, обусловленных основаниями избрания мер пресечения. Комплексный характер проявляется в том, что, с одной стороны, общая обязанность реализуется именно посредством соблюдения запретов, а с другой стороны, количество и сочетание запретов должны обеспечить эффективное соблюдение общей обязанности.

Законодатель допустил возможность применения некоторых запретов, предусмотренных статьей 105.1 УПК РФ, в рамках таких мер пресечения, как залог и домашний арест⁷. Это обстоятельство обусловило выдвигание рядом процессуалистов тезиса об одновременном избрании к обвиняемому двух мер пресечения⁸. Однако на самом деле это не так. Мера пресечения избирается одна, но возник новый феномен — усиленные меры пресечения, с

добавлением запретов и ограничений, присущих другой мере пресечения. Такая конструкция позволяет повысить эффективность действия мер пресечения, добиться реализации поставленных перед ними целей. Важно, что «усиливающие» ограничения принципиально не противоречат характеру меры пресечения, которую они «усиливают». Более того, в законодательстве Российской Федерации и ранее существовал сходный феномен — одинаковые ограничения в рамках различных мер пресечения. В частности, нормы, касающиеся таких мер пресечения, как личное поручительство и наблюдение командования воинской части, в части налагаемых на обвиняемого ограничений содержали отсылку к ст. 102 УПК РФ, где были закреплены обязанности лица, в отношении которого избрана мера пресечения, — являться по вызовам следственных и судебных органов и не препятствовать судопроизводству. Однако на этом основании в теории не делались выводы об одновременном избрании двух или трех мер пресечения к одному обвиняемому.

Законодатель посчитал число и характер закрепленных в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запретов достаточными для достижения цели, поставленной перед рассматриваемой мерой пресечения. Весьма показательным, что нормативная конструкция ст. 105.1 УПК РФ не содержит обязанности обвиняемого (подозреваемого) не покидать и не изменять место своего жительства без разрешения следователя либо суда. При этом нельзя сказать, что данная обязанность, присущая наименее строгим мерам пресечения (подписке о невыезде и надлежащем поведении, личному поручительству), автоматически распространяется на запрет определенных действий.

Во-первых, содержание конкретной меры пресечения составляют те ограничения, которые предусмотрены в норме УПК РФ, регламентирующей данную меру пресечения. В уголовно-процессуальном законе нет единой универсальной нормы, содержащей перечень запретов и ограничений, распространяемых на все меры пресечения. Точнее, такой нормой в определенном смысле выступает именно статья 105.1 УПК РФ, поскольку в силу прямого

⁷ См.: Азаренок Н. В. Основания и порядок избрания запрета определенных действий // Уголовное право. 2018. № 54. С. 110.

⁸ См.: Федюнин А. Е., Перетягтько Н. М. Вопросы совершенствования правовой политики в области применения запрета определенных действий как меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 178.

указания закона закрепленные в ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ запреты могут быть возложены на обвиняемого (подозреваемого) при избрании таких мер пресечения, как залог и домашний арест. Однако возможность подобного комбинирования носит локальный характер, ее пределы строго очерчены законом и касаются, как было упомянуто, только двух мер пресечения, помимо рассматриваемой, — залога и домашнего ареста.

Во-вторых, хотя УПК РФ и выстраивает перечень мер пресечения в определенной иерархии в зависимости от их строгости (от наименее строгой до наиболее строгой), тем не менее не все ограничения, присущие менее строгим мерам, автоматически включаются в содержание более строгих мер пресечения⁹. Иными словами, нельзя утверждать, что повышение уровня строгости мер пресечения осуществляется только в силу того, что, оставляя все ограничения, присущие менее строгим мерам, законодатель добавляет в процессуальную конструкцию более строгой меры еще одно ограничение. Очевидно, что при регламентации мер пресечения законодатель придерживается иной концепции: некоторые меры пресечения предусматривают принципиально различающиеся, а не однородные запреты и ограничения, а строгость меры пресечения нарастает не в силу механического «прибавления» запретов, а в силу изменения их характера. В связи с этим сложно согласиться с авторами, предлагающим считать запрет определенных действий не мерой пресечения, а иной мерой процессуального принуждения только на том основании, что по степени сво-

ей строгости он не однозначно строже залога и мягче домашнего ареста¹⁰.

В рамках применения мер пресечения, предусмотренных статьей 105.1 УПК РФ, допустимо избирать только те запреты, которые перечислены в ее части 6. В научных работах справедливо обращается внимание на неправомерность избрания иных запретов, например не покидать пределов населенного пункта¹¹ либо не заниматься той или иной хозяйственной деятельностью¹².

Первый, самый строгий запрет заключается в недопустимости для обвиняемого (подозреваемого) выхода в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях (п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Данный запрет максимально близок к домашнему аресту, причем ни в науке, ни в правоприменительной практике нет единого мнения, в чем же состоит разница между указанными мерами пресечения. Системный анализ закона позволяет предположить, что домашний арест (в той редакции ст. 105 УПК РФ, которая была принята после нормативного закрепления запрета определенных действий) означает полную невозможность для лица покидать пределы жилого помещения¹³, в то время как запрет выхода из жилого помещения в рамках ст. 105.1 УПК РФ предполагает, что при избрании меры пресечения устанавливается определенный период, когда выход за пределы жилого помещения запрещен.

Вместе с тем запрет покидать жилище в рамках домашнего ареста не является абсо-

⁹ Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2017. С. 67–68.

¹⁰ См.: Ксендзов Ю. Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. 2020. № 8. С. 67–84.

¹¹ См.: Костенко Д. С. Применение превентивных запретов определенных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 131.

¹² См.: Александров А. С. Некоторые проблемы исполнения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий // Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики» (Новокузнецк, 18–19 октября 2023 г.). Новокузнецк : Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. С. 12.

¹³ См.: Алексеев И. М., Данильян А. С., Данильян С. А. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 54–55 ; Удовиченко В. С., Сорокина С. А. Запрет определенных действий: актуальные проблемы теории и практики // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 126.

лютным (даже помимо случаев участия обвиняемого (подозреваемого) в процессуальных действиях). Во-первых, он не распространяется на чрезвычайные обстоятельства, при которых нахождение в жилом помещении угрожает лицу гибелью или причинением вреда здоровью (пожар в доме, техногенная или природная катастрофа и т.п.). В подобных случаях нет никаких ни правовых, ни морально-этических оснований требовать от обвиняемого (подозреваемого) не выходить за пределы жилища, а выход расценивать как процессуальное нарушение. Во-вторых, выход из жилого помещения может быть допущен по гуманитарным обстоятельствам, хотя и не имеющим чрезвычайного характера, но негативно сказывающимся на здоровье лица (например, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости в магазине, посещение поликлиники и т.п.).

Главное отличие нормативной конструкции домашнего ареста от запрета выхода из жилища в рамках ст. 105.1 УПК РФ состоит в том, что домашний арест предполагает установление изначального запрета покидать жилое помещение и одновременно с этим некоторые изъятия из общего запрета, прямо определяемые судом. Запрет в порядке ст. 105.1 УПК РФ состоит в том, что суд, напротив, устанавливает тот период, в течение которого выход из жилища запрещен, в остальное время указанный запрет не действует. При этом исходя из обстоятельств дела запрет выхода из жилого помещения в рамках ст. 105.1 УПК РФ может быть сформулирован как общий, но с исключениями, определяемыми следователем, например: «Установить запрет покидать жилище. Посещение обвиняемым медицинских организаций осуществлять с письменного разрешения следователя»¹⁴. Такой порядок не является делегированием следователю тех полномочий, которые принадлежат только суду, а лишь позволяет

именно следователю конкретизировать исключения из общего правила, что соответствует как сущности судебного контроля за расследованием, так и процессуальным полномочиям следователя.

В науке высказано предложение об ограничении сферы применения запрета на выход из жилого помещения только теми составами преступлений, которые предусматривают наказание в виде лишения свободы¹⁵. А. В. Гричаниченко обосновывает это сходством запрета с домашним арестом, который должен преимущественно назначаться только по преступлениям, предусматривающим наказание в виде лишения свободы¹⁶. Однако с такими предложениями сложно согласиться. Во-первых, запрет выхода из жилого помещения, как он установлен в ст. 105.1 УПК РФ, отнюдь не приравнивается к лишению свободы по характеру налагаемых ограничений. Во-вторых, запрет выхода из жилого помещения существенно мягче и домашнего ареста, поскольку он не предполагает невозможности покидать жилое помещение. Именно эта заведомая мягкость рассматриваемого запрета в сравнении с лишением свободы и домашним арестом свидетельствует о возможности его избрания и по тем преступлениям, которые не предусматривают наказания в виде лишения свободы. Законодатель совершенно сознательно разграничил в этом аспекте запрет определенных действий и домашний арест.

Второй запрет — находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них (п. 2 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ).

По сути, данная норма содержит три различных, хотя и близких по содержанию запрета: а) находиться в определенных местах либо приближаться к ним на установленное расстояние; б) посещать мероприятия; в) участвовать в мероприятиях.

¹⁴ Дело № 3/2-260/2019. Кассационное постановление Президиума Верховного Суда Республики Дагестан № 44У-141/2019 4У-510/2019 от 25.09.2019 // URL: http://судебные.решения.рф/https://sudact.ru/regular/doc/VDWqovNs23lx/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+105.1.+Запрет+определенных+действий%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=30&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1711969635543 (дата обращения: 31.03.2024).

¹⁵ См.: Шигурова Е. И., Шигуров А. В. Теоретические и практические проблемы применения запрета определенных действий в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 4. С. 319–320.

¹⁶ Гричаниченко А. В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 99–101.

Места, в которые ограничивается доступ, могут быть связаны непосредственно с расследуемым преступлением (например, место происшествия), а могут не иметь такой прямой связи (в частности, возможно избрание запрета на посещение подобных мест в зависимости от характера преступления — стадионов, концертных комплексов и т.п.).

Рассматриваемая серия запретов призвана исключить физическое нахождение лица в каких-либо местах либо его физические участие в мероприятиях. То, что это необходимо в интересах судопроизводства, представляется бесспорным. Вместе с тем возникают вопросы по поводу характера ограничений, устанавливаемых в рамках данного запрета. В частности, не вполне ясно, как быть, если, например, лицо проживает на незначительном расстоянии от объекта, нахождение рядом с которым запрещается (например, стадион или магазин). В реальности обвиняемый (подозреваемый) будет по объективным причинам (выходя из дома и возвращаясь домой) проходить возле этого объекта. Непонятно, как определить, с какой целью лицо проходило мимо объекта — просто по дороге либо сознательно сближаясь с ним и, соответственно, образуют ли его действия неисполнение меры пресечения.

Запрет на участие в мероприятиях направлен на исключение возможности лица совершать противоправные действия либо развивать и публично озвучивать свою противоправную позицию в ходе тех или иных мероприятий. Данный запрет весьма актуален в некоторых субъектах Российской Федерации в силу национально-исторической специфики проведения тех или иных мероприятий¹⁷. В силу отмеченного фактора такой запрет направлен прежде всего на обеспечение физической невозможности

участия в мероприятиях. Однако в последнее время (как вследствие пандемии ковида, так и в силу развития информационных технологий) многие мероприятия проводятся в режиме онлайн. Очевидно, что суд с учетом конкретной ситуации совершения преступления и особенностей расследования вправе наложить на обвиняемого (подозреваемого) запрет на участие в мероприятиях и в режиме онлайн.

Сложность контроля за соблюдением запретов, входящих во вторую группу, обуславливает то обстоятельство, что они избираются весьма редко, на что обращается внимание в научной литературе¹⁸.

Третий запрет — общаться с определенными лицами (п. 3 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Этот запрет направлен на недопущение физического и психологического воздействия обвиняемого на лиц, располагающих значимой для дела информацией. При этом необязательно наличие у данных лиц статуса участников уголовного судопроизводства.

По смыслу закона в ходатайстве следователя и постановлении судьи должны быть указаны конкретные лица, на общение с которыми распространяется запрет. В судебной практике имели место случаи, когда неуказание подобных сведений расценивалось как нарушение закона и влекло изменение судебного решения¹⁹. В этом аспекте возможны затруднения. Например, по уголовным делам о хищениях в сфере долевого строительства либо по «финансовым пирамидам» может проходить очень много потерпевших и свидетелей, в связи с чем неясно, как даже технически указать их всех в процессуальном документе. Тем более что рассматриваемый запрет предполагает запрет общения не только с лицами, наделенными статусом участников уголовного судопроизводства, но и с

¹⁷ См.: *Рамазанов Т. Б., Керимова Е. Р.* Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42. № 2. С. 174.

¹⁸ См.: *Колпакова Л. А.* Некоторые процессуальные вопросы исполнения мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и залога в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 68; *Рудакова С. В.* Ограничение конституционных прав подозреваемого и обвиняемого при избрании меры пресечения — запрет определенных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 1. С. 158; *Федулова И. И.* К вопросу о применении новой меры пресечения «запрет определенных действий» // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития. СПб., 2020. С. 354–355.

¹⁹ Постановление Оренбургского областного суда № 22к-2417/2022. Обзор судебной практики апелляционной инстанции Оренбургского областного суда за III квартал 2022 г. Утвержден президиумом Оренбургского областного суда 31 октября 2022 г. // Официальный сайт Оренбургского областного суда. URL: http://oblsud.orb.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=670 (дата обращения: 31.03.2024).

«фактическими» свидетелями и потерпевшими, точный круг которых на момент избрания меры пресечения может быть точно не установлен органами предварительного расследования. Более того, вряд ли целесообразно разглашать обвиняемому (подозреваемому) столь существенные для дела сведения (по сути — знакомить его с полным перечнем потерпевших и свидетелей), особенно на ранних этапах расследования. В этом случае избрание меры пресечения, напротив, лишь облегчит возможное противодействие судопроизводству со стороны обвиняемого (подозреваемого).

В практической деятельности подобная коллизия иногда преодолевается путем неопределенных формулировок: «запрет общаться с потерпевшими и свидетелями по делу», без указания данных об их личности. Однако здесь возникает еще более серьезная коллизия. Органы предварительного расследования не ведут реестр потерпевших и свидетелей по делу и не обязаны предоставлять список таких лиц обвиняемому (подозреваемому). Но тогда неясно, каким образом обвиняемый (подозреваемый) должен осознавать, что общение с данным человеком ему запрещено. Подобное знание предполагается по делам о преступлениях, совершенных в условиях очевидности, но по более сложным делам такого знания нет. Указанная ситуация крайне неопределенна и для обвиняемого (подозреваемого), поскольку контакт практически с любым лицом может быть расценен как нарушение условий исполнения меры пресечения, и для органов уголовного судопроизводства, так как, напротив, фактически конкретных ограничений для обвиняемого (подозреваемого) на общение с какими-либо лицами при избрании меры пресечения не устанавливается.

Слудет учитывать невозможность точного установления всего круга потерпевших и тем более свидетелей по ряду категорий дел, в том числе по тем, по которым избрание в качестве меры пресечения запрета определенных действий наиболее целесообразно (например, по мошенничеству в сфере долевого строительства). По смыслу закона для ограничения зна-

чим не просто факт общения, а его характер. Общение должно признаваться нежелательным, если в его рамках обвиняемый каким-либо образом влияет на поведение свидетеля или потерпевшего. Иными словами, если общение касается установления обстоятельств совершенного деяния и влияет на принятие по делу законного решения, оно должно осуществляться исключительно в рамках действий, предусмотренных УПК РФ, и не может носить неофициального, непроцессуального характера. Если же отмеченного влияния не происходит и обвиняемый даже не знает о связи свидетеля или потерпевшего с делом (например, свидетель или потерпевший работает продавцом в магазине, в котором обвиняемый приобретает продукты питания), никаких отрицательных последствий такое общение не вызывает.

Соответственно, соблюдение рассматриваемого запрета можно обеспечить посредством обращения свидетелей или потерпевших с заявлением о неправомерных действиях обвиняемого по факту совершения таких действий.

В научной литературе высказано мнение о необходимости дополнения данного запрета указанием на недопустимость приближаться к лицам, с которыми запрещено общаться, на установленное расстояние²⁰. Такое предложение, безусловно, заслуживает внимания, поскольку направлено на обеспечение безопасности соответствующих лиц, однако его реализация может вызвать значительные сложности. Во-первых, непросто определить критерии безопасности, не вполне понятно, из чего следует исходить — из расстояния, позволяющего физический контакт, либо расстояния, на котором доступно визуальное восприятие, либо чего-то иного. Во-вторых, крайне затруднительно добиться фактического исполнения такого запрета, поскольку нереально зафиксировать приближение именно на конкретное расстояние.

Сказанное в полной мере относится и к запрету такого вида поведения, как употребление спиртных напитков, что также иногда предлагается в научных работах²¹.

Четвертый и пятый запреты — отправлять и получать почтово-телеграфные отправления,

²⁰ См.: *Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю.* Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 228.

²¹ См.: *Бондаренко И. П.* Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 28.

использовать средства связи и сеть Интернет (п. 4, 5 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Они распространяются соответственно на движение информации с использованием услуг почтовой либо электро-связи²². При этом безусловно правы авторы, отмечающие необходимость обеспечения права обвиняемого (подозреваемого) пользоваться Интернетом для связи с защитником²³. Очевидно, что законодатель посчитал это положение само собой разумеющимся, в связи с чем в тексте закона оно прямо не закреплено. Следует обратить внимание и на то, что требуется несколько переосмыслить подход к пользованию Интернетом, поскольку в настоящее время с его помощью осуществляется научная или творческая деятельность²⁴. В связи с этим возникает вопрос, насколько правомерно наложение в рамках избрания меры пресечения данного запрета, если обвиняемый (подозреваемый) не отстранен от работы. Кроме того, в научных работах справедливо отмечается, что практически невозможно проконтролировать соблюдение всех запретов рассматриваемой группы обвиняемым (подозреваемым), свобода перемещения которого не ограничена первым запретом²⁵. Представляется, что указанные запреты в целом соответствуют конституционным нормам, однако их практическое избрание должно осуществляться в тех ситуациях, когда пользование средствами связи и Интернетом действительно противоречит интересам расследования.

Шестой запрет — управлять транспортным средством (п. 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ). Данный запрет строго ограничен только инкриминируемыми обвиняемому (подозреваемому) преступлениями, связанными с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. Такое ограничение представляется вполне разумным, поскольку оно вытекает из характера совершенного преступления. Вместе с тем целесообразно распространить возможность подобного запрета на иные преступления (например, разбойные нападения,

незаконный сбыт наркотических средств или оружия), связанные с систематическим использованием транспортного средства.

Важен вопрос о реальном обеспечении указанных запретов. Технические средства контроля (электронные браслеты и трекары) эффективны только в ситуации первого запрета. На данном этапе развития техники вряд ли можно добиться сколько-либо действенного контроля посредством таких средств за соблюдением второго и третьего запретов. Нарушения этих запретов должны фиксироваться в основном из заявлений тех или иных лиц, которые подверглись негативному воздействию со стороны обвиняемого (подозреваемого). Конечно, мера пресечения необходима прежде всего для предотвращения отрицательного поведения обвиняемого (подозреваемого), но применительно ко второму и третьему запретам вряд ли возможно на данном этапе развития науки и техники применить такие средства контроля, которые зафиксировали бы все контакты обвиняемого (подозреваемого) с иными лицами.

Контроль за соблюдением шестого запрета обеспечивается прежде всего изъятием у обвиняемого (подозреваемого) водительского удостоверения (ч. 5 ст. 105.1 УПК РФ). Термин «водительское удостоверение» в рассматриваемом контексте носит более широкий характер и подразумевает любой документ, предоставляющий право управления транспортным средством. Не вполне ясно, должно ли изъятие данного документа проводиться в форме выемки либо каким-то иным способом. Очевидно, что подобное изъятие не является выемкой, поскольку представляет собой неотъемлемую часть меры пресечения. Разрешение на изъятие водительского удостоверения дается судом непосредственно в постановлении об избрании меры пресечения. Изъятие должно фиксироваться в процессуальном документе, практически совпадающем по содержанию и форме с протоколом выемки, причем в дан-

²² См.: *Вилкова Т. Ю.* Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44–47.

²³ См.: *Литвина Л. М.* Запрет определенных действий: шаг вперед // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 4 (42). С. 517.

²⁴ См.: *Бамрадзе А. А., Белов Д. О., Калинин А. Н.* О конституционности запрета на использование сети «Интернет» подозреваемым или обвиняемым // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 19–32.

²⁵ См.: *Белкин А. Р.* Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 47; *Федотов И. С.* Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 28.

ном документе необходимо указать ссылку на ст. 105.1 УПК РФ.

Помимо изъятия водительского удостоверения, допускается направление информации о наложенном на обвиняемого (подозреваемого) запрете в регистрационно-экзаменационное подразделение органа ГИБДД, а также ориентирование нарядов органа внутренних дел. Эти действия, носящие организационно-обеспечительный характер, сами по себе не представляют расширения границ запрета, установленного пунктом 6 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, и не влекут ограничения прав обвиняемого (подозреваемого) сверх предусмотренных законом пределов.

Из запретов, предусмотренных частью 6 ст. 105.1 УПК РФ, только первый запрет (на выход из жилого помещения) имеет срочный характер. При первоначальном избрании судом данного запрета его срок не может превышать срока предварительного расследования, и суд обязан указать конкретную дату, до которой действует запрет (как правило, дата окончания срока предварительного расследования на

момент возбуждения ходатайства об избрании меры пресечения). Впоследствии срок запрета может продлеваться с продлением срока расследования, однако установлены предельные сроки действия запрета: 12, 24 и 36 месяцев в зависимости от категории преступления.

Остальные предусмотренные частью 6 ст. 105.1 УПК РФ запреты избираются бессрочно и действуют на протяжении всего срока расследования²⁶, продление срока расследования влечет одновременное продление срока действия соответствующего запрета. В научной литературе правильно отмечается, что суды не должны устанавливать дату, до которой действуют запреты (кроме запрета выхода из жилого помещения)²⁷. Указание в постановлении судьи такого срока расценивается как нарушение закона и влечет изменение судебного решения вышестоящим судом путем исключения из него соответствующего положения²⁸ либо даже посредством полной отмены решения нижестоящего суда и направления материала на новое судебное рассмотрение²⁹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азаренок Н. В. Основания и порядок избрания запрета определенных действий // Уголовное право. 2018. № 54. С. 109–112.

Александров А. С. Некоторые проблемы исполнения мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий // Материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции «Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики» (Новокузнецк, 18–19 октября 2023 г.). Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН, 2023. С. 10–13.

Алексеев И. М., Данильян А. С., Данильян С. А. Домашний арест и запрет определенных действий: проблемы теории и практики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 3 (53). С. 53–57.

Андреева О. И., Зайцев О. А., Епихин А. Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 225–229.

Бамрадзе А. А., Белов Д. О., Калинин А. Н. О конституционности запрета на использование сети «Интернет» подозреваемым или обвиняемым // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 19–32.

²⁶ См.: Гребнева Н. Н. Запрет определенных действий: теоретические и практические аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 118.

²⁷ См.: Харатишвили А. Г., Прошутинская А. А. Запрет определенных действий: два года действия новой меры пресечения // Правда и закон. 2020. № 1 (11). С. 42.

²⁸ Дело № 22-342/2018. Апелляционное постановление Суда Еврейской автономной области от 20.07.2018 // URL: <http://судебныерешения.рф/35229545?> (дата обращения: 31.03.2024).

²⁹ Дело № 3/11-2/2018. Кассационное постановление президиума Тверского областного суда № 44У-12/2019 44У-151/2018 4У-1274/2018 от 28.01.2019 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/JKRdlmtx5aNp/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+105.1.+Запрет+определенных+действий-%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=30&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1711969635543 (дата обращения: 31.03.2024).

Белкин А. Р. Запрет определенных действий — хорошо ли он определен? // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 2. С. 43–50.

Бондаренко И. П. Особенности применения комбинированных мер пресечения в контексте внедрения в уголовный процесс запрета определенных действий // Российский следователь. 2021. № 1. С. 26–30.

Вилкова Т. Ю. Тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в уголовном судопроизводстве: правовые основы, содержание, гарантии // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 44–47.

Гребнева Н. Н. Запрет определенных действий: теоретические и практические аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 4 (50). С. 116–119.

Гричаниченко А. В. Запрет определенных действий и домашний арест // Уголовное право. 2019. № 6. С. 97–103.

Колпакова Л. А. Некоторые процессуальные вопросы исполнения мер пресечения в виде запрета определенных действий, домашнего ареста и залога в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № 1 (53). С. 62–73.

Костенко Д. С. Применение превентивных запретов определенных действий при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2021. С. 130–132.

Ксендзов Ю. Ю. Меры пресечения в виде запрета определенных действий, залога, домашнего ареста: вопросы их соотношения и практики применения // Право и политика. 2020. № 8. С. 67–84.

Литвина Л. М. Запрет определенных действий: шаг вперед // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 4 (42). С. 514–518.

Марковичева Е. В. Трансформация домашнего ареста как меры пресечения в российском уголовном процессе // Правосудие. 2023. № 3. С. 23–26.

Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск : Омская академия МВД России, 2017. 226 с.

Рамазанов Т. Б., Керимова Е. Р. Некоторые теоретические и практические вопросы применения запрета определенных действий в уголовном процессе // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2022. Т. 42. № 2. С. 172–176.

Рудакова С. В. Ограничение конституционных прав подозреваемого и обвиняемого при избрании меры пресечения — запрет определенных действий // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 1. С. 155–161.

Удовиченко В. С., Сорокина С. А. Запрет определенных действий: актуальные проблемы теории и практики // Алтайский юридический вестник. 2022. № 2 (38). С. 125–130.

Федотов И. С. Домашний арест и запрет определенных действий как альтернатива заключению под стражу // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 26–29.

Федулова И. И. К вопросу о применении новой меры пресечения «запрет определенных действий» // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития. СПб., 2020. С. 352–355.

Федюнин А. Е., Перетягко Н. М. Вопросы совершенствования правовой политики в области применения запрета определенных действий как меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 172–180.

Харатишвили А. Г., Прошутинская А. А. Запрет определенных действий: два года действия новой меры пресечения // Правда и закон. 2020. № 1 (11). С. 39–46.

Хатуаева В. В. Запрет определенных действий — новелла в системе мер пресечения // Законодательство. 2019. № 8. С. 82–85.

Шигурова Е. И., Шигуров А. В. Теоретические и практические проблемы применения запрета определенных действий в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14. № 4. С. 318–322.

REFERENCES

- Alekseyev IM, Danilyan AS, Danilyan SA. House arrest and prohibition of certain actions: problems of theory and practice. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2021;3(53):53-57. (In Russ.).
- Alexandrov AS. Some problems of execution of preventive measures in the form of house arrest and prohibition of certain actions. In: *Proceedings of the 23rd All-Russian scientific and practical conference «The penal enforcement system today: Interaction of science and practice» (Novokuznetsk, October 18–19, 2023)*. Novokuznetsk: Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service; 2023. (In Russ.).
- Andreeva OI, Zaitsev OA, Epikhin A Yu. Prohibition of certain actions as a new security measure for a person in criminal trial. *Bulletin of Tomsk State University*. 2018;436:225-229. (In Russ.).
- Azarenok NV. The grounds and procedure for the election of a ban on certain actions. *Criminal Law*. 2018;54:109-112. (In Russ.).
- Bamradze AA, Belov DO, Kalinin AN. On the constitutionality of the prohibition of the use of the Internet by suspects or accused persons. *Legal Studies*. 2022;3:19-32. (In Russ.).
- Belkin AR. Prohibition of definite actions — is it well defined? *Judicial Authority and Criminal Process*. 2019;2:43-50. (In Russ.).
- Bondarenko IP. Peculiarities of application of combined restrictive measures within the framework of the introduction of a prohibition of specific actions in the criminal procedure. *Russian Investigator*. 2021;1:26-30. (In Russ.).
- Fedotov IS. House arrest and prohibition of certain actions as an alternative to detention. *Russian Justice*. 2019;3:26-29. (In Russ.).
- Fedulova II. On the issue of the application of a new preventive measure «prohibition of certain actions». In: *Criminal Proceedings in Russia: Problems and Prospects of Development*. St. Petersburg; 2020. (In Russ.).
- Fedyunin AE, Peretyatko NM. Issues of improving legal policy in the field of application of the prohibition of certain actions as a measure of restraint in criminal proceedings. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn*. 2023;1:172-180. (In Russ.).
- Grebneva NN. Prohibition of certain actions: theoretical and practical aspects. *Proceedings of Orenburg Institute (branch) of Moscow State Law Academy*. 2021;4(50):116-119. (In Russ.).
- Grichanichenko AV. Prohibition of certain actions and house arrest. *Criminal Law*. 2019;6:97-103. (In Russ.).
- Kharatishvili AG, Proshutinskaya AA. Prohibition of certain actions: two years of the new measure of restraint. *Pravda i zakon*. 2020;1(11):39-46. (In Russ.).
- Khatuaeva V, Rostovskaya TK (eds.). Prohibition of certain actions is a novel in the system of preventive measures. *Zakonodatelstvo*. 2019;8:82-85. (In Russ.).
- Kolpakova LA. Some procedural issues related to the enforcement of restrictive measures in the form of prohibition on certain actions, house arrest, and bail in the work of probation inspectorates. *Penitentiary Science*. 2021;15(1(53)):62-73. (In Russ.).
- Kostenko DS. Application of preventive prohibitions of certain actions in the investigation of crimes related to illicit drug trafficking. In: *Actual problems of combating crime: Issues of theory and practice. Proceedings of the 24th International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk; 2021. (In Russ.).
- Ksenzov YuYu. Preventative measures in form of a restriction of certain actions, collateral, and house arrest: questions of their correlation and practices of application. *Law and Politics*. 2020;8:67-84. (In Russ.).
- Litvin LM. Banning certain actions: a step forward. *Bulletin of Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;11(4(42)):514-518. (In Russ.).
- Markovicheva E Rostovskaya TK (eds.). Transformation of house arrest as a preventive measure in the Russian criminal process. *Pravosudie*. 2023;3:23-26. (In Russ.).
- Muravyov KV. Measures of procedural coercion — special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2017. (In Russ.).
- Ramazanov TB, Kerimova ER. Some theoretical and practical issues of applying the prohibition of certain actions in criminal proceedings. *Legal Bulletin of Dagestan State University*. 2022;42(2):172-176. (In Russ.).
- Rudakova SV. Restriction of the constitutional rights of the suspect and the accused when choosing a preventive measure — prohibition of certain actions. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve*. 2021;14(1):155-161. (In Russ.).

Shigurova EI, Shigurov A Rostovskaya TK (eds.). Theoretical and practical problems of the application of the prohibition of certain actions in the Russian criminal process. *Probely v rossijskom zakonodatelstve*. 2021;14(4):318-322. (In Russ.).

Udovichenko VS, Sorokina SA. Prohibition of certain actions: current problems of theory and practice. *Altai Law Journal*. 2022;2(38):125-130. (In Russ.).

Vilkova TYu. The secret of correspondence, telephone and other conversations, postal, telegraph and other messages in criminal proceedings: legal basics, maintenance, warranty. *Russian Justice*. 2014;10:44-47. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стельмах Владимир Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева д. 21, Комсомольская ул., г. Екатеринбург 620137, Российская Федерация
vstelmah@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir Yu. Stelmakh, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Judicial Activity and Criminal Procedure named after P.M. Davydov, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation
vstelmah@mail.ru

Материал поступил в редакцию 8 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 мая 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 08.04.2024.

Revised 12.05.2024.

Accepted 15.07.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.031-042

С. Ю. Мироненко

Донбасский государственный университет юстиции
г. Донецк, Российская Федерация

Уголовно-правовая характеристика форм применения запрещенных средств и методов ведения войны

Резюме. Применение запрещенных средств и методов ведения войны и другие военные преступления достаточно распространены в современном мире. Во время вооруженных конфликтов нередко нарушаются права военнопленных и гражданского населения, разрушаются памятники истории и искусства, наносится непоправимый ущерб окружающей природной среде. В исследовании проводится анализ таких форм применения запрещенных средств и методов ведения войны, как: а) жестокое обращение с военнопленными; б) жестокое обращение с гражданским населением; в) депортация гражданского населения; г) разграбление национального имущества на оккупированной территории; д) применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором. Анализ форм применения запрещенных средств и методов ведения войны доказывает, что диспозицией основного состава данного преступления определены альтернативные деяния при его совершении, каждое из которых, в свою очередь, образует окончанный состав преступления, предусмотренного частью 1 ст. 356 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особенностью законодательного определения объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны является как описательное, так и бланкетное определение признаков этого преступления. Содержание основных форм этого преступления определено в диспозиции ст. 356 УК РФ, а многих других форм — в соответствующих международных договорах Российской Федерации. В данном случае речь идет о двойной противоправности указанного деяния.

Ключевые слова: уголовный кодекс; уголовная ответственность; вооруженный конфликт; военные преступления; запрещенные средства и методы ведения войны; формы применения запрещенных средств и методов ведения войны; уголовно-правовая характеристика

Для цитирования: Мироненко С. Ю. Уголовно-правовая характеристика форм применения запрещенных средств и методов ведения войны. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 31–42. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.031-042

Criminal Law Characteristics of the Forms of Use of Prohibited Means and Methods of Warfare

Sergey Yu. Mironenko

Donbass State University of Justice
Donetsk, Russian Federation

Abstract. The use of prohibited means and methods of warfare and other war crimes are quite common in the modern world. During armed conflicts, the rights of prisoners of war and civilians are often violated, historical and art monuments are destroyed, and irreparable damage is caused to the natural environment. The study analyzes such forms of use of prohibited means and methods of warfare as: a) ill-treatment of prisoners of war; b) ill-treatment of the civilian population; c) deportation of the civilian population; d) looting of national property in the occupied territory; e) the use of means and methods in armed conflict prohibited by the international treaty. The analysis of the forms of use of prohibited means and methods of warfare proves that the disposition of the main composition of this crime defines alternative acts in its commission, each of which, in turn, forms

© Мироненко С. Ю., 2024

the complete composition of the crime provided for in Part 1 of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. A feature of the legislative definition of the objective element of the use of prohibited means and methods of warfare is both a descriptive and a blank definition of the signs of this crime. The content of the main forms of this crime is defined in the disposition of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation, and many other forms are defined in the relevant international agreements of the Russian Federation. In this case, we are talking about the double wrongfulness of the specified act.

Keywords: criminal code; criminal liability; armed conflict; war crimes; prohibited means and methods of warfare; forms of use of prohibited means and methods of warfare; criminal law characteristics

Cite as: Mironenko SYu. Criminal Law Characteristics of the Forms of Use of Prohibited Means and Methods of Warfare. *Lex russica*. 2024;77(8):31-42. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.031-042

Введение

В теории уголовного права общественно опасное деяние определяется по-разному, но прежде всего деяние характеризуется совокупностью признаков: «1) общественная опасность; 2) уголовная противоправность; 3) виновность; 4) наказуемость»¹. Эти признаки деяния обязательны для всех преступлений, но в каждом конкретном случае деяние имеет индивидуальные, специфические признаки, которые позволяют идентифицировать объект преступления и способствуют разграничению данного преступного деяния и преступных деяний других видов.

Термин «деяние» в уголовном праве имеет два значения — широкое и узкое. В широком значении он относится к понятию самого преступления. В более узком смысле под деянием подразумевается характеристика объективной стороны преступления. «Деяние — это общественно опасное, противоправное, осознанное, волевое, сложное по характеру действие или бездействие, которое нарушает или создает реальную угрозу нарушения общественных отношений, взятых под охрану уголовным кодексом»².

В диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ понятие «применение запрещенных средств и методов ведения войны» определяется как обобщение определенной группы альтернативных преступных деяний. Эти деяния имеют как общие признаки, так и особенности, связанные в первую очередь с непосредственным объектом и способом совершения данного преступления. Действие — это волевое поведение челове-

ка, которое существует как самостоятельное психофизическое единство и социально-правовое явление, всегда включает в себя способ его совершения, характеризует действие как определенный порядок, последовательность приемов и методов, используемых человеком для совершения преступления, и выступает как один из важнейших признаков, который влияет на содержание действия. Я. М. Брайнин указал на универсальность и важность способов совершения преступлений и подчеркнул, что нет никакого преступления без присущего ему способа его совершения³. И. Я. Фойницкий отмечал: «Для классификации преступных деяний по их удобному познанию более пригодны те признаки, которые определены во внешнем составе преступного деяния, в частности либо в способе деяния, либо в субъекте и объекте посягательства»⁴. Для привлечения лица к уголовной ответственности возникает необходимость установления не только способа деяния, характерного для преступления, но и наличия общественно опасных последствий в результате совершенного таким способом деяния.

Основная часть

В диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ установлены следующие формы применения запрещенных средств и методов ведения войны:

- а) жестокое обращение с военнопленными;
- б) жестокое обращение с гражданским населением;

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М. : Контракт, Инфра-М, 2013. С. 20.

² Уголовное право Казахстана и России. Общая часть / отв. ред. Р. М. Абдрашев, С. В. Маликов, А. И. Чучаев. М., 2022. С. 114, 115.

³ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М., 1963. С. 182.

⁴ Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная : Посягательства на личность и имущество. СПб., 1890. С. 2.

в) депортация гражданского населения;
г) разграбление национального имущества на оккупированной территории;

д) применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации.

Наряду с понятием «форма преступления», в уголовном праве используются также понятия «состав» и «виды преступлений». Форма конкретного преступления — это определение основных признаков преступления в статье уголовного закона, его диспозиции или соответствующей международно-правовой норме. Формы применения запрещенных средств и методов ведения войны определены как диспозицией ст. 356 УК РФ, так и соответствующими международными договорами Российской Федерации. Под содержанием состава преступления «применение запрещенных средств и методов ведения войны» необходимо понимать совокупность его признаков, указанных в диспозиции ст. 356 УК РФ. Вид конкретного преступления зависит от наличия или отсутствия в той или иной статье Особенной части УК РФ обстоятельств, которые смягчают или отягчают наказание.

Жестокое обращение с военнопленными является одним из альтернативных преступных деяний, совершение которого образует окончательный состав данного преступления. Согласно ст. 4 Женевской конвенции «Об обращении с военнопленными» 1949 г. «статусом военнопленного могут обладать только лица, которые попали под власть неприятеля и которые принадлежат личному составу вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, а также при некоторых условиях лица из состава отрядов добровольцев, движений сопротивления, народного ополчения, экипажей торгового флота, населения неоккупированных территорий»⁵. Согласно ст. 12 указанной Конвенции «военнопленные находятся во власти неприятельской державы, но не отдельных лиц или воинских частей, взявших их в плен». К военнопленным нельзя относиться как к преступникам и при-

влекать их к уголовной ответственности только потому, что они принимали участие в военных действиях в качестве комбатантов. Система содержания военнопленных должна защищать не только их жизнь, но и их основные права человека. Попытки в отношении военнопленных не допускаются. Согласно ч. 1 ст. 356 УК РФ объективная сторона этого преступления имеет место в случае жестокого обращения с военнопленными, то есть совершение в отношении них деяний, представляющих собой серьезное нарушение соответствующих правил обращения, которые определены в упомянутой Женевской конвенции.

Ни в российском, ни в международном праве нет определения понятия «жестокое обращение». В уголовном праве эти понятия являются оценочными — их содержание определяется в ходе правоприменения в результате оценки конкретных обстоятельств конкретного уголовного дела. Принято считать, что оценочная концепция придает уголовно-правовому регулированию такие качества, как целостность, гибкость, динамичность. В целом это является положительным свойством. Но оценочная концепция может иметь и негативные последствия: из-за субъективных моментов в их применении возможны ошибки в следственной и судебной деятельности⁶.

В российском законодательстве понятие «жестокое обращение» впервые было использовано в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.⁷ для характеристики объективной стороны особо жестокого обращения супругов друг с другом, которое, согласно толкованию судебной практики, включает в себя нанесение увечий, ран, побоев и других форм пыток и издевательств (ст. 2075).

На основании ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸ «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». Согласно Конвенции Организации Объединенных Наций против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих до-

⁵ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и Дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М., 2011. С. 67.

⁶ Андреева Л. А., Константинов Л. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб., 2002. С. 27.

⁷ URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002889696/ (дата обращения: 12.03.2024).

⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (с изм. на 24 июня 2013 г.) (редакция, действующая с 1 февраля 2022 г.) // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1000003045> (дата обращения: 12.03.2024).

стоинство видов обращения и наказания⁹ «под определение этих преступных деяний может подпадать даже единичный факт пыток» (ст. 1). Как следует из ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Это касается и случаев «жестокого обращения», определенного в ч. 1 ст. 356 УК РФ.

В юридической литературе нет единого определения этого понятия. Так, И. Я. Фойницкий под жестоким обращением понимал «побои, издевательства и мучения, которые причиняются постоянно в течение длительного времени и могут превратиться в чрезвычайно тяжкие посяательства против здоровья, а возможность причинять их постоянно предполагает соответствующую власть преступника над потерпевшим»¹⁰. В. П. Малков под жестоким обращением с военнопленными понимает «любой незаконный акт или бездействие со стороны компетентных лиц, государства, которые держат их в плену, что может привести к смерти военнопленного или причинению вреда его здоровью (в частности, физическое увечье, научные и медицинские эксперименты, акты насилия или пытки и издевательства)»¹¹. В издании, подготовленном Международным комитетом Красного Креста (МККК), жестокое обращение толкуется как «принятие любых мер, которые могут привести к физическому страданию или уничтожению лиц, находящихся под защитой»¹².

Некоторые ученые определяют жестокое обращение как «различные формы воздействия на жертву, которые характеризуются крайней степенью бесчеловечности, безжалостности: умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязания, изнасилования, понуждение к действиям сексуального характера, ограничение или лишение свободы, незаконное помещение в

психиатрическую больницу, принуждение к тяжелому физическому труду и т.п. Совершение преступления данным способом также может быть выражено и в форме бездействия: лишение жертвы пищи, крова, воды, непредоставление средств к существованию, неоказание медицинской помощи и т.п.»¹³. «Под жестоким обращением с военнопленными или гражданским населением, — указывают Г. А. Есаков и В. В. Палий, — следует понимать любое нарушение Женевских конвенций в отношении одного или нескольких лиц, которые находятся под защитой данных Конвенций»¹⁴.

Жестокое обращение — это безжалостные, грубые деяния, которые причиняют потерпевшему физические и психические страдания (издевательства, пытки, нанесение телесных повреждений, побоев, лишение средств к существованию, жилья, еды, одежды и т.п.).

На наш взгляд, понятие «жестокость» не может быть медицинским понятием. Поэтому доказательство факта жестокого обращения не входит в компетенцию судебно-медицинских экспертов. Этот вопрос должны решать следственные и судебные органы.

Следует отметить, что во время вооруженных конфликтов такое обращение почти всегда направлено не только против отдельных лиц, но и против конкретных социальных групп по расовому, национальному, этническому или религиозному признаку, носит государственно-организованный характер и часто осуществляется с применением оружия. Считаем, что общее понятие «жестокое обращение с военнопленными» может также охватывать такие преступные деяния, как пытки, телесные наказания, коллективные наказания, медицинские эксперименты над военнопленными, изъятие тканей и органов для трансплантации и т.п. Во время Второй мировой войны обращение с военнопленными, особенно с советскими, было крайне жестоким. Жестокое и издевательское обращение с ними, пытки и истязания больших

⁹ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10.12.1984) // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 12.03.2024).

¹⁰ Фойницкий И. Я. Указ. соч. С. 82.

¹¹ Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань, 1982.

¹² Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве : сборник статей и документов. М., 1999. С. 23.

¹³ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части. С. 174.

¹⁴ Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части. С. 356.

и раненых воинов, ограбление убитых, раненых и плененных — все эти и им подобные тяжкие злодеяния гитлеровцев являлись вопиющим нарушением требований международного права, в частности Гаагской и Женевской конвенций¹⁵.

Считаем, что жестокое обращение с военнопленными может происходить как в результате действия, так и в результате преступного бездействия. Однако сам факт жестокого обращения с военнопленными, предусмотренный частью 1 ст. 356 УК РФ, уже образует окончательный состав преступления.

Жестокое обращение с гражданским населением является одним из альтернативных преступных деяний, совершение которого образует окончательный состав основного состава рассматриваемого преступления. Эволюция человеческой цивилизации наглядно подтверждает, что страшные испытания и нищета, вызванные военными конфликтами, являются наиболее тяжким бременем для обычных людей¹⁶.

Согласно ч. 2 ст. 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г. (далее — ДП-I) гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население¹⁷. Камера первой инстанции Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в 1995 г. относительно бомбардировок Загреба во время Югославского конфликта заявила, что «норма, в соответствии с которой как гражданское население в целом, так и отдельные гражданские лица не должны подвергаться нападению, является основополагающим принципом международного гуманитарного права, применяемым ко всем вооруженным конфликтам»¹⁸.

Основной принцип права вооруженных конфликтов, который стоит на защите гражданского населения, говорит о том, что в случае вооруженного конфликта стороны имеют

право выбирать средства и методы ведения войны, которые не являются неограниченными. Согласно ст. 48 ДП-I «для обеспечения защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны, находящиеся в конфликте, должны всегда отличать гражданское население от комбатантов, и гражданские объекты от военных объектов, а также соответственно направлять свои действия только против военных объектов».

Гражданскому населению и отдельным мирным гражданам в вооруженном конфликте предоставляется как общая правовая защита, так и специальная правовая защита, которая защищает определенные категории граждан, независимо от пола, возраста, национальности, расы, религиозных или политических убеждений. «Общая защита гражданского населения и отдельных гражданских лиц предусматривает, что эти люди имеют право на гуманное обращение и уважение их личности, чести, достоинства, их прав, религиозных убеждений, обычаев при любых обстоятельствах»¹⁹. Специальная защита применяется к категории граждан с повышенной уязвимостью (например, женщины, дети, больные и т.п.) или к категории граждан, которые выполняют функции по оказанию помощи гражданским лицам в обеспечении их выживания во время боевых действий (сотрудники медицинских подразделений, организаций гражданской обороны и т.п.). В связи с этим считаем необходимым определить в ст. 356 УК РФ в качестве квалифицирующего признака совершение данного преступления в отношении раненых или больных лиц, беременных женщин, матерей, имеющих детей в возрасте до 14 лет, и в отношении детей.

При защите гражданского населения стороны конфликта не должны допускать действия (или бездействия), которые могут привести к нарушению прав и законных интересов гражданского населения, в том числе иностранных граждан, которые находятся на территории

¹⁵ Ученые Института государства и права Российской академии наук. П. С. Ромашкин / рук. проекта, отв. ред. А. Н. Савенков. М., 2023. С. 468.

¹⁶ Гроций Г. О праве войны и мира: Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., 1994.

¹⁷ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года... С. 237.

¹⁸ Основные «содержательные» нормы права вооруженных конфликтов // URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/4.pdf> (дата обращения: 19.03.2024).

¹⁹ Международное гуманитарное право. Конспект лекций. Минск, 2011. URL: https://fir.bsu.by/images/departments/il/il-materials/il-studyprocess/pavlova_lv/pavlova_lv_International_Humanitarian_Law.pdf (дата обращения: 19.03.2024).

страны, являющейся стороной конфликта, причинять им физические страдания или привести к их уничтожению (ст. 38 Женевской конвенции «О защите гражданского населения во время войны» 1949 г.).

Жестокое обращение с гражданским населением может включать в себя альтернативные преступные деяния, каждое из которых представляет собой оконченное преступление, предусмотренное частью 1 ст. 356 УК РФ, такие как:

- а) коллективное наказание;
  - б) пытки;
  - в) проведение медицинских или каких-либо других научных экспериментов;
  - г) умышленное причинение страданий или увечий, причинение вреда здоровью;
  - д) арест лиц, которые пребывают под защитой;
  - е) удержание лиц, которые пребывают под защитой, в качестве заложников;
  - ж) незаконное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью;
  - з) изъятие тканей или органов для трансплантации, за исключением случаев, когда это необходимо по состоянию здоровья и в соответствии с медицинскими стандартами;
  - и) нападение на мирных жителей;
  - к) неизбирательные нападения, которые подвергают опасности гражданское население;
  - л) совершение апартеида или других актов подлых и унижающих достоинство лиц действий, основанных на расовой дискриминации;
  - м) принуждение к проституции, вынужденная беременность, принудительная стерилизация и другие формы сексуального насилия;
  - н) использование гражданских лиц или других лиц, которые находятся под защитой, для защиты определенного пункта, района или вооруженных сил от военных действий;
  - о) умышленное совершение деяний, подвргающих мирное население голоданию, посредством лишения их предметов, необходимых для выживания, в том числе умышленное создание преград для оказания помощи и т.п.
- Подтверждением этого являются положения международных договоров Российской Федерации, в частности Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним.

Формами выражения таких деяний, в соответствии со ст. 14 УК РФ, является действие или бездействие.

Считаем, что диспозиция основного состава рассматриваемого преступления может быть расширена путем включения в нее следующих деяний: нападение, повреждение, уничтожение или незаконное изъятие объектов культурного или природного наследия и иных гражданских объектов; принуждение военных или гражданских лиц к участию в военных действиях или выполнению работы военного характера; набор или вербовка детей в вооруженные силы или другие вооруженные формирования или их использование для участия в боевых действиях; ничем не оправданная задержка репатриации военнопленных или гражданского населения.

Депортация гражданского населения является одним из альтернативных преступных деяний, совершение которого образует оконченный состав основного состава рассматриваемого преступления.

Депортация обычно осуществляется открыто, с применением физического или психического насилия и предполагает агрессивные действия со стороны преступника (преступников). Невозможно совершить это преступление путем бездействия. Последствия данного преступления не являются его обязательным признаком. Согласно ст. 51 Женевской конвенции «О защите гражданского населения во время войны» государство-оккупант может направить на принудительные работы только лиц, которым исполнилось 18 лет, и только на работы, связанные с коммунальными предприятиями, питанием, жилищем, одеждой, транспортом и здоровьем населения занятой местности. Лиц, которые находятся под защитой, нельзя принуждать к участию в боевых действиях или к работе, в результате которой они могут быть вовлечены в организации военного или полувоенного характера²⁰. Таким образом, эти положения уточняют и усиливают положения ст. 52 IV Гагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. и позволяют прибегать к трудовой повинности, но запрещают участие гражданских лиц в действиях, которые направлены против его собственного государства²¹.

²⁰ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года. С. 157–158.

²¹ IV Гагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны 1907 г. с приложением Положения о законах и обычаях сухопутной войны // URL: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=11967448%40egNPA (дата обращения: 20.03.2024).

Оккупирующее государство может осуществить полную или частичную эвакуацию населения оккупированной территории, если существуют серьезные причины для обеспечения безопасности населения или, в частности, по военным соображениям. При проведении таких эвакуаций лица, которые находятся под защитой, могут быть перемещены только в глубь оккупированной территории, кроме случаев, когда это сделать практически невозможно. Эвакуированные таким образом гражданские лица должны быть возвращены в места проживания сразу после окончания боевых действий в этом районе.

Разграбление национального имущества на оккупированной территории является одним из альтернативных преступных деяний, совершение которого образует окончанный состав основного состава рассматриваемого преступления. Это наиболее распространенная форма применения запрещенных средств и методов ведения войны. В приговоре Нюрнбергского трибунала было указано, что во время Второй мировой войны нацистская Германия разработала систему захвата культурных ценностей²².

И. И. Бутрим и А. И. Чучаев, анализируя содержание Кодекса Либера, отмечают: «Особое внимание в Кодексе уделено защите ряда категорий лиц, религии, произведений искусства и науки. <...> Всякое бессмысленное... уничтожение и разграбление имущества... запрещается под страхом смертной казни»²³.

Согласно Гагской конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г.²⁴ сохранение культурного наследия касается не только государства, на территории которого расположена та или иная ценность, относящаяся к этому наследию, но имеет большое значение для всех народов мира. Важно обеспечить международную защиту этого наследия.

Существенным признаком совершения этого преступления является предметный элемент, то есть национальное имущество, имеющее значение для общества. Что касается предмета

преступления, то законодателем используется понятие «национальное имущество на оккупированной территории», хотя в международно-правовых актах такое понятие отсутствует. В юридической литературе под разграблением национального имущества понимается «произвольное, крупномасштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызываемое военной необходимостью»²⁵.

Под оккупированной территорией следует понимать «территорию одной страны, временно захваченную регулярными войсками, вооруженными группами, бандами или наемными отрядами, воюющими на стороне другой страны»²⁶.

В результате совершения этого преступления не только разрушаются социальные связи — система мер по защите национального имущества и национальных ценностей, но и может быть нанесен значительный материальный и моральный ущерб. Компонентами объекта этого преступления законодатель определил те, которые регулируют правила обращения с этим национальным имуществом. С учетом того, что только в случае наступления общественно опасных последствий преступление, направленное против национального имущества, получает свое полное развитие, последствия являются необходимым признаком объективной стороны данного преступления. Дополнительный обязательный непосредственный объект этой формы применения запрещенных средств и методов ведения войны, под которым следует понимать отношения собственности в отношении объектов культурного и природного наследия, находящихся под защитой, может указывать на более высокую общественную опасность, поэтому законодатель может выделить указанное преступление как квалифицированное и определить его в отдельной части ст. 356 УК РФ.

Применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации, является одним из альтернативных деяний, совершение которого образует окончанный со-

²² Савенков А. Н. Нюрнберг : Приговор во имя Мира : монография. М., 2022. С. 508.

²³ Бутрим И. И., Чучаев А. И. Кодекс Либера // Государство и право. 2023. № 2. С. 115.

²⁴ URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/treaties-cultural-properties-140554.htm> (дата обращения: 05.04.2024).

²⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2022. С. 959.

²⁶ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015. С. 965.

став применения запрещенных средств и методов ведения войны.

В литературе термин «средство» используется в двух значениях:

1) всё, что достигает цели, в частности предметы, устройства или их совокупность, которые необходимы для осуществления определенной деятельности и достижения цели;

2) материальные ценности, а также то, что служит орудием для определенного действия, дела²⁷.

Средства — это предметы внешнего мира, которые преступник использует для совершения преступления. Среди ученых нет согласия по поводу определения средств ведения войны. Статья 35 ДП-1 гласит, что запрещается применять любые средства или методы ведения войны, которые могут причинить излишние повреждения или излишние страдания либо долговременный и серьезный ущерб окружающей природной среде²⁸.

Ответственность за применение во время войны отдельных из этих средств, в частности оружия массового поражения, определена законодателем в ч. 2 ст. 356 УК РФ как особо квалифицированный состав данного преступления. Под применением оружия массового поражения следует понимать использование его свойств в соответствии с целевым назначением. В этом случае неважно, был ли причинен вред здоровью или жизни потерпевшему или нет. Согласно ст. 1 Федерального закона от 18.07.1999 № 183-ФЗ «Об экспортном контроле» оружие массового поражения — это ядерное, химическое, бактериологическое (биологическое) и токсинное оружие. В статье 355 УК РФ законодатель дает перечень оружия массового поражения: химическое, биологическое, токсинное, а также другие виды оружия массового поражения, запрещенные международным договором Российской Федерации. Развитие науки и техники может способствовать появлению новых видов оружия, которые не уступают по своей эффективности и даже превосходят уже известные виды оружия массового поражения.

Средства совершения преступления тесно связаны со способом совершения преступления,

но сам термин имеет разные значения. Термин «способ» означает «образ действия», «средство совершения чего-либо», «тот или иной порядок деяний для достижения определенной цели»²⁹. В уголовном праве термин «способ» трактуется как «определенный порядок, последовательность движений и приемов, которые применяются лицом для совершения преступления»³⁰. Предметы материального мира, которые используются в качестве средств свершения преступления, имеют определенную программу (способ) возможных действий, которые «могут быть совершены с использованием этих предметов. Так, для каждого вида оружия существует свой способ применения, который зависит только от его свойств и возможностей. Например, главным компонентом химического оружия, действие которого базируется на токсических свойствах химических веществ, являются ядовитые вещества, которые применяются в химических боеприпасах»³¹. Второй компонент этого оружия — средства боевого применения отравляющих веществ. Это носители, средства управления и оборудование, используемые для доставки отравляющего вещества к цели и его применения.

Каждое средство характеризуется своим особым способом негативного воздействия на организм человека. Ядовитые вещества химического оружия проникают в организм человека следующими путями: ингаляционным — через дыхательные пути; резорбтивным — через кожу; пероральным — через желудочно-кишечный тракт. Применение средств ведения войны означает использование в вооруженном конфликте материальных носителей с поражающими элементами, которые могут причинить вред или страдания физическим лицам или причинить серьезный ущерб гражданским объектам или окружающей природной среде.

Законы, которые регулируют ведение войны или вооруженных конфликтов, условно разделяют на «право Женевы» и «право Гааги». «Право Гааги» сосредоточено на ограничении средств и методов ведения войны или вооруженных конфликтов, а «право Женевы» в основном решает вопросы, касающиеся защиты жертв вооруженных конфликтов. Как отмечает Э. Давид, гааг-

²⁷ Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991. 915 с.

²⁸ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года... С. 229.

²⁹ Ожегов С. И. Указ. соч.

³⁰ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 71.

³¹ Александров В. Н., Емельянов В. И. Отравляющие вещества / под ред. Г. А. Сокольского. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1990. С. 16–17.

ское право можно свести к простой формуле: не нападать ни на кого-либо или на что-либо и как-либо, что означает существование трех ограничений при ведении военных действий: *ratione personae*, *ratione materiae* и *ratione conditionis*³².

Средства и методы ведения войны можно разделить на две группы: правомерные (разрешенные) и неправомерные (запрещенные). Международное право не содержит перечня правомерных (разрешенных) средств и методов ведения войны, однако перечень неправомерных (запрещенных) средств и методов ведения войны определен, и он не может быть исчерпывающим.

Ограничения средств ведения войны сформулированы главным образом в Санкт-Петербургской декларации 1868 г., Гаагском положении 1907 г., Гаагской конвенции 1954 г., ДП-I, в конвенциях по ограничению или запрету конкретных видов оружия, а также в ст. 8 Римского статута.

Применение средств ведения войны характеризуется такими критериями, как неизбирательный характер, чрезмерный ущерб или страдания. В соответствии со ст. 51 ДП-I к нападениям неизбирательного характера относятся «нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты» или «нападения, при которых применяются методы или средства ведения военных действий, последствия которых не могут быть ограничены и которые, таким образом, в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия». Согласно же п. 2 ст. 35 ДП-I «запрещается применять оружие, снаряды, вещества и методы ведения военных действий, способные причинить излишние повреждения или излишние страдания».

Запрет на применение оружия, делающего смерть неизбежной, закреплен в преамбуле Санкт-Петербургской декларации 1868 г. Нормы этой декларации легли в основу решения Токийского окружного суда об атомных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки. Согласно этой норме, цель войны состоит не в том, чтобы

убить противника, а в том, чтобы вывести его из строя. Помимо ядерного оружия, к этой группе оружия относят и вакуумные бомбы, которые использовала Сайгонская армия во Вьетнаме, Израиль в Ливане (август 1982 г.) и США в Афганистане во время антитеррористической операции в 2001–2002 гг., а также кассетные боеприпасы, которые использовали США в Афганистане и Ираке и которые в настоящее время использует Украина против жителей Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

В 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия³³. Документ провозглашает, что применение ядерного оружия причинит ущерб не только странам, по которым будет нанесен удар, но и всему населению Земли. Поэтому использование ядерного оружия противоречит Уставу ООН.

Запрет применения оружия неизбирательного характера определен в п. 4 и 5 ст. 51 ДП-I, а также вытекает из обязательств воюющих государств, призванных различать комбатантов и некомбатантов. Речь идет об оружии, которое не может быть с достаточной уверенностью направлено против конкретных военных объектов, или оружия, которое не может поразить эти объекты с достаточной точностью. Международным судом ООН установлено, что «государство никогда не должно применять оружие, которое не позволяет проводить избирательность между гражданскими объектами и объектами военными»³⁴. В первую очередь это касается таких видов оружия, как химическое, бактериологическое, биологическое, ядовитое, зажигательное.

В то же время ДП-I устанавливает запрет на ведение экологической войны, то есть использование средств ведения войны, которые могут нарушить баланс жизнеобеспечения. Во время ведения военных действий должна проявляться «забота о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба»; запрещается «использование методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде и тем самым на-

³² Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций : пер. с фр. 2-е рус. изд., основанное на 4-м фр. изд., с доп. авт. М., 2011.

³³ Декларация о запрещении применения ядерного и термоядерного оружия. Принята резолюцией 1653 (XVI) Генеральной Ассамблеи от 24.11.1961 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/nuc_prohibition.shtml (дата обращения: 10.04.2024).

³⁴ Давид Э. Указ. соч.

несут ущерб здоровью или выживанию населения» (ст. 35 и 55 ДП-I).

Полагаем, что заслуживает особого внимания позиция И. И. Бутрима и А. И. Чучаева, которые считают, что применение средств и методов ведения войны, запрещенных международными договорами Российской Федерации, было бы целесообразно «выделить в самостоятельный состав преступления, описав его в отдельной статье Уголовного кодекса РФ. Реализация этого предложения позволит привести в соответствие заголовков (название) статьи с его содержанием, исключить наличие пересекающихся понятий, затрудняющих юридическую оценку деяния»³⁵.

Изобретение таких средств ведения войны, как ядерное оружие, не только оказало серьезное влияние на характер ведения войны, но и породило огромное количество научных исследований. Это связано с тем, что с появлением ядерного оружия пришло осознание опасности и пагубности его применения.

Учитывая свойства и характер действия ядерного оружия, считаем, что оно является незаконным, поскольку выступает как оружие, делающее смерть неизбежной, причиняет излишние страдания потерпевшим, является оружием неизбирательного действия.

В случае разработки новых видов оружия государство в соответствии с Санкт-Петербургской декларацией 1868 г. и ст. 36 ДП-I должно определить, подпадает ли применение этого оружия под запрет норм международного права.

Применение средств ведения войны, запрещенных международными договорами Российской Федерации, является окончательным преступлением с момента приведения в действие носителей запрещенных средств ведения войны.

Заключение

Анализ форм применения запрещенных средств и методов ведения войны доказывает, что диспозицией основного состава этого преступления определены альтернативные деяния при его совершении, каждое из которых образует окончательный состав преступления, предусмотренного статьей 356 УК РФ. Особенностью законодательного определения объективной стороны применения запрещенных средств и методов ведения войны является как описательное, так и бланкетное определение признаков этого преступления. Содержание основных форм этого преступления определено в диспозиции ст. 356 УК РФ, а многих других форм — в международных договорах Российской Федерации, то есть речь идет о двойной противоправности рассматриваемого деяния.

Считаем, что диспозиция основного состава рассматриваемого преступления может быть расширена за счет таких деяний, как: нападение, повреждение, разрушение, уничтожение или незаконная реквизиция объектов культурного или природного наследия и других гражданских объектов; принуждение военнопленных или гражданских лиц к участию в военных действиях или выполнению работ военного характера; набор или вербовка детей в состав вооруженных сил или группировок или использование их для активного участия в боевых действиях; неоправданное задержание репатриации военнопленных или гражданских лиц. Считаем необходимым определить в ст. 356 УК РФ в качестве квалифицирующего признака совершение данного преступления в отношении раненых или больных лиц, беременных женщин, матерей, имеющих детей в возрасте до 14 лет, и в отношении детей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александров В. Н., Емельянов В. И. Отравляющие вещества / под ред. Г. А. Сокольского. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Воениздат, 1990. 270 с.

Андреева Л. А., Константинов Л. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 207 с.

Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М. : Госюриздат, 1963. 275 с.

Бутрим И. И., Чучаев А. И. Использование запрещенных средств и методов ведения войны как преступление против мира и безопасности человечества // Государство и право. 2023. № 12. С. 156–170.

³⁵ Бутрим И. И., Чучаев А. И. Использование запрещенных средств и методов ведения войны как преступление против мира и безопасности человечества // Государство и право. 2023. № 12. С. 156–170.

- Бутрим И. И., Чучаев А. И. Кодекс Либера // Государство и право. 2023. № 2. С. 111–120.
- Гроций Г. О праве войны и мира : Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М. : Ладомир, 1994. 867 с.
- Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций : пер. с фр. / Юридический фак-т Открытого Брюссельского ун-та. 2-е рус. изд., основанное на 4-м фр. изд., с доп. авт. М. : МККК, 2011. 1141 с.
- Защита лиц и объектов в международном гуманитарном праве : сборник статей и документов. М. : Международный комитет Красного Креста, 1999. 373 с.
- Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. И. Рарог. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2022. 992 с.
- Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М. : Госюриздат, 1960. 244 с.
- Малков В. П. Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. 174 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1991. 915 с.
- Савенков А. Н. Нюрнберг : Приговор во имя Мира : монография. М. : Проспект, 2022. 760 с.
- Уголовное право Казахстана и России. Общая часть / отв. ред. Р. М. Абдрашев, С. В. Маликов, А. И. Чучаев. М. : Городец, 2022.
- Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М. : Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. 990 с.
- Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М. : Контракт, Инфра-М, 2013. 372 с.
- Ученые Института государства и права Российской академии наук. П. С. Ромашкин / рук. проекта, отв. ред. А. Н. Савенков. М., 2023. 723 с.
- Фойницкий И. Я. Курс уголовного права. Часть особенная : Посягательства на личность и имущество. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1890. 406 с.

REFERENCES

- Abdrashev RM, Malikov SV, Chuchaev AI. Criminal law of Kazakhstan and Russia. General Part. Moscow: Gorodets Publ.; 2022. (In Russ.).
- Alexander VN, Yemelyanov VI. Toxic substances. 2nd ed. Moscow: Voenizdat Publ.; 1990. (In Russ.).
- Andreeva LA, Konstantinov LYu. The impact of severity of criminal behavior on criminal liability. St. Petersburg: Law Center-Press Publ.; 2002. (In Russ.).
- Brainin YaM. Criminal liability and its basis in Soviet criminal law. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1963. (In Russ.).
- Butrim II, Chuchaev AI. The Lieber Code. *State and Law*. 2023;2:111-120. (In Russ.).
- Butrim II, Chuchaev AI. Use of prohibited means and methods waging war as a crime against peace and the safety of humanity. *State and Law*. 2023;12:156-170. (In Russ.).
- Chuchaev AI (ed.). Criminal law. Special Parts. Moscow: Kontrakt, Infra-M Publ.; 2013. (In Russ.).
- David E. Principles of the law of armed conflict: A course of lectures. Trans. from French. The Open Brussels University. 2nd Russian ed. based on the 4th French ed. Moscow: ICRC Publ.; 2011. (In Russ.).
- Foynitsky I Ya. The course of criminal law. The Special Part: Offences against the person and property. St. Petersburg: Stasyulevich Publishing House; 1890. (In Russ.).
- Grotius G. On the Law of War and Peace: Three books explaining natural law and the law of nations, as well as the principles of public law. Moscow: Ladomir Publ.; 1994. (In Russ.).
- Kudryavtsev VN. The objective element of the crime. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1960. (In Russ.).
- Malkov VP. The multiplicity of crimes and its forms under Soviet criminal law. Kazan: Kazan University Publishing House; 1982. (In Russ.).
- Matskevich IM, Kadnikov NG (eds.). Criminal law of Russia. General and Special Parts. Moscow: Union of Criminologists and Criminologists, Criminological Library, Russian Criminological View; 2015. (In Russ.).
- Ozhegov SI, Shvedova NYu (ed.). Dictionary of the Russian language: 70,000 words. Moscow: Rus. yaz. Publ.; 1991. (In Russ.).
- Protection of persons and objects in international humanitarian law: Collection of articles and documents. Moscow: International Committee of the Red Cross; 1999. (In Russ.).

Rarog AI (ed.). Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. 13th ed. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

Savenkov AN. Nuremberg: A verdict in the name of Peace. Moscow: Prospekt Publ.; 2022. (In Russ.).

Savenkov AN (ed.). Researchers of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. Moscow; 2023. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мироненко Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Донбасского государственного университета юстиции д. 9, Лебединского ул., г. Донецк 283049, Российская Федерация
mironenko-2009@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey Yu. Mironenko, Cand. Sci. (Law). Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Donbass State University of Justice, Donetsk, Russian Federation
mironenko-2009@mail.ru

Материал поступил в редакцию 10 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 июля 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 10.03.2024.

Revised 13.07.2024.

Accepted 15.07.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.043-053

Н. К. Атабекова

Международный университет Кыргызской Республики
г. Бишкек, Кыргызская Республика

Суверенитет как основа обеспечения конституционных прав и свобод человека

Резюме. Статья посвящена рассмотрению принципа суверенитета в аспекте обеспечения прав и свобод человека. В работе подвергнуты анализу нормы и положения Конституции Кыргызской Республики, закрепляющие институт прав и свобод человека и гражданина и гарантии их реализации; рассмотрены механизм реализации и защиты прав человека и роль суверенитета в обеспечении их реализации и защиты. С помощью формально-юридического, структурно-функционального и сравнительно-правового анализа обозначены причины, обуславливающие возникновение конфликтов, противоречий в законодательной системе, что затрудняет конституционно-правовое регулирование в сфере прав и свобод человека. В результате исследования автор пришел к выводу об исключительной важности суверенитета в обеспечении реализации и защиты прав человека и гражданина и их обратной корреляции. Автором рассмотрены конституционные новеллы, гарантирующие обеспечение прав и свобод человека в Кыргызской Республике; некоторые действенные механизмы защиты прав и свобод человека; вместе с тем указаны некоторые погрешности отражения в конституционной материи отдельных элементов правового статуса личности, которые могут детерминировать появление противоречий, конфликтов в правовом регулировании и тем самым вести к несовершенству механизма реализации прав и свобод, а также обязанностей человека. Автор обосновал необходимость опоры государства на конституционные ценности, а также на обеспечение высшей юридической силы Конституции из-за недостаточной действенности международного права в обеспечении прав и свобод человека и вместе с тем целесообразность эксплицитно отражать в Основном Законе соотношение международного и национального законодательства.

Ключевые слова: права и свободы человека; суверенитет; конституция; народ; государство; защита прав и свобод человека; органы государственной власти; органы местного самоуправления; конституционный суд; международные договоры; общепризнанные нормы и принципы международного права

Для цитирования: Атабекова Н. К. Суверенитет как основа обеспечения конституционных прав и свобод человека. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 43–53. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.043-053

Sovereignty as the Foundation for Ensuring Constitutional Human Rights and Freedoms

Nurgul K. Atabekova

International University of the Kyrgyz Republic
Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract. The paper is devoted to the consideration of the principle of sovereignty in the context of ensuring human rights and freedoms. It analyzes the norms and provisions of the Constitution of the Kyrgyz Republic that enshrine the institution of human and civil rights and freedoms and guarantees of their implementation, examines the mechanism for the implementation and protection of human rights and the role of sovereignty in ensuring their implementation and protection. With the help of formal legal, structural-functional and comparative legal analysis, the author determine the causes of conflicts and contradictions in the legislative system that complicate

© Атабекова Н. К., 2024

constitutional and legal regulation in the field of human rights and freedoms. As a result of the research, the author came to the conclusion about the exceptional importance of sovereignty in ensuring implementation and protection of human and civil rights and their inverse correlation. The author explains the constitutional novelties guaranteeing the protection of human rights and freedoms in the Kyrgyz Republic; considers some effective mechanisms for the protection of human rights and freedoms. At the same time, the author highlights some errors in the reflection of certain elements of the legal status of an individual in the constitutional matter, which can determine the appearance of contradictions and conflicts in legal regulation and, thereby, lead to imperfection of the mechanism for the exercise of rights and freedoms, as well as human responsibilities. The author justified the need for the State to rely on constitutional values, as well as to ensure the supreme legal force of the Constitution due to the insufficient effectiveness of international law in ensuring human rights and freedoms and, at the same time, the expediency of explicitly reflecting in the Basic Law the ratio of international and national legislation.

Keywords: human rights and freedoms; sovereignty; Constitution; people; state; protection of human rights and freedoms; public authorities; local governments; constitutional court; international treaties; generally recognized norms and principles of international law

Cite as: Atabekova NK. Sovereignty as the Foundation for Ensuring Constitutional Human Rights and Freedoms. *Lex russica*. 2024;77(8):43-53. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.043-053

Введение

В условиях новых геополитических отношений, складывающихся в современном мире, международное право оказывается недостаточно действенным в обеспечении прав и свобод человека и гражданина. Существующая система международного права оказывается несовершенной, в силу чего зачастую безопасность государственного суверенитета, в том числе прав и свобод человека и гражданина, вызывает тревогу и озабоченность.

В таких условиях важны обеспечение внутреннего единства государства, опора на конституционные ценности, обусловленные национальными ценностями, сложившимися у народа, поскольку именно народ объявляется в качестве носителя суверенитета и единственного источника государственной власти. Такие положения обнаруживаются в конституциях многих государств — членов СНГ, в том числе России и Кыргызстана, и предполагают примат прав народа, прав гражданина.

Основная часть

Провозглашенный в ст. 1 Конституции Кыргызской Республики¹ (КР) принцип суверенитета нашел развитие в других нормах Основного Закона. Так, в ч. 1 ст. 2 закреплено суверенное пра-

во народа самостоятельно определять основы конституционного строя, которое реализуется в процессе принятия референдумом Конституции, а также внесения в нее изменений и дополнений.

Народ на референдуме 11 апреля 2021 г. принял Конституцию, в которой Кыргызская Республика провозглашена в качестве не только «суверенного, но и независимого, демократического, унитарного, правового, светского и социального государства». Принципы демократии, светскости, правового и социального государства развиваются в последующих статьях Основного Закона путем закрепления прав и свобод человека и гражданина, принципов формирования и организации деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

Конституция КР в ч. 2 ст. 2 развивает положение о суверенитете государства, принадлежности его народу, а также свидетельствует о примате прав народа, граждан путем закрепления положения: «...народовластие основывается на принципах принадлежности всей полноты власти народу, защиты прав и свобод человека и гражданина, свободного и реального доступа к управлению делами государства и общества». Данное положение очень ярко свидетельствует о важности народного суверенитета для государства, т.к., по справедливому замечанию С. А. Авакьяна, «именно полномочия народа

¹ Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом 11 апреля 2021 г., введена в действие Законом КР от 05.05.2021) // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения: 20.03.2024).

должно соединить такие понятия, как суверенитет и демократия»². А как народ может осуществлять власть? Конституция КР дает ответ на этот вопрос в следующем положении, отраженном в ч. 3 ст. 2: «Граждане Кыргызской Республики осуществляют свою власть через участие на выборах и референдумах (всенародное голосование), а также через систему государственных органов и органов местного самоуправления на основе Конституции и законов Кыргызской Республики».

Выборы и референдум как важные институты демократии позволяют реализовать политические права, которые принадлежат исключительно гражданам, что открыто и четко отражено в Основном Законе. Именно референдумом решаются наиболее важные для государства и общества вопросы, как то: принятие Конституции или внесение изменений и дополнений в нее (что осуществлялось в 1996, 1998, 2003, 2007, 2010, 2016, 2021 гг.), изменение модели формы правления государства (2020 г.) и др. Институт выборов позволяет гражданам путем прямого, свободного, всеобщего, равного и тайного волеизъявления избрать главу государства, депутатов парламента и местных выборных органов, а также быть избранными на указанные должности.

Кроме того, граждане могут принять участие в управлении государством путем поступления на государственную гражданскую службу и муниципальную службу, что зафиксировано в ч. 3 ст. 37; участия в обсуждении и принятии законов государственного и местного значения, что закреплено ч. 4 ст. 37; участия в формировании республиканского и местных бюджетов и получения информации об их расходовании согласно ч. 6 ст. 37 Конституции КР.

Данные политические права граждан, а также другие провозглашенные в Конституции КР права и свободы человека, согласно ч. 1 ст. 23 Конституции КР, «относятся к высшим ценностям Кыргызской Республики. Они действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и

их должностных лиц». Указанные принципы высшей ценности прав и свобод человека, их непосредственного действия, их приоритета в деятельности всех государственных органов и органов местного самоуправления, а также их должностных лиц эксплицитно определяют основную задачу государства, органов государственной власти и местного самоуправления, которым делегирована часть прав народа, граждан. Конституционное закрепление и реализация этих конституционных принципов очень важны, поскольку в противном случае будет иметь место узурпация власти государственными органами или должностными лицами. Тем более, как отмечает И. М. Ильин, «мощь и сила государственной власти могут быть оправданы, только если направлены на достижение конституционной цели суверенитета — обеспечение защиты прав человека, правопорядка и стабильности»³.

Согласны с мнением российских ученых под руководством члена-корреспондента РАН РФ Е. А. Лукашевой: «...общественное развитие выдвигает и будет снова выдвигать новые проблемы, всё более сложные ситуации, которые нуждаются в корректировке параметров взаимоотношений “человек-государство”. Но при этом неизменным должен оставаться принцип свободы личности, ее высшей ценности»⁴.

Следует отметить, что подобные положения возможны исключительно в силу наличия суверенитета государства, поскольку суверенитет выступает одной из самых важных политических гарантий обеспечения прав и свобод человека. Безусловно, как отмечает С. А. Авакьян, «государственный суверенитет произведен от народного суверенитета и является его логическим продолжением, служит тому, чтобы никакие внутренние и внешние силы не препятствовали выражению воли народа; тем самым государство становится защитником интересов народа, в том числе и на международной арене»⁵. Именно суверенное государство может создать систему гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина, которая включает правовые, политические, экономические,

² Авакьян С. А. Ничего нет и не может быть выше власти народа // Российская газета. 28 октября 2006 г. URL: <https://rg.ru/2006/10/28/avkiyan.html> (дата обращения: 20.03.2024).

³ Ильин И. М. Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2. С. 105.

⁴ Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. чл.-корр. РАН Е. А. Лукашевой. М. : Норма, 2002. С. 17.

⁵ Авакьян С. А. Указ. соч.

социальные и организационные гарантии. При этом важное значение имеет закрепление конституционно-правовых гарантий прав и свобод человека, что обусловлено высшей юридической силой Основного Закона, являющегося базой национального законодательства. Тем более в ст. 1 Конституции, как указывалось выше, Кыргызская Республика провозглашена в качестве правового, социального государства.

В данном аспекте следует особо отметить введение в Конституцию КР отдельной самостоятельной главы «Гарантии прав и свобод человека и гражданина», отражающей конституционные гарантии прав и свобод человека, материальные и процессуальные гарантии, которые развиваются, детализируются и конкретизируются в текущем законодательстве. Безусловно, важно не только провозглашение, но и создание механизма реализации прав и свобод. Однако введение их в ткань Конституции определяет политику суверенного государства в обеспечении прав и свобод человека.

Кроме того, «отношение государства к правам человека и гражданина является главным показателем справедливости государства в современном мире»⁶. Б. С. Эбзеев подчеркивает, что «права государства не могут быть выше прав человека»⁷. И. М. Ильин заключает: «...уровень защищенности свобод и прав человека выступает объективным индикатором уровня зрелости как самой демократической системы в государстве, так и социальной политики и экономических свобод»⁸. При этом важным является обеспечение гарантий реализации прав и свобод человека и гражданина.

Конституционные новеллы, появившиеся в 2021 г., позволили усилить конституционно-правовые гарантии прав и свобод человека. Речь идет о закреплении в отдельных разделах политических, социально-экономических основ конституционного строя и духовно-нравственных начал общества, что, на наш взгляд, способствует упорядочению конституционно-пра-

вового регулирования жизнедеятельности государства.

В новой Конституции⁹ каталог прав и свобод человека отражен в самостоятельных главах «Личные права и свободы», «Политические права», «Экономические и социальные права». Аналогичное закрепление перечня конституционных прав и свобод человека с указанием вида согласно классификации прав человека можно обнаружить в Конституции Узбекистана. Однако следует отметить, что узбекистанский законодатель в наименовании главы наряду с социальными и экономическими обозначил также культурные и экологические права, которые кыргызстанский законодатель закрепил вкуче с социальными и экономическими правами. В связи с дискуссионностью в правовой науке классификации прав и свобод человека полагаем не совсем корректным в Основном Законе закреплять данный институт с указанием классификации. Тем не менее конституционное закрепление каталога прав и свобод человека необходимо и важно, что является правом и обязанностью суверенного государства.

С другой стороны, институт прав человека выступает как один из ключевых факторов конституционно-правовой защиты самого суверенитета, безопасности всех субъектов общества, что отмечают и российские ученые¹⁰. Дело в том, что степень реализации и защиты прав человека имеет непосредственное отношение к уровню стабильности государственного развития. Социальная неудовлетворенность большинства населения часто инициирует социальные конфликты, следствием которых могут быть масштабные преобразования, в том числе в политической конъюнктуре общества, что и имело место в Кыргызской Республике после событий, происшедших 24 марта 2005 г., 7 апреля 2010 г., 7 октября 2020 г. Одним из условий устойчивого развития государства является обеспечение реализации конституционных прав и свобод человека.

⁶ Щербанюк О. В. Суверенитет народа как гарантия прав и свобод человека и гражданина // Юридические исследования. 2013. № 10. С. 131–148.

⁷ Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. М., 1992. С. 177–178.

⁸ Ильин И. М. Обеспечение конституционного суверенитета России как социального и правового государства // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 1А. С. 326.

⁹ Конституция Республики Узбекистан (принята 8 декабря 1992 г., изложена в новой ред. в соответствии с Конституционным законом Республики Узбекистан от 01.05.2023 № ЗРУ-837) // URL: <https://constitution.uz/ru/clause/index#section7> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁰ Ильин И. М. Обеспечение конституционного суверенитета России как социального и правового государства.

Вместе с тем для обеспечения устойчивого развития общества и государства, а равно для сохранения суверенитета государства необходимы не только реализация, охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, но и выполнение последними своих конституционных обязанностей — в силу корреляции прав и обязанностей. Суверенное государство путем конституционно-правового регулирования упорядочивает нормальное функционирование и развитие общественных отношений, устанавливает соразмерный объем прав и обязанностей человека и гражданина. В данном аспекте в целом является положительным введение в структуру Конституции КР главы «Гражданство. Права и обязанности гражданина». Однако наблюдаются некоторые недочеты в этом вопросе:

1) национальный законодатель данным наименованием ограничил объем прав и свобод граждан перечисленным в указанной главе; между тем гражданин — прежде всего человек, и полный объем его прав отражен в рассмотренных выше главах;

2) национальный законодатель данным наименованием также ограничил субъектный состав некоторых конституционных обязанностей наличием у лица гражданства; между тем отдельные обязанности, закрепленные в ст. 53 указанной главы, обязательны не только для граждан, но и для тех, кто не имеет гражданства, в связи с чем в этой статье законодателем правильно использован термин «каждый». Полагаем, следовало вывести ст. 52, 53 Конституции КР в главу «Общие принципы» либо рассматриваемую главу представить в формулировке «Гражданство. Обязанности человека и гражданина» и из предыдущих разделов Конституции перенести положения, закрепляющие обязанности.

Частично подобная погрешность наблюдается в Конституции Республики Узбекистан, в которой имеет место глава «Обязанности граждан», что также ограничивает субъектный состав института обязанностей человека.

Как было указано выше, «смысл и содержание деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц определяют права человека», что отражалось в конституционной материи КР с самого начала суверенного развития. Кроме того, были зафиксированы принципы организации государственной власти, среди которых принципы верховенства власти народа, разделения власти на три ветви власти, открытости

деятельности органов государственной власти и местного самоуправления и их должностных лиц, а также разграничения полномочий и функций органов государственного управления и местного самоуправления.

В качестве конституционной новеллы можно отметить введение таких принципов, на которых основывается государственная власть в Кыргызской Республике:

— принцип «запрета государственным и муниципальным должностным лицам осуществлять действия (бездействие), создающие условия для коррупции;

— принцип конституционно-правовой и иной ответственности государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц перед народом».

Эти два новых конституционных принципа являются важной гарантией прав и свобод человека и гражданина, поскольку на уровне Основного Закона определяют основополагающие принципы деятельности должностных лиц в интересах народа, граждан. Дальнейшее развитие эти положения находят в Законе КР «О государственной гражданской службе и муниципальной службе», Законе КР «О противодействии коррупции», Кодексе о правонарушениях, Уголовном кодексе КР, в которых содержатся нормы, предусматривающие ответственность должностных лиц государственных органов и органов местного самоуправления, в том числе и в сфере прав человека.

Часть 1 ст. 61 Конституции КР содержит гарантии судебной защиты прав и свобод человека. При этом гарантируется судебная защита прав и свобод, «предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права». Как видим, Кыргызская Республика не только признает права и свободы человека и гражданина в соответствии с международным законодательством (ст. 55), но и гарантирует их защиту в судебном порядке. Функционирование судебной системы в качестве самостоятельной ветви государственной власти позволяет осуществлять защиту прав и свобод человека посредством «конституционного, гражданского, уголовного, административного и иных форм судопроизводства». Важно подчеркнуть: судебной защите подлежат все виды прав, в том числе социальные и экономические, что стало возможным после приобретения суверенитета

КР и нашло закрепление еще в первой Конституции КР.

Стоит отметить восстановление в 2021 г. в Основном Законе института конституционного контроля в виде Конституционного суда (КС) КР как одной из важных гарантий защиты прав и свобод человека. Напомним, что в ходе конституционной реформы 2010 г. конституционный контроль был передан в ведение Верховного суда с выделением Конституционной палаты Верховного суда КР, что вызывало вопросы о самостоятельности и независимости института нормоконтроля.

Институт конституционного контроля играет важную роль в защите прав и свобод человека, т.к. в соответствии с ч. 7 ст. 97 Конституции КР каждому предоставлено право обращения в КС, если он считает, что нормативным актом нарушаются его конституционные права и свободы. Данное право активно используется гражданами КР. Так, в Годовом докладе КС КР за 2022 г. отмечено, что из 68 обращений в КС КР в течение года 85 % — это обращения граждан¹¹.

В целом Конституционным судом КР преимущественно осуществляется проверка конституционности нормативных актов, затрагивающих права человека и гражданина, что видно из статистики деятельности института конституционного контроля за последние 10 лет. Всего с 2013 по 2022 г. в КС КР поступило 766 обращений от физических и юридических лиц. Было принято в производство, рассмотрено и принято 127 решений, одно заключение, из них 79 решений о признании нормативных актов непротиворечащими Конституции и 48 решений о признании нормативных актов противоречащими или частично противоречащими Конституции КР. Можно также констатировать рассмотрение данным государственным органом за указанный период 12 обращений по поводу конституционности актов, нарушающих социальные и экономические права человека, что еще раз доказывает включение в правовую

систему КР права на судебную защиту указанных видов прав человека.

Таким образом, практическая деятельность органа конституционной юрисдикции, проявляющаяся в правовых позициях, должна стать важной гарантией защиты прав и свобод человека и гражданина. К сожалению, в 2023 г. приняты поправки к конституционному Закону КР «О Конституционном суде Кыргызской Республики», согласно которым решения КС КР могут быть пересмотрены по предложению Президента КР и Жогорку Кенеша (парламента) КР¹², что противоречит ч. 4 ст. 97 Конституции КР, в соответствии с которой решения КС окончательны и обжалованию не подлежат. Введение данных поправок, полагаем, было политическим решением в целях недопущения принятия Конституционным судом КР решений, не соответствующих исконно народным духовно-культурным ценностям и общественным устоям. Дело в том, что Конституционный суд КР 30 июня 2023 г. принял решение о необходимости введения в правовое регулирование института матронима/матчества¹³, что вызвало большой общественный резонанс в связи с негативным восприятием большей частью народа понятия «матчество», т.к. оно не соответствует традиционным семейным ценностям и посягает на моральные устои и ценности народа.

В силу этого Президент КР инициировал внесение изменений в конституционный Закон «О Конституционном суде», которые были приняты в октябре 2023 г. Впоследствии вышеуказанное решение КС КР было пересмотрено и отменено решением КС КР от 09.11.2023¹⁴.

Безусловно, для недопущения нарушения принципа верховенства Конституции национальный законодатель должен был сначала ввести соответствующие поправки в Основной Закон КР и лишь после — в конституционное законодательство, тем более что Конституционный суд КР осуществляет проверку конституционности законов и иных нормативных актов

¹¹ Годовой доклад Конституционного суда Кыргызской Республики. 2022 // URL: <https://conststot.kg/wp-content/uploads/2023/07/gd-2022.pdf> (дата обращения: 02.04.2024).

¹² О внесении изменения в конституционный Закон КР от 03.10.2023 № 184 «О Конституционном суде Кыргызской Республики» // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112673/edition/1282068/ru> (дата обращения: 20.03.2024).

¹³ Решение Конституционного суда КР от 30.06.2023 // URL: <https://conststot.kg/wp-content/uploads/2023/06/11-tilek-k.e.-osmonalieva-a.m..pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

¹⁴ Решение Конституционного суда КР от 09.11.2023 // URL: <https://conststot.kg/wp-content/uploads/2023/11/peresmotr-resheniya-po-matchestvu-1.pdf> (дата обращения: 20.03.2024).

Конституции КР. Тем не менее конституционный контроль является одним из действенных механизмов защиты прав и свобод человека суверенного государства.

Конституция КР устанавливает также возможность защиты «прав и свобод всеми доступными способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 61), а также обеспечивает развитие внесудебных и досудебных методов, форм и способов защиты прав и свобод человека и гражданина» (ч. 3 ст. 61). В данном случае можно говорить о функционировании в Кыргызской Республике таких институтов, как третейский суд, медиация. В 2002 г. был принят Закон КР «О третейских судах Кыргызской Республики», в соответствии с которым в досудебной форме может осуществляться защита прав граждан и юридических лиц на экономическую свободу. Третейские суды независимы и не подчиняются государственным органам, но выступают в качестве правоприменительного органа, осуществляющего правосудие.

Следует отметить, что с 2018 г. стал реализовываться Закон КР «О медиации», принятый в июле 2017 г. С момента принятия и до 2022 г. 2 тыс. человек смогли решить споры, возникающие из гражданских, семейных и трудовых правоотношений, не доводя дело до суда.

В процессе суверенного развития КР для предупреждения нарушения прав и свобод человека, а также их защиты введен институт парламентского контроля за соблюдением прав и свобод человека, заимствованный из зарубежного опыта. В действующей Конституции КР статьей 107 на акыйкатчы (омбудсмена) КР возложено осуществление парламентского контроля «за соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Ежегодно до 1 апреля акыйкатчы представляет в парламент отчет о состоянии соблюдения прав и свобод человека в Кыргызской Республике, что является определенным барометром защиты прав и свобод человека. Кроме того, по результатам мониторинга соблюдения прав и свобод человека акыйкатчы готовит специальные доклады, которые можно обнаружить на официальном сайте данного государственного органа. К примеру, обнаруживаются доклады о мониторинге соблюдения трудовых прав женщин и детей, о

репродуктивных правах, о соблюдении права на жилье и других социально-экономических правах¹⁵ и др. Акыйкатчы представляет в парламент отчет о состоянии соблюдения прав и свобод человека в Кыргызской Республике, что является определенным барометром защиты прав и свобод человека. Кроме того, по результатам мониторинга соблюдения прав и свобод человека акыйкатчы готовит специальные доклады, которые можно увидеть на официальном сайте данного государственного органа. К примеру, обнаруживаются доклады о мониторинге соблюдения трудовых прав женщин и детей, о репродуктивных правах, о соблюдении права на жилье, других социально-экономических правах и др. Постоянный мониторинг и публичное освещение соблюдения прав и свобод человека и гражданина выступает одним из важных гарантий их защиты. Тем более что согласно Закону КР «Об омбудсмене (акыйкатчы) КР»¹⁶ омбудсмен обладает достаточно широкими полномочиями в сфере охраны и защиты прав человека, в том числе полномочием выносить акты реагирования. Так, омбудсмен может направлять в госорганы и органы местного самоуправления представления для принятия мер по устранению нарушений прав человека в месячный срок, а также представление в госорганы, органы местного самоуправления, предприятия и учреждения независимо от форм собственности ходатайства о применении в отношении лиц, допустивших нарушение прав и свобод человека, мер административного или дисциплинарного взыскания.

Следует отметить, что суверенитет государства не является абсолютным, и одним из важных механизмов защиты прав человека является международно-правовой. Учитывая тот факт, что Кыргызская Республика является полноправным субъектом международного права, суверенитет которого признали около 200 государств, со 100 государствами установлены дипломатические отношения, более 60 международных организаций приняли в качестве полноправного члена, нужно понимать: Республика имеет определенные обязательства в международных отношениях. Согласно Венской конвенции о праве международных договоров необходимо «соблюдение, применение,

¹⁵ Специальные доклады // URL: <https://ombudsman.kg/ru/document-category/specialnye-doklady> (дата обращения: 08.04.2024).

¹⁶ Закон КР от 31.07.2002 № 136 «Об омбудсмене (акыйкатчы) Кыргызской Республики» // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1093/edition/847780/ru> (дата обращения: 02.04.2024).

выполнение норм международных договоров», что предусматривает имплементацию норм и принципов международного права, международных договоров в национальное законодательство, вследствие чего нормы национального законодательства приводятся в соответствие с международными стандартами.

Следует помнить, что «международное право имеет глобальный характер и действует на любой территории, где нормы этого права должны применяться, а национальное право — только на территории своего отдельно взятого государства, в отличие от норм международного права, имеющих глобальный характер»¹⁷. В данном аспекте М. Б. Мырзалимов отмечает, что «с развитием международных отношений возрастает значение обязанности государств согласовывать свое внутригосударственное право с международным»¹⁸.

Вместе с тем национальное законодательство должно устанавливать порядок действия международных норм, что будет предупреждать вмешательство во внутренние дела государства международных организаций и других государств. Конституция КР в ч. 3 ст. 6 закрепила международный сегмент в национальной правовой системе, провозглашая «общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры, вступившие в силу в соответствии с законодательством Кыргызской Республики» в качестве составной части правовой системы КР. Однако она не раскрывает порядок действия норм международного права, а отсылает к отраслевому закону.

Порядок включения международных договоров в национальную правовую систему установлен Законом КР «О международных договорах КР»¹⁹, в ст. 5 которого перечислены способы выражения обязательности международного договора для страны. В данном Законе в качестве условия присоединения Кыргызской Республики к международным договорам четко указано соответствие нормам и положениям

Конституции КР, что исключает возникновение коллизий между ними. В том случае, если международный договор содержит нормы, которые предполагают внесение поправок в Конституцию, согласно ст. 21 вышеуказанного Закона такой международный акт вводится в национальное законодательство отдельным законом только после конституционных изменений, проведенных в установленном порядке.

Рассмотрение вопроса соответствия международного договора, который еще не вступил в силу, Конституции КР входит в компетенцию КС КР.

Следует отметить, что в Конституции КР и вышеуказанном отраслевом Законе отсутствует положение, эксплицитно отражающее приоритет норм и принципов международного права. Статья 20 Закона КР «О международных договорах КР» отражает необходимость внесения изменений в национальное законодательство при возникновении коллизий между международным договором и нормативными актами КР, что имплицитно отражает приоритет международных норм и положений.

Отметим, что Закон КР «О нормативных правовых актах КР»²⁰ также не говорит о юридической силе норм и принципов международного права. Лишь в ст. 20 данного Закона одной из задач научной экспертизы проекта нормативных актов названа необходимость проверки его соответствия международным обязательствам страны, что весьма завуалированно отражает приоритет норм и принципов международного права в национальном законодательстве.

Отражение в тексте Конституции принципа приоритета норм и принципов международного права, на наш взгляд, будет способствовать повышению авторитета страны, являющейся членом ряда международных организаций, и установлению «общеобязательных правил поведения»²¹, а также открытому провозглашению верховенства Конституции КР для предупреждения возникновения коллизий внутри национального законодательства, исключе-

¹⁷ Kelsen H. *General Theory of Law and State*. N. Y., 1991.

¹⁸ Мырзалимов М. Б. Теоретические аспекты соотношения норм международного и внутригосударственного права (на материалах Кыргызской Республики). Бишкек : Изд-во КРСУ, 2013. С. 52.

¹⁹ Закон КР от 24.04.2014 № 64 «О международных договорах Кыргызской Республики» // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/205286?cl=ru-ru> (дата обращения: 25.03.2024).

²⁰ Закон КР от 20.07.2009 № 241 «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» // URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202591/edition/1086595/ru> (дата обращения: 25.03.2024).

²¹ Абайдельдинов Е. М. Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности). Алматы, 2002.

нию возможности внешнего вмешательства в конституционно-правовое регулирование и навязывания идей пересмотра конституционных ценностей. Тем более что в ст. 27 Венской конвенции о праве международных договоров четко закреплен данный принцип: не ссылаться «на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора». Для этого целесообразно ч. 3 ст. 6 Конституции КР дополнить: «и имеют приоритет перед ее законами». При этом согласны, что «главная цель имплементации норм международного права в национальное законодательство заключается не в масштабных изменениях принципов и ценностей, на которых базируется национальная правовая система, а в постепенной ее трансформации с целью сближения правовых систем»²².

В Конституции РФ, например в ч. 2 п. 4 ст. 15, четко закреплен приоритет международных договоров: «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора»²³. Рассматривая данное конституционное положение, отдельные российские авторы полагали, что «международно-правовые обязательства РФ не только являются составной частью ее правовой системы, но и имеют приоритетное применение по отношению и к Конституции РФ, и к законам, действующим на территории Федерации»²⁴. Полагаем, данное утверждение не соответствует современной правовой действительности РФ, поскольку конституционная норма указывает на приоритет правил международного договора в случае противоречия их закону, но не Конституции РФ, т.е. не ставит под сомнение верховенство Конституции.

Более того, согласно введенной в 2020 г. конституционной поправке, отраженной в ч. 6

ст. 125 Конституции РФ, «не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению», при этом решение о соответствии международных договоров Конституции принимает Конституционный Суд РФ. Известно также, что в декабре 2020 г. Президент РФ В. В. Путин подписал пакет документов о внесении изменений в законодательство РФ, устанавливающих приоритет Конституции РФ в применении правил международных договоров.

В Конституции Республики Беларусь содержится норма, устанавливающая приоритет общепризнанных принципов международного права: «Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства»²⁵ (ст. 8). Отметим, что частью 3 данной статьи установлен запрет «на заключение международных договоров, противоречащих Конституции Республики Беларусь».

В Конституции Республики Казахстан обнаруживается положение, открыто и четко устанавливающее в ч. 3 ст. 4 приоритет международных договоров, ратифицированных Республикой, перед ее законами²⁶.

Соглашаясь с тем, что «конституционное развитие не может осуществляться в отрыве от общепризнанных принципов и норм международного права»²⁷, отметим, что в конституциях и отраслевых законах государств указывается порядок включения в национальную правовую систему норм и принципов международного права. В указанных национальных актах отражается, как правило, приоритет норм и общепризнанных принципов международного права, однако не исключается высшая юридическая сила Основного Закона, что является

²² Бехруз Х. Сравнительное правоведение : учебник для вузов. М., 2008.

²³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 25.03.2024).

²⁴ Гузей С. В. Юридическая сила норм международного права во внутреннем праве РФ и их реализация // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1201334> (дата обращения: 23.01.2024).

²⁵ Конституция Республики Беларусь (принята 15 марта 1994 г., с изм. и доп. по сост. на 27 февраля 2022 г.) // URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=V19402875> (дата обращения: 25.03.2024).

²⁶ Конституция Республики Казахстан (принята на респ. референдуме 30 августа 1995 г., с изм. и доп. по сост. на 19 сентября 2022 г.) // URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitution (дата обращения: 25.03.2024).

²⁷ Морозов А. Н. Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 34.

важной конституционно-правовой гарантией прав человека и гражданина суверенного государства.

Заключение

Таким образом, конституция как главный политико-правовой документ государства, обладающий высшей юридической силой, закрепляющий суверенитет государства, определяя народ в качестве основного субъекта суверенности, выступает важной гарантией обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В то же время степень реализации и защиты прав человека имеет непосредственное отношение к уровню стабильности государственного развития, сохранению суверенитета государства.

В Кыргызской Республике созданы и успешно функционируют различные механизмы обеспечения охраны и защиты прав и свобод человека, среди которых практическая деятельность органа конституционной юрисдикции, проявляющаяся в правовых позициях, которые нацелены на защиту прав и свобод человека и гражданина; развитие внесудебных и досудебных методов, форм и способов защиты прав

и свобод человека и гражданина; функционирование института омбудсмана (акыйкатчы) КР как одной из важных гарантий соблюдения прав и свобод человека и др.

Обеспечивая реализацию, охрану и защиту прав и свобод человека, гражданина, суверенное государство в то же время должно устанавливать необходимость исполнения им конституционных обязанностей в силу корреляции прав и обязанностей. Это будет способствовать устойчивому развитию общества и государства, а также выступать механизмом сохранения их внутреннего единства, соответственно, сохранения суверенитета.

Конституционные новеллы, появившиеся в 2021 г., позволили усилить конституционно-правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина в Кыргызской Республике. Вместе с тем имеют место некоторые погрешности в тексте Конституции КР: в наименованиях глав, закрепляющих отдельные элементы правового статуса личности; в отражении международного сегмента, что может привести к появлению коллизионных норм внутри законодательства, а также в последующем к утрате самостоятельности в обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абайдельдинов Е. М.* Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности). Алматы, 2002. 288 с.
- Авакьян С. А.* Ничего нет и не может быть выше власти народа // Российская газета. 28 октября 2006 г. URL: <https://rg.ru/2006/10/28/avkiyan.html>.
- Гузей С. В.* Юридическая сила норм международного права во внутреннем праве РФ и их реализация // URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1201334> (дата обращения: 22.01.2024).
- Ильин И. М.* Обеспечение конституционного суверенитета России как социального и правового государства // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 1А. С. 321–333.
- Ильин И. М.* Суверенитет в доктрине конституционализма: дефиниция, проблематика // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 2. С. 96–106.
- Конституции государств Европейского Союза / под ред. Л. А. Окунькова [и др.]. М., 1997.
- Морозов А. Н.* Конституционное отражение общепризнанных принципов и норм международного права // Журнал российского права. 2018. № 7. С. 33–45.
- Мырзалимов М. Б.* Теоретические аспекты соотношения норм международного и внутригосударственного права (на материалах Кыргызской Республики). Бишкек : Изд-во КРСУ, 2013. 138 с.
- Права человека: итоги века, тенденции, перспективы / под общ. ред. чл.-корр. РАН Е. А. Лукашевой. М. : Норма, 2002. 435 с.
- Бехруз Х.* Сравнительное правоведение : учебник для вузов. М., 2008. 504 с.
- Щербанюк О. В.* Суверенитет народа как гарантия прав и свобод человека и гражданина // Юридические исследования. 2013. № 10. С. 131–148.
- Эбзеев Б. С.* Конституция. Демократия. Права человека. М., 1992. 228 с.
- Kelsen H.* General Theory of Law and State. N. Y., 1991. 556 p.

REFERENCES

- Abaydeldinov EM. Correlation of international and national law of the Republic of Kazakhstan (problems of priority formation). Almaty; 2002. (In Russ.).
- Avakian SA. There is nothing and there cannot be anything higher than the power of the people. The concepts of «sovereignty» and «democracy» will be united only by genuine democracy. *Rossiyskaya Gazeta*. 28 October 2006. Available at: <https://rg.ru/2006/10/28/avkiyan.html>.
- Bekhruz H. Comparative law. Moscow; 2008. (In Russ.).
- Ebzeev BS. The Constitution. Democracy. Human rights. Moscow; 1992. (In Russ.).
- Guzey SV. The legal force of the norms of international law in the internal law of the Russian Federation and their implementation. Available at: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1201334> [Accessed 22.01.2024]. (In Russ.).
- Ilyin I M. Sovereignty in the doctrine of constitutionalism: definition, problems. *Bulletin of Tatishchev Volga State University*. 2020;1(2):96-106. (In Russ.).
- Ilyin IM. Ensuring the constitutional sovereignty of Russia as a social and legal state. *Matters of Russian and International Law*. 2020;10(1A):321-333. (In Russ.).
- Kelsen H. General Theory of Law and State. New York; 1991.
- Lukasheva EA (ed.). Human rights: Results of the century, trends, prospects. Moscow: Norma Publ.; 2002. (In Russ.).
- Morozov AN. Constitutional reflection of generally recognized principles and norms of international law. *Journal of Russian Law*. 2018;7:33-45. (In Russ.).
- Myrzalimov MB. Theoretical aspects of the correlation of norms of international and domestic law (A case study of the Kyrgyz Republic). Bishkek: KRSU Publishing House; 2013.
- Okunkov LA, et al. (ed.). A of the European Union. Moscow; 1997. (In Russ.).
- Shcherbanyuk OV. Sovereignty of the people as a guarantee of human and civil rights and freedoms. *Legal Studies*. 2013;10:131-148. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Атабекова Нургуль Каримовна, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного, предпринимательского права и политологии Международного университета Кыргызской Республики
д. 17А/1, Л. Толстого ул., г. Бишкек 720001, Кыргызская Республика

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nurgul K. Atabekova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of International, Business Law and Political Science, International University of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyz Republic

*Материал поступил в редакцию 8 апреля 2024 г.
Статья получена после рецензирования 22 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 июля 2024 г.*

*Received 08.04.2024.
Revised 22.04.2024.
Accepted 15.07.2024.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.054-064

С. К. ИдрышеваУниверситет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева
г. Астана, Республика Казахстан**Л. В. Сокольская**Государственный гуманитарно-технологический университет
г. Орехово-Зуево, Российская Федерация

Институт биолого-социальной чрезвычайной ситуации в законодательстве России и Казахстана

Резюме. Феномен института чрезвычайной ситуации нашел отражение в законодательстве практически всех стран современного мира. Системный анализ законодательства России и Казахстана показал, что биолого-социальные чрезвычайные ситуации не выделены легально в самостоятельный вид, что повлекло существенные пробелы в регулировании общественных отношений в период пандемии коронавируса. Чрезвычайная ситуация в связи с пандемией фактически ограничила ранее сложившиеся социально-экономические связи, затруднила реализацию таких конституционных прав и свобод граждан, как право на труд, беспрепятственное передвижение, достойное медицинское обслуживание. Вынужденное введение мер эпидемиологических ограничений и несовершенство законодательной базы привели к возникновению социальных проблем в России и Казахстане. На основе проведенного исследования авторы формулируют вывод о том, что на законодательном уровне следует закрепить максимально исчерпывающую классификацию чрезвычайных ситуаций по основаниям их возникновения и территории воздействия. Системная классификация видов чрезвычайных ситуаций по основаниям возникновения позволит наиболее полно осуществлять правовое регулирование каждого вида максимально адекватным образом, в том числе определять полномочия уполномоченных органов, права и обязанности населения и представителей юридических лиц, перечень и порядок применения ограничений и др. Введение в законодательные акты норм о биолого-социальных чрезвычайных ситуациях позволит восполнить пробелы в законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан.

Ключевые слова: чрезвычайная ситуация; чрезвычайное положение; законодательство; правовое регулирование; виды чрезвычайных ситуаций; биолого-социальные чрезвычайные ситуации; пандемия; ковид-19; эпидемия; режим чрезвычайного положения; Россия; Казахстан; права человека; классификация чрезвычайных ситуаций

Для цитирования: Идрышева С. К., Сокольская Л. В. Институт биолого-социальной чрезвычайной ситуации в законодательстве России и Казахстана. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 54–64. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.054-064

The Institution of Biological and Social Emergency in the Legislation of Russia and Kazakhstan

Sarah K. Idrysheva

Maqsut Narikbayev University
Astana, Republic of Kazakhstan

Lyudmila V. Sokolskaya

State University of Humanities and Technology
Orehovo-Zuyevo, Russian Federation

Abstract. The phenomenon of the institution of an emergency situation is reflected in the legislation of almost all countries of the modern world. A systematic analysis of the legislation of Russia and Kazakhstan showed that biological and social emergencies were not legally separated into an independent form, which led to significant gaps in the regulation of public relations during the coronavirus pandemic. The emergency situation in connection with the pandemic actually limited previously established socio-economic ties, made it difficult to realize such constitutional rights and freedoms of citizens as the right to work, freedom of movement, and decent medical care. The forced introduction of epidemiological restrictions and the imperfection of the legislative framework have led to the emergence of social problems in Russia and Kazakhstan. Based on the study, the authors conclude that at the legislative level it is necessary to make the most comprehensive classification of emergency situations on the grounds of their occurrence and the territory they affect. The systematic classification of types of emergencies on the grounds of their occurrence will allow the fullest implementation of legal regulation of each type of emergency in the most appropriate way, including determining the powers of authorized bodies, the rights and obligations of the population and representatives of legal entities, the list and procedure for the application of restrictions, etc. The introduction of norms on biological and social emergencies into legislative acts will make it possible to fill in the gaps in the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Keywords: emergency situation; state of emergency; legislation; legal regulation; types of emergency situations; biological and social emergencies; pandemic; Covid-19; epidemic; state of emergency; Russia; Kazakhstan; human rights; classification of emergency situations

Cite as: Idrysheva SK, Sokolskaya LV. The Institution of Biological and Social Emergency in the Legislation of Russia and Kazakhstan. *Lex russica*. 2024;77(8):54-64. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.054-064

Введение

Глобализация и высокий уровень миграции населения разных стран в XX–XXI вв. повлекли потребность общения различных социальных групп путем активного перемещения как между странами, континентами, так и внутри государств. Всё активнее развивается туризм в международных масштабах, возникают другие поводы для расширения и углубления коммуникаций. Однако заболевание значительной части населения земного шара (например, испанским гриппом), природные стихийные бедствия XX в., технологические аварии в эпоху технического прогресса и т.п. привели к тому, что в законодательствах многих государств современного мира закрепился институт чрезвычайной ситуации (ЧС).

Актуальность данной темы обусловлена прежитым и до настоящего времени пока не исчезнувшим фактом заболевания значительной части населения во всем мире, обозначенным Всемирной организацией здравоохранения как «пандемия». Как отмечают О. Л. Узун и О. Б. Бойкова, «высокий интерес к данной проблематике возник в связи с необходимостью совершенствования института обеспечения безопасности личности, вызванной участвовавшими чрезвычайными ситуациями природного, техногенного и социального характера в мире»¹.

Чрезвычайная ситуация в связи с пандемией коронавируса создала жесткие ограничения ранее сложившихся социальных, экономических и иных связей во всем мире; продемонстрировала неготовность многих государств к

¹ Узун О. Л., Бойкова О. Б. Правовые основы и гарантии обеспечения безопасности личности при чрезвычайных ситуациях в ведущих иностранных государствах (на примере Германии) // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 4 (21). С. 47–53.

правовому регулированию именно таких ситуаций и обозначила пробелы в национальных законодательствах. Декларированный большинством стран мира режим правового и демократического государства, гарантировавший в том числе право на труд, на непосредственное общение, на беспрепятственное передвижение своих граждан, неожиданно рухнул. Анализ нормативных правовых актов России и Казахстана свидетельствует, что на тот момент не было правовых норм, регулирующих ЧС, связанные с массовыми заболеваниями населения инфекцией дыхательных путей, ни в рамках границ этих государств, ни в международных масштабах. Согласимся с мнением Р. А. Максимова, который полагает, что «до сих пор сугубо правовые аспекты исследуемой проблематики отодвигаются на второй план»², хотя ни одна современная сфера безопасности не в состоянии нормально функционировать без правового сопровождения.

Чрезвычайная ситуация

Чрезвычайная ситуация закрепляется в российском и казахстанском законодательстве как обстановка на определенном участке, сложившаяся в результате аварий, пожара, опасных природных явлений, катастроф, стихийных или иных бедствий, которые могут привести к человеческим жертвам, причинить вред здоровью человека и окружающей среде, значительным материальным ущербам и нарушениям условий жизни людей (ст. 1 Закона Республики Казахстан «О чрезвычайном положении»³, ст. 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в редакции до 1 апреля 2020 г.⁴ и др.). Сходное определение включено и в Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых

Государств в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций⁵.

Опыт последней пандемии вынудил многие государства внести корректировки в законодательство. Так, Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ⁶ определение ЧС в российском законодательстве было изменено: «Чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей». Таким образом, легальное определение данного понятия было дополнено основанием возникновения ЧС в виде распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, что более адекватно объективным реалиям современного состояния общественных отношений в рассматриваемых нами сферах. К сожалению, в казахстанском законодательстве данное основание не внесено в законодательные акты и, соответственно, общественные отношения, сложившиеся в связи с пандемией, не урегулированы и даже не обозначены на законодательном уровне. Закон РК «О чрезвычайном положении» (ст. 4) предусматривает два вида режима ЧС: социального характера; природного и техногенного характера. Хотя с формально-юридической и логической точки зрения речь идет не о двух, а о трех видах ЧС, поскольку понятие и содержание ЧС природного характера и ЧС техногенного характера не одинаковы.

В Казахстане ЧС социального характера вводится по решению руководителя местного исполнительного органа государственной власти по предупреждению и ликвидации ЧС или

² Максимов Р. А. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2014.

³ Закон Республики Казахстан от 08.02.2003 № 387 «О чрезвычайном положении» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000387_.

⁴ Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=n01500003>.

⁶ Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // СПС «КонсультантПлюс».

по согласованию с КНБ РК в случае, предусмотренном пунктом 1 ст. 3-2 (п. 2 ст. 3-1 Закона «О чрезвычайном положении»).

В Российской Федерации решение о введении режима ЧС в зависимости от масштаба ранее принимали Правительство РФ, МЧС РФ или соответствующие комиссии по ЧС. Но с 1 апреля 2020 г., согласно Закону «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций», право введения режима ЧС имеет только Правительство РФ.

Глобальный характер некоторых ЧС вызывает естественную необходимость унификации понятийно-категориального аппарата законодательства в указанной сфере. Международными организациями уже начаты определенные действия в данном направлении. Так, в 2009 г. утвержден новый Терминологический глоссарий ООН по снижению риска бедствий (UNISDR)⁷, в 2015 г. принята Сендайская рамочная программа по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы⁸. В 2020 г. опубликован Обзор законодательной и нормативной правовой базы в области гражданской обороны / гражданской защиты, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций стран Центральной Азии. Многие государственные органы в Республике Казахстан по роду своей деятельности часто пользуются ключевыми терминами, а также определениями ООН по снижению риска бедствий, однако указанные термины не обозначены в терминологическом глоссарии национального Закона «О гражданской защите»⁹, что приводит к проблемам правового регулирования в условиях ЧС и ЧП. В законах Казахстана «О чрезвычайном положении» и «О гражданской защите» на государственном языке основные термины «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение», несмотря на их различия по наименованию, содержанию, правовой природе и последствиям, называются одним термином «төтенше жағдай» — «чрезвычайная ситуация». Естественно, что данное обстоятельство логически ведет к непониманию сути и назначения данных законодательных актов, влечет путаницу. В целях устранения

выявленного недостатка авторы статьи предлагают заменить понятие «төтенше жағдай» на «төтенше ахуал», применяемое в значении «чрезвычайная ситуация», что приведет к устранению противоречий в понятийно-терминологическом аппарате.

За последнее столетие (после испанского гриппа, унесшего множество жизней) государства не сталкивались с таким явлением, как массовые инфекционные заболевания людей, возможно поэтому такие ЧС, как распространение инфекционных болезней, представляющих опасность для всего человечества, не были регламентированы в национальных законодательствах многих государств и не были включены в классификации видов вызываемых ими ЧС. Так, в Казахстане Законом «О чрезвычайном положении» эпидемии и эпизоотии отнесены к ЧС природного характера (пп. 2 п. 2 ст. 4), сходные нормы заложены и в законах Российской Федерации (пп. «б» ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении»¹⁰). Однако многие специалисты выделяют биологические и даже биолого-социальные ЧС, к которым относят в том числе и эпидемии/пандемии, которые ныне имеют распространенный характер в связи с глобализацией международных экономических отношений, резким повышением уровня урбанизации населения, активными миграционными процессами.

Относительно классификации видов ЧС следует отметить, что в отдельных национальных законодательствах легально определены виды ЧС природного и техногенного характера в зависимости от объектов и территории распространения/действия. Например, постановлением Правительства РК от 02.07.2014 № 756 (утратило силу в связи с постановлением Правительства РК от 14.07.2023 № 580) было установлено, что ЧС природного и техногенного характера делятся на объектовые, местные, региональные и глобальные. Однако о ЧС социального и иного характера в данном постановлении ничего не сказано.

В Российской Федерации классификация ЧС природного и техногенного (но тоже не социального либо иного) характера закреплена по-

⁷ URL: https://www.unisdr.org/files/7817_UNISDRTerminologyRussian.pdf.

⁸ URL: https://www.unisdr.org/files/43291_russiansendaiframeworkfordisasterri.pdf.

⁹ Рекомендации по внесению изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан от 11.04.2014 «О гражданской защите» // URL: <https://cesdrr.org/uploads/dev/2022>.

¹⁰ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 02.11.2023) «О чрезвычайном положении» // СПС «КонсультантПлюс».

становлением Правительства РФ от 21.05.2007 № 304¹¹. В частности, такие ЧС разделены на ЧС локального характера, муниципального характера, межмуниципального характера, регионального характера, межрегионального характера, федерального характера. Глобальные ЧС (пандемия) здесь не предусмотрены. Н. Г. Жаворонкова выделяет также трансграничную ЧС, поражающие факторы которой выходят за пределы Российской Федерации либо которая произошла за рубежом и затрагивает территорию Российской Федерации¹².

Биолого-социальные чрезвычайные ситуации

Анализ законодательной, доктринальной, технической литературы свидетельствует, что в законодательстве большинства государств мира говорится в основном о двух видах ЧС: природного и техногенного характера; в некоторых странах — о ЧС социального характера. Но вместе с тем следует выделять еще такие виды ЧС, как экологические и биологические. К последним относят как раз эпидемии, эпизоотии.

Анализ правового регулирования сферы ЧС показывает, что наиболее полным образом такие вопросы урегулированы на уровне подзаконных и технических актов. Например, в Российской Федерации действует ГОСТ Р 22.0.04-2020 «Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения», который был принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 11.09.2020 № 643-ст¹³. Согласно данному документу под биолого-социальной ЧС следует понимать «обстановку, при которой в результате возникновения источника биологической чрезвычайной ситуации на определенной территории нарушаются нормальные условия жизни и деятельности людей, существования сельскохозяйственных животных и произрастания растений, возникает угроза жизни и здоровью людей, ши-

рокого распространения инфекционных болезней, потерь сельскохозяйственных животных и растений». Источником биолого-социальной ЧС в данном стандарте определена особо опасная или широко распространенная инфекционная болезнь людей, сельскохозяйственных животных и растений.

ЧС биолого-социального (антропогенного) характера состоят из ЧС, связанных с изменением состояния литосферы — суши (почвы, недр, ландшафта), состояния и свойства атмосферы (воздушной среды), состояния гидросферы (водной среды), состояния биосферы, инфекционной заболеваемости людей, животных (в том числе и диких) и растений.

В этой связи вызывает вопросы отсутствие в законодательных актах Российской Федерации норм о биолого-социальных ЧС.

В Казахстане сегодня действует подзаконный акт — приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 18.12.2019 № 1069 «Об утверждении профессионального стандарта “Деятельность по обеспечению безопасности в чрезвычайных ситуациях”»¹⁴. Данный стандарт предназначен для создания учебных программ, включая обучение персонала на предприятиях, сертификацию работников, выпускников образовательных учреждений, решение широкого спектра задач по управлению персоналом *только в сфере противопожарной безопасности*. Иных правовых актов, относящихся к регулированию видов ЧС, в Казахстане нами не выявлено.

Глобализация неизбежно влечет понимание государствами необходимости сотрудничать при наступлении ЧС, особенно носящих межгосударственный и глобальный характер. Так, в 2003 г. были заключены Соглашение между правительствами государств — участников СНГ об обмене информацией о чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера, об информационном взаимодействии при ликвидации их последствий и оказании помощи пострадавшему населению¹⁵, Соглашение о сотрудничестве государств — участников Со-

¹¹ СПС «Гарант».

¹² Жаворонкова Н. Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. М. : Юриспруденция, 2007. С. 9–10.

¹³ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200175573> (дата обращения: 15.09.2023).

¹⁴ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V1900019752>.

¹⁵ URL: <https://cis.minsk.by/page/1188/soglasenie-ob-obmene-informaciej-o-crezvycajnyh-situaciah-prirodnogo-i-tehnogennogo-harakter-a-ob-informacionnom-vzaimodejstvii-pri-likvidacii-ih-posledstvii-i-okazanii-pomosi-postradavsemu-naseleniu>.

дружества Независимых Государств в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций¹⁶ (для Казахстана вступило в силу 22 февраля 2017 г.¹⁷) и др.

При этом вновь обращает на себя внимание факт правового регулирования на международном уровне только общественных отношений в сфере ЧС природного и техногенного характера — никаких норм о сотрудничестве государств и согласованных мерах при ЧС социального, экологического или биологического характера не имеется.

Во многих научных работах в основном изучаются два вида ЧС: техногенные, т.е. вызванные антропогенной деятельностью человека, и природные — не зависящие от воли людей и являющиеся последствием природных естественных процессов; к природным ЧС отнесены широко распространенные инфекционные заболевания населения, сельскохозяйственных животных и растений, а также применение современных средств поражения¹⁸.

Резюмируя проведенный анализ о ЧС и их видах, полагаем наиболее объективным отношение ЧС, связанной с эпидемией/пандемией, приведшей к массовым инфекционным заболеваниям среди населения, к применению многочисленных ограничений свободы передвижения и нарушению права на труд, ограничению социальных (родственных, дружеских, трудовых, соседских) связей, к ЧС именно биолого-социального характера. Биологический характер инфекционных болезней объясняется тем, что у человека они вызываются различными болезнетворными или условно-болезнетворными *биологическими агентами*: бактериями, грибами, вирусами, прионами, простейшими и т.д.

Наше мнение подтверждается также исследованиями других ученых, которые отмечают, что пандемия ковида-19 имела такое негативное последствие, как разрушение сложившихся способов социальной коммуникации и сохранения социальных связей¹⁹, а вынужденное применение эпидемиологических ограничений привело к возникновению социальных проблем²⁰.

Государственное управление в период чрезвычайных ситуаций

Организация государственного управления в период ЧС или чрезвычайного положения (ЧП)²¹ в различных государствах осуществлялась по-разному. Так, в Казахстане в 2014 г. были утверждены Правила применения дополнительных мер и временных ограничений в условиях чрезвычайного положения²². В соответствии с п. 3 названных Правил основным органом местного управления в период ЧП *независимо от причины его введения* должна являться «комендатура местности», которая «через средства массовой информации оповещает населения местности, где введен режим чрезвычайного положения, о необходимости выполнения введенных мер и временных ограничений, применяемых в условиях чрезвычайного положения при чрезвычайных ситуациях социального характера». Однако при объявлении в Казахстане ЧП с 16 марта 2020 г. и до его окончания в мае местные комендатуры практически бездействовали, официальных правовых актов об их создании не было опубликовано. Хотя в п. 4 Правил указано, что комендатуры действуют на территории, где введен правовой режим ЧП при ЧС *социального*

¹⁶ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201801260017>.

¹⁷ Закон РК от 22.12.2016 № 30-VI ЗПК «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1600000030>.

¹⁸ Жаворонкова Н. Г. Указ. соч. С. 9–10.

¹⁹ Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году : монография / отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М. : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 385.

²⁰ Дидикин А. Б., Тринитка Д. Г. Этические и правовые дилеммы эпохи глобальной пандемии // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 3 (13). С. 36.

²¹ При наличии определенных условий ЧС может стать основанием для введения ЧП. Тем самым «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение» соотносятся между собой как общее и особенное.

²² Постановление Правительства РК от 28.01.2014 № 35 «Об утверждении Правил применения дополнительных мер и временных ограничений в условиях чрезвычайного положения» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1400000035>.

характера. Вместе с тем правила для применения их при ЧС природного характера, к которым были отнесены законом эпидемия/пандемия, не были утверждены. Лишь этим обстоятельством можно объяснить ситуацию в период ЧП с 16 марта по 11 мая 2020 г. в Казахстане, когда регулирование общественных отношений производилось Государственной комиссией, но чаще — санитарными врачами. Только при объявлении ЧП в г. Алматы в январе 2022 г. такая местная комендатура была создана²³.

Таким образом, приходится констатировать, что законодательством России и Казахстана не было предусмотрено ЧС биологического характера, вызванной пандемией коронавируса, отсутствовало нормативное правовое регулирование общественных отношений, поэтому по умолчанию применялись нормы, регулирующие ЧС природного или социального, техногенного характера. Детальный анализ норм вышеназванных Правил показывает, что в них отсутствуют меры, подлежащие применению при массовых инфекционных заболеваниях населения (кроме введения комендантского часа). Кроме введения комендантского часа, все приведенные меры не имели никакого отношения к ЧС, связанной с массовым заболеванием населения инфекционными заболеваниями под общим названием «коронавирус».

Более того, пунктом 2 ст. 3-4 Закона РК «О чрезвычайном положении» в Казахстане при первоочередных мерах по ликвидации социальных ЧС, а также на весь срок действия ЧП (независимо от его основания) предусмотрено прекращение оказания физическим и юридическим лицам услуг связи или ограничение пользования сетями и средствами связи, кроме правительственной связи (п. 10 ст. 15). В условиях пандемии, вызванной коронавирусом, данное ограничение противоречит фактически сложившимся обстоятельствам, когда школы и вузы были переведены на дистанционное обучение, многие работодатели перевели работников на удаленный режим работы; нахождение близких

родственников в разных странах и разных частях одной страны вызывало естественную потребность узнавать о состоянии их здоровья в условиях массовых заболеваний, сопровождавшихся тяжелым течением и даже смертельным исходом²⁴. Наоборот, в той ситуации уровень оказания услуг связи должен был быть самым высоким и бесперебойным.

В России такие ограничения в законодательстве отсутствуют, хотя в 2021 г. некоторые госорганы уже предлагали ввести ограничения в этой сфере²⁵. В проекте правительственного постановления, который был опубликован на федеральном сайте проектов нормативных правовых актов, Министерство цифрового развития предложило в случае ЧС природного и (или) техногенного характера предоставить приоритет использования связи силовым ведомствам, МЧС, специальным службам и другим ведомствам, отключая при этом простых пользователей от сети²⁶.

В Казахстане фактически единственным ориентиром в данной ситуации был пункт 3 Указа Президента РК от 15.03.2020 № 285 «О введении чрезвычайного положения в Республике Казахстан»²⁷, в котором были перечислены основные меры и временные ограничения, которые впоследствии должны были конкретизироваться и для которых должен был устанавливаться порядок осуществления на практике.

Более адекватное правовое регулирование общественных отношений, на наш взгляд, имеется в Российской Федерации, где в Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении» были отдельно закреплены общие меры и временные ограничения, применяемые в условиях ЧП (ст. 11), а потом отдельно зафиксированы общие меры и временные ограничения, применяемые при ЧП, введенном при обстоятельствах, указанных в п. «а» ст. 3 данного Закона (ст. 12 — при ЧС социального характера) и отдельно — в п. «б» (при ЧС природного, техногенного, экологического характера — ст. 13).

²³ Указ Президента РК от 05.01.2022 «О введении чрезвычайного положения в городе Алматы» // URL: <https://www.akorda.kz/ru/o-vvedenii-chrezvychaynogo-polozheniya-v-gorode-almaty-5098>.

²⁴ Идрышева С. К., Сокольская Л. В., Валентонис А. С. Этические и правовые дилеммы, возникающие в период биолого-социальных чрезвычайных ситуаций // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11. С. 460–462.

²⁵ Минцифры: закон о работе сетей при ЧС не предполагает отключения связи на протестах // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5181053#:~:text=%C2>.

²⁶ URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/09/2021/61408f739a79473e911b04fa.

²⁷ URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000285>.

Соответственно, при массовых беспорядках и иных причинах социальных ЧС могут быть применены следующие меры: введение комендантского часа, ограничение свободы СМИ, запрет на деятельность политических партий и других общественных объединений, проверка документов, личный досмотр, досмотр имущества, жилья и транспорта населения; запрет на продажу оружия, боеприпасов и т.п.; выдворение лиц, нарушающих режим ЧП; продление срока содержания находящихся под стражей лиц.

При природных ЧС (к которым законодателем в Российской Федерации отнесены и эпидемии) были предусмотрены: временное переселение жителей на безопасные территории; введение карантина; привлечение государственного материального резерва; отстранение руководителей государственных и негосударственных организаций от работы из-за ненадлежащего исполнения ими своих обязанностей и назначение других лиц, временно исполняющих обязанности руководителей данных организаций на период действия ЧС; в исключительных случаях, когда необходимо провести или обеспечить аварийно-спасательные и иные неотложные работы, возможна мобилизация трудоспособных граждан и привлечение транспортных средств населения для выполнения указанных работ при обязательном соблюдении требований техники безопасности и охраны труда.

Относительно сроков действия режима ЧП статья 7 Закона РК «О чрезвычайном положении» определяет, что, если такое положение вводится на всей территории государства, оно не может превышать 30 суток, а по истечении срока, на который вводилось ЧП, оно считается прекращенным. Однако пункт 3 данной статьи уточняет, что при неустранении обстоятельств, послуживших основанием для введения ЧП, Президент Республики вправе продлить его действие в пределах еще одного 30-дневного срока. Такие указы о продлении действия ЧП в Республике Казахстан были изданы 14 апреля и 29 апреля 2020 г., в результате чего общий срок действия режима ЧП до 11 мая составил 55 дней. В Российской Федерации общегосу-

дарственный режим ЧП не был установлен, данная функция была передана в ведение субъектов Федерации.

В случае перерастания ЧС в ЧП законами России и Казахстана предусмотрены дополнительные ограничения. В Казахстане введение существенных ограничений прав и свобод участников гражданских правоотношений отнесено на уровень подзаконного правового регулирования актами главных государственных санитарных врачей. Так, статья 104 нового Кодекса РК «О здоровье народа и системе здравоохранения»²⁸ устанавливает, что в случае если возникает угроза распространения инфекционных и паразитарных заболеваний на всей территории Казахстана, то главные государственные санитарные врачи имеют право ввести ограничительные мероприятия (в том числе и карантин) с особыми условиями предпринимательской и (или) другой деятельности и жизни населения.

В статье 39 Конституции РК, ст. 55 Конституции РФ закреплено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законом и только в том случае, если это необходимо для защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения. В Законе РК «О правовых актах» данное положение более детализировано, в частности в ст. 14-2 подчеркивается, что ограничение прав и свобод в демократическом государстве должно быть адекватно законно обоснованным целям и должно соответствовать требованиям справедливости, быть пропорциональным, соразмерным и необходимым для защиты конституционно значимых ценностей.

Следует отметить, что во время объявления в Казахстане ЧП 2020 г. действовали ныне утративший силу Кодекс «О здоровье народа и системе здравоохранения» и Правила осуществления ограничительных мероприятий, в том числе карантина, на территории Республики Казахстан от 20.03.2015. Однако из действующих Правил осуществления ограничительных мероприятий от 21.12.2020 исключено проведение *обязательной вакцинации* населения согласно перечню заболеваний, против которых проводятся профилактические прививки²⁹.

²⁸ Кодекс Республики Казахстан «О здоровье народа и системе здравоохранения» от 07.07.2020 № 360-VI ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Адилет». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2000000360>.

²⁹ Приказ Министра здравоохранения РК от 21.12.2020 № ҚР ДСМ-293/2020 «Об утверждении правил осуществления ограничительных мероприятий, в том числе карантина, и перечень инфекционных за-

В перечень таких заболеваний ранее были включены «человеческий грипп, вызванный новым подтипом вируса, и другие инфекционные болезни, вызывающие чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения, имеющие международное значение, в соответствии с приложением № 2 к Международным медико-санитарным правилам (2005 г.)». В настоящее время в перечне последний вид заболеваний изменен на «коронавирусную инфекцию, вызванную новым подтипом вируса», и весь перечень включен в новые Правила от 21.12.2020.

В то же время условия проведения спорных ныне профилактических прививок регламентированы статьей 85 нового Кодекса РК «О здоровье народа и системе здравоохранения», в соответствии с которой физические лица, постоянно находящиеся на территории РК, обязаны получать обязательные профилактические прививки против инфекционных заболеваний (п. 4). Тем самым в казахстанском законодательстве усматривается явное противоречие между нормами закона и подзаконного акта, которое пока еще не получило разъяснения со стороны уполномоченного государственного органа.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что глобальная чрезвычайная ситуация в виде пандемии коронавируса позволила выявить проблемные вопросы в правовом регулировании рассмотренных в статье общественных отношений и сформулировать ряд рекомендаций по совершенствованию законодательства и состояния правопорядка в данной сфере.

В Докладе ВОЗ «Деятельность ВОЗ в чрезвычайных ситуациях в области здравоохранения»³⁰ в числе причин недостаточной эффективности мер противодействия биологическим ЧС отмечались «слабость национального потенциала в области предупреждения, выявления и пресечения рисков для здоровья населения»; недостаточное выполнение государствами-участниками определенных обязательств по

выполнению Международных медико-санитарных правил (2005 г.), особенно в отношении обеспечения готовности, что способствовало превращению пандемии ковида-19 в затяжную глобальную ЧС в области здравоохранения.

Так, на законодательном уровне следует закрепить максимально исчерпывающие виды (классификацию) ЧС по основаниям возникновения и территории воздействия. Системная классификация видов ЧС по основаниям возникновения позволит наиболее полно осуществлять правовое регулирование каждого из видов ЧС, в том числе определять полномочия уполномоченных органов, права и обязанности населения и представителей юридических лиц; перечень и порядок применения ограничений и др. Восполнение законодательных актов правовыми нормами о биолого-социальных ЧС позволит ликвидировать пробелы и юридические коллизии в национальных законодательствах России и Казахстана по регулированию данных видов ЧС.

Введение в законодательство таких видов ЧС (по территории воздействия), как трансграничные и глобальные, обеспечит восполнение норм об обязанностях, компетенции уполномоченных органов государства в аспекте международного сотрудничества по предупреждению и ликвидации ЧС такого масштаба.

Необходима также унификация терминологии в сфере правового регулирования ЧС и ЧП с учетом международных документов. В Казахстане рекомендуется в максимально короткие сроки изменить термины «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайное положение» в названиях и текстах соответствующих законодательных и подзаконных актов на государственном языке в целях закрепления и отражения их правовой сущности и адекватного восприятия всеми заинтересованными лицами.

Желательно поддержать научные исследования, проводимые не только учеными-юристами, но и специалистами различных сфер по результатам последней пандемии. Это позволит выявить слабые стороны государственного управления и правового регулирования при ЧС социально-биологического и экологического характера. Так, по результатам техногенных

заболеваний, при угрозе возникновения и распространения которых вводятся ограничительные мероприятия, в том числе карантин» // URL: <https://adilet.zan.kz/rus/search/docs/ddt=2020-12-21&fulltext=>.

³⁰ Деятельность ВОЗ в чрезвычайных ситуациях в области здравоохранения : доклад ВОЗ на 74-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения (5 мая 2021 г.) // URL: https://apps.who.int/gb/ebwha/pdf_files/WHA74/A74_9Add1-ru.pdf.

катастроф разрабатываются и публикуются заключения специальных комиссий и аналитические статьи специалистов³¹. В качестве примера можно привести материалы по результатам исследования техногенной ЧС на Саяно-Шушенской ГЭС³².

Помимо научных исследований, представляется необходимым правовое просвещение населения в вопросах поведения и реализации

ограничений при различных ЧС, особенно социальных и социально-биологических, носящих обширный характер (в масштабах государства, межгосударственные). В качестве примера можно привести учебное пособие «Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения», где рассмотрены различные виды ЧС и прописаны правила поведения населения при их наступлении³³.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 г. : монография / отв. ред. В. К. Левашов, Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская. М. : ФНИСЦ РАН, 2021.

Дидикин А. Б., Тринитка Д. Г. Этические и правовые дилеммы эпохи глобальной пандемии // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 3 (13). С. 31–37.

Жаворонкова Н. Г. Эколого-правовые проблемы обеспечения безопасности при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера. М. : Юриспруденция, 2007. 168 с.

Идрышева С. К., Сокольская Л. В., Валентонис А. С. Этические и правовые дилеммы, возникающие в период биолого-социальных чрезвычайных ситуаций // Евразийский юридический журнал. 2023. № 11. С. 460–462.

Костров А. В., Глуценко О. О. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС: необходимо совершенствовать нормативную правовую базу РСЧС // Право и безопасность. 2010. № 3 (36), октябрь. С. 94–101.

Максимов Р. А. Механизм действия права в чрезвычайных ситуациях (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2014.

Ордобаев Б. С., Боронов К. А. Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения. Бишкек : Эль Элион, 2017. 218 с.

Рассохин Г. Саяно-Шушенская ГЭС: неопознанная и нерасследованная катастрофа (16 августа 2019 г.) // URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=8736>

Сокольская Л. В., Идрышева С. К. Особенности прекращения договорных отношений между туристами и туроператорами в условиях пандемии по законодательству России и Казахстана // Право и образование. 2021. № 3. С. 63–69.

Телжан В. Социально-психологические последствия карантинных мер в период пандемии COVID-19 // Психология және социология сериясы. 2022. № 1 (80). С. 140–146.

Узун О. Л., Бойкова О. Б. Правовые основы и гарантии обеспечения безопасности личности при чрезвычайных ситуациях в ведущих иностранных государствах (на примере Германии) // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2013. № 4 (21). С. 47–53.

REFERENCES

Didikin AB, Trinitka DG. Ethical and legal dilemmas in the age of a global pandemic. *Theoretical and Applied Law*. 2022;3(13). (In Russ.).

³¹ Идрышева С. К., Сокольская Л. В., Валентонис А. С. Указ. соч. С. 462.

³² Костров А. В., Глуценко О. О. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС: необходимо совершенствовать нормативную правовую базу РСЧС // Право и безопасность. 2010, октябрь. № 3 (36). С. 94–101 ; Рассохин Г. Саяно-Шушенская ГЭС: неопознанная и нерасследованная катастрофа (16 августа 2019 г.) // URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=8736>.

³³ Ордобаев Б. С., Боронов К. А. Чрезвычайные ситуации. Классификация и правила поведения. Бишкек : Эль Элион, 2017.

Idrysheva SK, Sokolskaya LV, Valentonis AS. Ethical and legal dilemmas arising during biological and social emergencies. *Eurasian Law Journal*. 2023;11:460-462. (In Russ.).

Kostrov A, Glushchenko OO. Accident at the Sayano-Shushenskaya HPP: it is necessary to improve the regulatory framework of the Russian Emergency Situations. *Pravo i bezopasnost*. 2010;3(36). (In Russ.).

Levashov VK, Osipov GV, Ryazantsev SV, Rostovskaya TK (eds.). The challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021. Moscow: FNSC RAS Publ.; 2021. (In Russ.).

Maximov RA. The mechanism of law in emergency situations (general theoretical aspect). Cand. Sci. (Law) Diss. Penza; 2014. (In Russ.).

Ordobaev BS, Boronov KA. Emergencies. Classification and rules of conduct. Bishkek: El Elion Publ.; 2017. (In Russ.).

Sokolskaya LV, Idrysheva SK. Features of termination of contractual relations between tourists and tour operators in the conditions of the pandemic under the legislation of Russia and Kazakhstan. *Law and Education*. 2021;3:63-69. (In Russ.).

Telzhan V. Socio-psychological consequences of quarantine measures during the COVID-19 pandemic. *Psikhologiya zhane sotsiologiya seriyasy*. 2022;1(80):140-146.

Uzun OL, Boikova OB. Legal bases and guarantees of personal safety in emergencies in leading foreign countries (a case study of Germany). *Vestnik of St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. 2013.

Zhavoronkova NG. Environmental and legal problems of ensuring safety in emergency situations of a natural and man-made nature. Moscow: Jurisprudentsya Publ.; 2007. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Идрышева Сара Кимадиевна, доктор юридических наук, профессор департамента частного права АО «Университет КАЗГЮУ имени М.С. Нарикбаева»
д. 60, Победы пр., г. Астана 010011, Республика Казахстан
isk.80@mail.ru

Сокольская Людмила Викторовна, кандидат юридических наук, декан юридического факультета ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»
д. 22, Зеленая ул., г. Орехово-Зуево 142611, Российская Федерация
cokol4512@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sarah K. Idrysheva, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Private Law, Maqsut Narikbayev University, Astana, Republic of Kazakhstan
isk.80@mail.ru

Lyudmila V. Sokolskaya, Cand. Sci. (Law), Dean of the Faculty of Law, State University of Humanities and Technology, Orekhovo-Zuyevo, Russian Federation
cokol4512@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 31 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 22 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 31.03.2024.

Revised 22.04.2024.

Accepted 15.07.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.065-074

А. М. Хурматуллина

Казанский (Приволжский) федеральный университет
г. Казань, Российская Федерация

Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов в сфере здравоохранения

Резюме. Экспериментальный правовой режим необходим в условиях внедрения цифровых технологий, поддержки конкурентной среды для развития предпринимательства и сопровождается введением специального регулирования. В работе обосновывается тезис о том, что такой режим воздействует на институт реализации и защиты прав человека. Анализируются программы, принятые Правительством РФ и устанавливающие экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности. Рассматриваются конституционные принципы экспериментального правового режима и особенности их реализации применительно к сфере охраны здоровья граждан; среди них выделяются две группы принципов: закрепленные в Конституции РФ и законодательстве и вытекающие из положений Конституции. Отмечается, что Правительством РФ уделено большое внимание гарантиям прав человека в сфере охраны здоровья, в частности мониторингу медицинской помощи, оказываемой гражданам, внутреннему контролю, ведению субъектом экспериментального режима реестра правонарушений, судебной форме защиты. В то же время наличие законодательных пробелов, несовершенство юридической техники осложняют реализацию прав и свобод граждан в сфере охраны здоровья в условиях экспериментального правового режима: прав на информацию, на защиту персональных данных, на возмещение вреда. В статье обосновывается вывод о необходимости совершенствования законодательства об экспериментальных правовых режимах в сфере здравоохранения.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим; права человека; охрана здоровья; специальное регулирование; программа; Правительство РФ; принципы; Конституция; регулирующий орган

Для цитирования: Хурматуллина А. М. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов в сфере здравоохранения. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 65–74. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.065-074

Constitutional and Legal Foundations of Experimental Legal Regimes in Healthcare

Alsou M. Khurmatullina

Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

Abstract. An experimental legal regime is crucial amid the introduction of digital technologies and the support of a competitive environment for the development of entrepreneurship. This is accompanied by the introduction of special regulation. The paper substantiates the thesis that such a regime affects the institution of the realization and protection of human rights. The paper analyzes the programs adopted by the Government, which establish an experimental legal regime as to digital innovations in the field of medical activity. The author considers constitutional principles of the experimental legal regime and the specifics of their implementation in relation to the field of public health protection. Two groups of principles are distinguished among them: those enshrined in the Constitution and legislation and those arising from the meaning of the provisions of the Constitution. It is noted that the Government of the Russian Federation has paid great attention to guarantees of human rights in the field of health protection, in particular, monitoring of medical care provided to citizens, internal control,

© Хурматуллина А. М., 2024

maintenance by the subject of the experimental regime of the register of offenses, judicial form of protection. At the same time, the presence of legislative gaps and imperfection of legal technology complicate the realization of citizens' rights and freedoms in the field of health protection under an experimental legal regime: the right to information, personal data protection, and compensation for harm. The paper substantiates the conclusion about the need to improve legislation on experimental legal regimes in the field of healthcare.

Keywords: experimental legal regime; human rights; health protection; special regulation; program; Government of the Russian Federation; principles; Constitution; regulatory body

Cite as: Khurmatullina AM. Constitutional and Legal Foundations of Experimental Legal Regimes in Healthcare. *Lex russica*. 2024;77(8):65-74. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.065-074

Введение

С 2018 г. в российской практике наметилась тенденция по проведению правовых экспериментов: в налоговой, финансовой сферах, сфере цифровых инноваций. Среди первых законодательных актов Российской Федерации, направленных на установление эксперимента, можно назвать Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима»¹. В силу ч. 6 ст. 2 указанного Закона специальный налоговый режим предоставляет гражданам возможность осуществлять виды предпринимательской деятельности без соответствующей регистрации в качестве ИП. Был установлен 10-летний период для проведения эксперимента, с 1 января 2019 г. до 31 декабря 2028 г., который, в свою очередь, был разбит на подэтапы: первый этап — с 1 января 2019 г. — введение в четырех субъектах Российской Федерации (Москва, Республика Татарстан, Московская и Калужская области); второй этап — с 1 января 2020 г. — в 19 субъектах Российской Федерации (Нижегородская, Новосибирская области, Пермский край и др.); третий этап — с 1 июля 2020 г. — в оставшихся 62 субъектах Российской

Федерации; четвертый этап — на отдельных территориях, имеющих особый правовой статус: федеральной территории «Сириус» и арендованной территории города Байконура².

Стоит также отдельно обозначить федеральный закон, который ввел специальное регулирование на территории одного субъекта Федерации — города Москвы. Необходимость его введения была продиктована созданием оптимальных условий, способствующих разработке и внедрению искусственного интеллекта в различные сферы деятельности³. Примечательно, что внедрение цифровых инноваций на территории конкретного субъекта Российской Федерации осуществляется актом федерального парламента. В ряде случаев правовые эксперименты регулируются подзаконными актами Правительства РФ⁴ или Банка России⁵.

Важный этап в развитии правового регулирования экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в Российской Федерации связан с поправками, внесенными в Основной закон страны в 2020 г.⁶ Приоритетные направления, связанные с обеспечением устойчивого экономического роста государства, социального партнерства (ст. 75.1 Конституции РФ⁷), с одной стороны, и гарантирование безопасности

¹ Российская газета. 30.11.2018. № 270.

² Федеральный закон от 21.11.2022 № 441-ФЗ «О внесении изменений в статьи 1 и 2 Федерального закона «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» // Российская газета. 24.11.2022. № 266.

³ Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» // Российская газета. 28.04.2020. № 92.

⁴ Постановление Правительства РФ от 25.06.2019 № 807 // СЗ РФ. 2019. № 27. Ст. 3577.

⁵ Основные направления развития финансовых технологий на период 2018–2020 гг. / Банк России // URL: www.garant.ru (дата обращения: 29.10.2023).

⁶ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ // Российская газета. 16.03.2020. № 55.

⁷ Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Российская газета. 25.12.1993. № 237.

в связи с внедрением информационных технологий, оборотом цифровых данных (п. «м» ст. 71 Конституции) — с другой — во взаимосвязи со ст. 55 стали конституционной основой для установления в Российской Федерации общего механизма введения ЭПР. В целях унификации сложившейся практики проведения правовых экспериментов был принят Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁸, закрепивший механизм установления, реализации, изменения, прекращения ЭПР в восьми различных сферах деятельности.

Основная часть

Федеральный закон, установивший единые правовые основы для ЭПР в стране, содержит легальное определение понятия ЭПР, которое раскрывается через указание на специфику регулирования, распространения на конкретные сферы деятельности, временного фактора, субъектов, подпадающих под действие режима. Исходя из вышесказанного можно выделить следующие признаки ЭПР:

- ограничение определенными сферами, приоритетными для внедрения цифровых инноваций;
- специфика регулирования незначительна, в ограниченных пределах;
- наличие временных рамок, действие режима по кругу лиц и (факультативно) в пространстве⁹;
- краткосрочный характер действия (до трех лет);
- направленность на достижение публично значимых целей: улучшения экономического

состояния государства, удовлетворения общественных нужд¹⁰.

Большинство норм данного Закона носят отсылочный характер: вопросы мониторинга, приостановления режима конкретизированы в актах Правительства РФ¹¹.

Кроме того, предусмотрена возможность применения санкции защитного характера¹² (мер оперативного воздействия¹³). Речь идет о приостановлении статуса субъекта ЭПР. Установлены основания для приостановления статуса: непредставление субъектом отчета о деятельности в установленные сроки; несоответствие субъекта установленным законом требованиям; неприменение цифровых технологий; неприменение режима на всей территории РФ; непринятие мер, способствующих минимизации рисков. Законом закреплен максимальный срок приостановления действия ЭПР — до трех месяцев.

Федеральный закон, унифицировавший ЭПР в России, расширил перечень из трех принципов, впервые установленных Федеральным законом от 24.04.2020 № 123-ФЗ. Дополнительно к ранее закрепленным в сфере прав человека принципам были провозглашены принципы равноправия, добровольности участия субъектов в ЭПР, гарантирования безопасности личности, общества. В то же время были предусмотрены принципы, являющиеся основами законодательной деятельности федерального парламента: минимизации отступлений от общего регулирования, определенности специального регулирования в территориальном, временном пространстве, а также по кругу лиц. В дополнение к вышперечисленным И. С. Сушильников также называет принципы законности, федеративного государства, пропорциональности¹⁴.

⁸ Российская газета. 06.08.2020. № 173.

⁹ Тарасенко О. А. Экспериментальный правовой режим — полигон для инноваций и регулирования // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 44.

¹⁰ Сушильников И. С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 111.

¹¹ См.: постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2011 «Об утверждении Правил мониторинга экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций...» // СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. IV). Ст. 8217; постановление Правительства РФ от 15.12.2020 № 2116 «Об утверждении Правил приостановления действия экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций...» // СЗ РФ. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8813.

¹² Хакимов Э. И. Приостановление в системе организационных (оперативных) санкций российского права // Вестник КГУ. 2018. № 4. С. 276.

¹³ Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 143.

¹⁴ Сушильников И. С. Указ. соч. С. 116–117.

Таким образом, часть указанных принципов непосредственно содержится в гл. 1–2 Конституции РФ (ст. 8, 15, 17, 19, 29, 34, 55, 71), а часть вытекает из смысла положений Конституции. Так, к последним можно отнести принципы программного управления экспериментальным режимом, согласованного взаимодействия, эффективности.

Если речь идет о развитии той или иной отрасли экономики, регулирование осуществляется посредством программного инструмента. В части 2 ст. 41 Конституции РФ говорится о принятии мер по развитию систем здравоохранения, в п. «е» ст. 71 — о федеральных программах социального, научно-технологического развития. Таким образом, возможность принятия органами государственной власти определенных программ в сфере развития получила закрепление в Конституции РФ. В литературе программное управление чаще рассматривается в рамках сферы бюджетирования¹⁵, но в то же время оно является весьма эффективным инструментом достижения целевых показателей, заявленных государственными органами¹⁶ и при установлении ЭПР в области охраны здоровья граждан. Программа рассматривается как средство управления в рамках определенного, заранее установленного временного интервала, обусловленного необходимостью достижения поставленной цели и реализации перечня мероприятий, взаимоувязанных по исполнителям, срокам и ресурсам¹⁷.

Принцип программного управления в рассматриваемой сфере проявляется в том, что действующее при ЭПР специальное регулирование вводится программой, утверждаемой Правительством РФ¹⁸. Программное управление включает механизм, состоящий из после-

довательно определенных действий, предусмотренных в программном документе.

Принцип согласованного взаимодействия вытекает из ч. 2 ст. 90 Основного закона страны, в которой речь идет об установленной единой системе публичной власти. В рамках ЭПР данный принцип пронизывает взаимоотношения между органами публичной власти и частными организациями, в частности процесс принятия решений: о создании ЭПР, приостановлении, прекращении статуса субъекта ЭПР, в котором особое место отведено координационному органу, специализирующемуся в основном на разрешении разногласий между представителями публичной власти и представителями частных организаций, возникших в связи с рассмотрением инициативных предложений по установлению, изменению или прекращению ЭПР. Например, представители публичных структур либо представители частных организаций — предпринимательское сообщество или субъект ЭПР — могут обратиться в Правительство РФ с предложением о приостановлении ЭПР. Правительством регламентированы порядок внесения предложения о приостановлении действия ЭПР и порядок разрешения разногласий между органами публичной власти и представителями частных организаций¹⁹.

Принцип эффективности неоднократно упоминался в правовых позициях Конституционного Суда РФ применительно к бюджетной сфере²⁰, сфере правосудия²¹. Вместе с тем данный принцип пронизывает содержание введенного ЭПР. Субъектам ЭПР вменяется в обязанность представлять отчеты, связанные с подведением итогов деятельности. Примечательно, что перечень сведений, подлежащих включению в отчет, строго регламентирован ча-

¹⁵ Золотарева А. Б. Отражение принципов проектного и программного управления в бюджетном законодательстве России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 3. С. 286.

¹⁶ Головина А. Н., Габсалихова А. Н. Государственные программы и их роль в деятельности предприятий социально-культурной сферы // *Вестник науки и образования*. 2021. № 15-2 (118). С. 11–12.

¹⁷ Дмитриев К. А. Роль программы как инструмента государственного управления в России // *Вестник РЭУ*. 2012. № 5. С. 90.

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» // *СЗ РФ*. 2023. № 30. Ст. 5693.

¹⁹ Постановление Правительства РФ от 15.12.2020 № 2116.

²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2023 № 34-П // *Российская газета*. № 144. 04.07.2023.

²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.11.2023 № 53-П // *Российская газета*. № 272. 30.11.2023.

стью 2 ст. 18 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ, обозначившей показатели эффективности и результативности установленного режима, включая результаты судебных и внесудебных разбирательств. При этом административно-правовая защита субъектом ЭПР, предусмотренная пунктом 3 ч. 1 ст. 14 указанного Федерального закона, имеет приоритетное значение в механизме защиты прав и интересов человека в рамках ЭПР. Напомним, что Конституционный Суд РФ подчеркивает возможность осуществления публично значимых функций субъектами, не являющиеся органами публичной власти²², — речь идет о полномочии, связанном с рассмотрением обращений граждан.

Рассмотрим особенности реализации указанных принципов в рамках одного из приоритетных направлений, в котором введен ЭПР, — медицинской деятельности. На сегодняшний день действуют два экспериментальных режима в данной сфере: первый направлен на активное внедрение телемедицинских технологий в процесс оказания медицинской помощи²³, второй — на внедрение технологий, позволяющих оперативно осуществлять сбор и обработку как сведений о состоянии здоровья, так и диагнозов граждан²⁴.

Принцип недопустимости ограничения конституционных прав и свобод граждан является базовым конституционным принципом (вытекает из ст. 55 Конституции РФ), пронизывающим любую деятельность, связанную с реализацией прав человека, включая права на медицинскую помощь. Гарантии, предусмотренные Основным законом страны, нормативными правовыми актами, устанавливающими основы для охраны здоровья в Российской Федерации, при введении обозначенного режима должны оставаться неизменными: неприкосновенность личности, недопустимость отказа в оказании медицинской помощи, гарантия качественного и безопасного оказания медицинской помощи, неразглашение врачебной тайны, дача согласия на медицинское вмешательство и т.д.

Принцип единства экономического пространства совместно с принципом свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств провозглашен в ст. 8 Конституции и вы-

ражается в установлении единых основ регулирования рынка и целостности элементов инфраструктуры, система которых обеспечивает функционирование такого рынка²⁵. Несмотря на установление ЭПР в отдельных субъектах Российской Федерации, возможность последующего расширения его территориальных границ сохраняется, как и возможность участия в нем пациентов, проживающих в других субъектах Российской Федерации. Принцип единства экономического пространства выражается в поддержке одинаковых экономических возможностей для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и сохраняющейся возможности распространения ЭПР в сфере здравоохранения на всей территории России.

В целях гарантирования *принципа безопасности* в рамках ЭПР особое внимание уделено мерам, направленным на минимизацию рисков. В их перечне обозначены ведение медицинской организацией реестра, в котором фиксируются все нежелательные события и нарушения; внутренний контроль, направленный на реализацию качества и безопасности медицинской деятельности; установление конкретных показателей, подлежащих внутреннему контролю качества и безопасности медицинской деятельности. Дополнительно программой устанавливаются показатели: не менее 100 % первых 2 000 консультаций и не менее 50 % последующих консультаций, сопровождающихся применением телемедицинских технологий. В этой связи речь идет об активном участии Правительства РФ в осуществлении контрольных функций в отношении установленного ЭПР, что свидетельствует о сведении совершения правонарушений медицинскими организациями к минимуму.

В части 4 ст. 5 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ предусмотрена возможность установления программой ЭПР требования к субъекту ЭПР о необходимости страхования последним гражданской ответственности за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу. Отметим, что в рамках ЭПР, реализуемых в сфере здравоохранения, такой механизм не предусмотрен.

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2012 № 19-П // СЗ РФ. 2012. № 31. Ст. 4470.

²³ Постановление Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164.

²⁴ Постановление Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 // СЗ РФ. 2022. № 51. Ст. 9237.

²⁵ Лаптев В. А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // Lex russica. 2015. № 6. С. 44.

Рассматривая принцип прозрачности и открытости, сто́ит отметить, что в программах об ЭПР в сфере здравоохранения установлены минимальные требования к информированию об установлении и о содержании ЭПР: на медицинскую организацию возложена обязанность по размещению на своем официальном сайте информации о наличии и содержании режима, а также форм медицинских документов, подписываемых клиентом, в частности информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Иные требования к дополнительному опубликованию субъектом в средствах массовой информации, в сети «Интернет», перед въездами (проходами) на территорию действия ЭПР, перед входами в помещения не предусмотрены. На наш взгляд, сфера, имеющая непосредственное отношение к жизни и здоровью граждан, должна квалифицироваться в качестве максимально приближенной к гражданам, а информированное добровольное согласие должно включать отдельную графу, которая отражала бы непосредственное информирование пациента о технологиях, используемых при оказании медицинской помощи, рисках их применения и возможных средствах защиты в случае наступления неблагоприятных последствий.

Принцип равноправия обуславливает необходимость в установлении одинаковых требований ко всем потенциальным участникам ЭПР. Ко всем потенциальным субъектам предъявляются одинаковые требования, определяющие административно-правовой (разрешение на осуществление медицинской деятельности, организация внутреннего контроля) и гражданско-правовой (платежеспособность, наличие государственной регистрации) статусы юридических лиц, равно как и правовой статус частных лиц: индивидуального предпринимателя или представителя юридического лица (отсутствие судимости). Отдельные требования предъявляются к информационной системе, используемой при оказании медицинской помощи: необходимость расположения программно-технических средств информационных систем на территории страны, наличие сертификации, полученной органами исполнительной власти Федерации: Федеральной службой безопасности РФ и (или) Федеральной службой по техническому и экспортному контролю²⁶ и т.д.

Вместе с тем равноправие претендентов вовсе не означает нахождение субъектов в равном статусе независимо от организационно-правовой формы. На сегодняшний день субъектами ЭПР, согласно постановлению Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164, являются 28 юридических лиц: общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, частные учреждения, в то время как участие государственных и муниципальных учреждений не предполагается. Сто́ит отметить также разный правовой статус участников ЭПР. Если в Программе, утвержденной постановлением Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164, не проводится каких-либо различий между участниками, то, напротив, в Программе, утвержденной постановлением Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276, выделены субъекты, пациенты и иные участники ЭПР (медицинские организации, производители устройств, разработчики систем поддержки). Таким образом, можем говорить о разнообразном составе участников: государственные органы, юридические лица, индивидуальные предприниматели и граждане. В этой связи введенное специальное регулирование обуславливает определенные изменения в объеме прав и обязанностей участников ЭПР по данному направлению. Например, на лечащего врача дополнительно возложена обязанность по разъяснению пациенту порядка пользования приложением, с помощью которого осуществляется передача показателей состояния здоровья из устройства на информационную платформу, инструкции выполнения пациентом действий при отклонении состояния здоровья от предельных значений и т.д.

Реализация принципа добровольности участия в ЭПР проявляется в возможности присоединения новых субъектов к ЭПР в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. Для этого необходимо обратиться с соответствующей заявкой на присоединение в Министерство здравоохранения РФ, которое готовит заключение. На основе данного заключения Правительством РФ принимается окончательное решение о присоединении.

Принцип определенности специального регулирования в территориальном, временном пространстве и по кругу лиц означает, что специальный режим устанавливается на краткосрочный период (как правило, на два-

²⁶ Приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.12.2018 № 911н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 19.06.2019.

три года) на всей территории страны либо в отдельных субъектах Федерации (например, ЭПР, направленный на внедрение технологий, позволяющих оперативно осуществлять сбор и обработку сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан установлен на территории восьми субъектов), но с возможным последующим расширением территориальных границ распространения рассматриваемого режима, в отношении определенного перечня медицинских организаций, указанного в программе Правительством РФ.

Принцип минимизации отступлений от общего регулирования выражен в том, что большая часть изъятий касается формальной стороны, в частности оформления добровольного согласия на медицинские манипуляции, заключения договора об оказании платных медицинских услуг в письменной форме; использования простой электронной подписи при подписании договора на оказание медицинских услуг, возможности заключения договора посредством принятия пациентом оферты медицинской организации, размещенной на ее сайте, и т.д.

Из Федерального закона, унифицировавшего введение ЭПР в Российской Федерации, следует, что результативность и эффективность оцениваются в рамках проводимого мониторинга, осуществляемого на завершающей стадии — при истечении срока действия ЭПР, в то время как, например, в п. 35 постановления Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 отмечается постоянный характер проводимого мониторинга, при этом указание на его периодичность отсутствует. Очевидно, что данный вопрос субъектом ЭПР решается самостоятельно. Среди проблем применения ЭПР специалисты выделяют отсутствие критериев оценки эффективности реализации ЭПР²⁷. Можно было бы полагать, что вопрос решен, поскольку они определены для каждого ЭПР отдельно и подлежат закреплению в программе. В частности, в п. 36 постановления Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 обозначены конкретные показатели для оценки эффективности режима, направленного на развитие телемедицин-

ских технологий, среди которых не менее 95 % консультаций, проведенных с применением указанных технологий; удовлетворенность пациентов не менее 70 % ежегодно; проведение с использованием телемедицинских технологий не менее 30 % консультаций, предполагающих коррекцию назначенного на очном приеме лечения или назначения лечения (при его отсутствии). В то же время проведение анкетирования пациентов при отсутствии единой установленной формы, самостоятельно разработанная форма ведения реестра, не исключая внесение изменений, разработанные для каждого введенного ЭПР правила организации и проведения внутреннего контроля, направленного на обеспечение безопасности и качества медицинской деятельности, вовсе не свидетельствуют о полной и объективной эффективности; при таком индивидуальном подходе экономическую результативность данного механизма подсчитать достаточно сложно²⁸.

Заключение

ЭПР в сфере здравоохранения ориентирован на участников частноправовых отношений в рамках оказания медицинской помощи на возмездных началах, при этом полностью исключена сфера бесплатного оказания гражданам медицинской помощи в соответствии с программой государственных гарантий. Это существенно ограничивает возможность участия в обозначенном режиме государственных и муниципальных медицинских учреждений, выполняющих государственное задание (в рамках программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи). Суды не раз акцентировали внимание на том, что государственными и муниципальными учреждениями оказываются платные медицинские услуги лишь в свободное от основной работы время²⁹, данный вид деятельности рассматривается в качестве дополнительной работы, в этой связи их участие в подобном «эксперименте» невозможно. Упомянув о медицинских услугах, стбит

²⁷ *Ефремов А. А.* Проблемы экспериментального нормотворчества в сфере цифровых инноваций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 55.

²⁸ *Наумов В. Б., Бутримович Я. В., Котов А. А.* Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 3. С. 43.

²⁹ См.: постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2012 № 07АП-484/12 // URL: www.base.garant.ru (дата обращения: 29.10.2023); постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.03.2015 № 18АП-273/15 // URL: www.base.garant.ru (дата обращения: 29.10.2023);

отметить, что в настоящее время в парламенте Российской Федерации рассматривается вопрос о корректности употребления понятия «услуга» применительно к медицинской сфере. Напомним, что 28 ноября 2023 г. Тамбовской областной Думой в Государственную Думу ФС РФ был внесен законопроект, направленный на приведение к единообразию правового регулирования медицинской услуги и оказываемой медицинской помощи. Парламентариями было предложено отказаться от термина «услуга» в сфере медицинской деятельности. На наш взгляд, в разграничении указанных понятий нет смысла, так как данная сфера деятельности не может рассматриваться исключительно с позиции частноправовых основ. Очевидным примером являются публично-правовые начала, пронизывающие сферу оказания медицинской помощи при введении ЭПР.

С учетом вышеизложенного в целях реализации принципа равноправия претендентов на приобретение статуса субъекта ЭПР необходимо установить возможность распространения рассматриваемого режима в том числе на учреждения, деятельность которых в первоочередном порядке направлена на реализацию программ обязательного медицинского страхования.

К потенциальным субъектам ЭПР в рассматриваемой сфере деятельности предъявлены минимальные требования, чем подтверждается доступность статуса участника. Ввиду того что рассматриваемое направление непосредственно воздействует на жизнь, здоровье, при отсутствии законодательно установленной необходимости страхования субъектом ЭПР гражданской ответственности и превалировании судебной формы защиты прав и интересов, нарушенных при реализации обозначенного режима, представляется необходимым дополнительно в числе требований, предъявляемых к потенциальным субъектам, установить размер минимального уставного капитала для медицинских организаций (имущества, достаточного для осуществления медицинской деятельности).

Программой Правительства РФ предусмотрен упрощенный порядок оформления отно-

шений с медицинской организацией: использование простой электронной подписи при подписании документов может привести к ошибочному восприятию пациентом сути ЭПР. В этой связи представляется вполне обоснованным включить в обязанность консультирующего медицинского работника информирование лица, выразившего намерение вступить в правоотношения в рамках ЭПР, о наличии и содержании экспериментального правового режима, и фиксацию факта ознакомления в соответствующем документе.

Наличие пробелов, несовершенство юридической техники, используемой законодателем, осложняют реализацию прав и свобод граждан в сфере охраны здоровья в условиях введенного ЭПР: прав на информацию, на защиту персональных данных, на возмещение вреда. Во-первых, необходимо унифицировать терминологию, используемую в нормативных правовых актах разных органов государственной власти. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ регламентирует правовой статус «регулирующего органа», «уполномоченного органа», «координирующего органа», в то время как в подзаконном акте Правительства РФ упоминается лишь о федеральном министерстве в сфере здравоохранения, на которое возложены выработка государственной политики и регулирование ЭПР. В Законе разграничены такие понятия, как «участник» и «субъект» ЭПР, в программах, напротив, либо используется понятие «субъект» ЭПР либо дополнительно вводится понятие «иной участник» ЭПР. Кроме того, в программе закреплен перечень «грубых нарушений» и «особо грубых нарушений», но при этом в подзаконном акте отсутствует ответственность за них. С учетом вышеизложенного законодательство, устанавливающее ЭПР в сфере здравоохранения, нуждается в дальнейшем совершенствовании в части расширения действия по кругу лиц, времени, усложнения требований к потенциальным участникам ЭПР, унификации правовой терминологии, используемой в актах разного уровня, конкретизации положений Закона в актах Правительства РФ.

решение Арбитражного суда Ярославской области от 04.12.2018 по делу № А82-22838/2018 // URL: www.base.garant.ru (дата обращения: 29.10.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головина А. Н., Габсалихова А. Н. Государственные программы и их роль в деятельности предприятий социально-культурной сферы // Вестник науки и образования. 2021. № 15-2 (118). С. 6–12.
- Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Изд-во МГУ, 1972. 284 с.
- Дмитриев К. А. Роль программы как инструмента государственного управления в России // Вестник РЭУ. 2012. № 5. С. 87–94.
- Ефремов А. А. Проблемы экспериментального нормотворчества в сфере цифровых инноваций // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 53–60.
- Золотарева А. Б. Отражение принципов проектного и программного управления в бюджетном законодательстве России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2021. Т. 13. № 3. С. 285–308.
- Лаптев В. А. Конституция России как основной источник предпринимательского права // *Lex russica*. 2015. № 6. С. 39–47.
- Наумов В. Б., Бутримович Я. В., Котов А. А. Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // *Российское право: образование, практика, наука*. 2020. № 3. С. 40–49.
- Сушильников И. С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // *Теоретическая и прикладная юриспруденция*. 2023. № 1 (15). С. 109–121.
- Тарасенко О. А. Экспериментальный правовой режим — полигон для инноваций и регулирования // Вестник СПбГУ. Право. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 40–55.
- Хакимов Э. И. Приостановление в системе организационных (оперативных) санкций российского права // Вестник КГУ. 2018. № 4. С. 276–281.

REFERENCES

- Dmitriev KA. The role of the program as a tool of public administration in Russia. *Vestnik REU*. 2012;5:87-94. (In Russ.).
- Efremov AA. Problems of experimental rulemaking in the field of digital innovations. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYu) [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*. 2019;12:53-60. (In Russ.).
- Golovina AN, Gabsalikhova AN. State programs and their role in the activities of enterprises of the socio-cultural sphere. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2021;15-2(118):6-12. (In Russ.).
- Gribanov VP. The exercise and protection of civil rights. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1972. (In Russ.).
- Khakimov EI. Suspension of the Russian law in the system of organizational (operational) sanctions. *Vestnik KGU*. 2018;4:276-281. (In Russ.).
- Laptev VA. The Constitution of the Russian Federation as a primary source of entrepreneurial law. *Lex russica*. 2015;6:39-47. (In Russ.).
- Naumov VB, Butrinovich YaN, Kotov AA. Ensuring the quality of legal regulation of experimental legal regimes. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 2020;3:40-49. (In Russ.).
- Sushilnikov IS. Constitutional and legal foundations of experimental legal regimes. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*. 2023;1(15):109-121. (In Russ.).
- Tarassenko OA. The experimental legal regime is a testing ground for innovation and regulation. *Vestnik SPbGU. Pravo*. 2023;14(1):40-55. (In Russ.).
- Zolotareva AB. Reflection of the principles of project and program management in the budget legislation of Russia. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 2021;13(3):285-308. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хурматуллина Алсу Махмутовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета д. 18, Кремлевская ул., г. Казань 420008, Российская Федерация
akm551@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alsu M. Khurmatullina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation
akm551@mail.ru

Материал поступил в редакцию 30 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 22 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 30.03.2024.

Revised 22.04.2024.

Accepted 15.07.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.075-084

Н. А. Кулаков

Санкт-Петербургский университет МВД России
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Проблемы законодательного регулирования правового статуса аспиранта (адъюнкта) в контексте нового этапа реформирования российской системы образования

Резюме. Отсутствие собственной независимой концепции образования в условиях обострения геополитической обстановки и выхода из Болонского процесса представляет собой одну из главных угроз национальной безопасности России. Автором предпринята попытка объективно оценить текущее состояние правового регулирования в области высшего образования. С этой целью в статье характеризуются изменения параметров стандартизации в области образования в контексте внутригосударственных реформ, обусловленных вступлением в Болонский процесс. Автор аргументирует, что законодательные новеллы на данном историческом этапе детерминировали ряд системных проблем государственного управления в области образования, одна из которых связана с местом подготовки кадров высшей квалификации в системе образования. Проведенное исследование позволило сформулировать ряд предложений по совершенствованию законодательства. Во-первых, подготовку научных и научно-педагогических кадров следует выделить в самостоятельный уровень послевузовского образования. Во-вторых, определяя специфику послевузовского образования, необходимо закрепить, что правовой статус обучающихся по программам подготовки кадров высшей квалификации определяется, наряду с законодательством об образовании, также и законодательством о научной деятельности. Аспирант должен быть приравнен к научному работнику в смысле ст. 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

Ключевые слова: система образования; высшее образование; профессиональное образование; специалитет; аспирантура; адъюнктура

Для цитирования: Кулаков Н. А. Проблемы законодательного регулирования правового статуса аспиранта (адъюнкта) в контексте нового этапа реформирования российской системы образования. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 75–84. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.075-084

Problems of Legislative Regulation of a Postgraduate Student (Postgraduate in a Military College) Legal Status at a New Stage of the Russian Education System Reformation

Nikolay A. Kulakov

Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
St. Petersburg, Russian Federation

Abstract. The lack of its own independent concept of education amid the aggravation of the geopolitical situation and withdrawal from the Bologna process is one of the main threats to Russia's national security. The author attempts to objectively assess the current state of legal regulation in the field of higher education. The paper characterizes the changes in the parameters of standardization in education in the context of domestic reforms due to the entry into the Bologna process. The author argues that legislative innovations at this historical stage determined a number of systemic problems of public administration in the field of education, one of which is related to the place of training highly qualified academic personnel. The conducted research allowed us to formulate a

© Кулаков Н. А., 2024

number of proposals for improving legislation. Firstly, the training of scientific and academic personnel should be allocated to an independent level of postgraduate education. Secondly, defining the specifics of postgraduate education, it is necessary to consolidate that the legal status of students in higher education training programs is determined, along with the legislation on education, also by the legislation on scientific activity. A postgraduate student should be equated with a researcher in the sense of Article 4 of Federal Law No. 127-FZ dated 23.08.1996 «On Science and State Scientific and Technical Policy».

Keywords: education system; higher education; vocational education; specialist's degree program; postgraduate studies; postgraduate studies in a military college

Cite as: Kulakov NA. Problems of Legislative Regulation of a Postgraduate Student (Postgraduate in a Military College) Legal Status at a New Stage of the Russian Education System Reformation. *Lex russica*. 2024;77(8):75-84. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.075-084

Введение

Одним из ключевых вызовов для Российской Федерации на современном историческом этапе является концептуальное решение проблем, сложившихся в области образования. Доступное и качественное образование, соответствующее реальным потребностям российского общества, — неотъемлемое условие сохранения суверенитета России, экономического роста, социально-культурного благополучия граждан РФ.

В условиях обострения геополитической ситуации в связи с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины ряд развитых государств (в первую очередь речь идет о США, государствах — членах Европейского союза) фактически ведет гибридную войну в отношении Российской Федерации. Данный термин предполагает применение по отношению к противнику не столько военных мер, сколько мер политического, социально-экономического, информационного и иного характера в комплексе. Нет сомнений, что в долгосрочной стратегической перспективе одной из задач гибридной войны является снижение научного и образовательного потенциала противника.

В контексте сказанного объектом посягательства выступает и российское высшее образование, которое с начала 2000-х гг. поэтапно реформировалось на основе принципов Болонской системы. Ключевая цель данной системы предполагает унификацию уровней и стандартов высшего образования для взаимной интеграции национальных образовательных систем. Однако, как показала практика государственного управления в области высшего образования, внедрение «болонских»

стандартов не привело к достижению вышеобозначенной цели. Напротив, Болонский процесс породил комплекс системных проблем отечественного высшего образования, создал ряд причин и условий, способствующих снижению его качества.

Кроме того, зависимое положение субъектов государственного управления в области высшего образования в России от параметров, определяемых специалистами из недружественных стран, по вышеизложенным геополитическим причинам приобретает все признаки прямой угрозы национальной безопасности. Определение собственной концепции высшего образования с учетом исторического опыта и преемственности — одна из наиболее острых задач для современного Российского государства. Очень важно, чтобы в основу формирования собственной концепции легло научное обоснование, а не политический популизм или эмоции, вызванные давлением недружественных стран на Россию.

Основная часть

Реформирование российского высшего образования определяется высшими органами государственного управления в качестве одного из приоритетов национальной политики. В частности, 21 февраля 2023 г. в рамках ежегодного Послания Федеральному Собранию Президент РФ предложил вернуться к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов с высшим образованием. В основу реализации данной стратегической задачи должно лечь сочетание «лучших достижений отечественного образования и опыта последних десятилетий»¹.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 25.05.2024).

Напомним, что Российская Федерация присоединилась к Болонскому процессу в 2003 г., подписав Декларацию о создании общеевропейского пространства высшего образования (Болонскую декларацию). Данный международно-правовой акт, в частности, предполагает:

— принятие системы сопоставимых академических степеней, унификацию приложения к диплому;

— внедрение модульной системы образования, состоящей из двух уровней (бакалавриат, магистратура).

На законодательном уровне принципы Болонской системы получили юридическое оформление после принятия Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Однако необходимо отметить, что законодатель закрепил модель, предполагающую параллельное существование традиционной для российской образовательной практики одноуровневой (высшее образование — специалитет) и двухуровневой систем (бакалавриат, магистратура — уровни высшего образования). Решение такого рода, как представляется, обусловлено стремлением совместить эти две системы и обеспечить плавный переход к новым, «болонским» стандартам. Тем не менее выбранный законодательный подход детерминировал целый комплекс вопросов.

Один из таких вопросов связан с местом подготовки кадров высшей квалификации в системе образования. Обучение в аспирантуре или адъюнктуре, которое в отечественной образовательной системе традиционно относилось к послевузовскому образовательному уровню, в соответствии с действующим законодательством стало уровнем высшего образования. Представляется, что данное законодательное решение также было предопределено попыткой совместить параметры Болонской системы с отечественными реалиями. Дело в том, что в странах, применяющих Болонскую систему, вообще нет понятия «послевузовское образование». Болонская система, помимо ученых

степеней бакалавра и магистра, предполагает в качестве третьего уровня обучение в докторантуре и получение докторской степени в той или иной научной области.

В свою очередь, отечественная практика традиционно воспринимает обучение в аспирантуре (адъюнктуре) как подготовку научных и научно-педагогических кадров, которые в дальнейшем будут как преподавать в вузе, так и осуществлять научно-исследовательскую деятельность. При этом присвоение ученой степени кандидата наук является предметом регулирования законодательства о науке и научно-технической деятельности, а не законодательства об образовании².

Основной целью обучения в аспирантуре, традиционной для российской образовательной сферы, являются проведение научного исследования и подготовка диссертации, соответствующей установленным для защиты критериям. Безусловно, выпускники аспирантур (адъюнктур) должны рассматриваться в качестве приоритетных кандидатов на должности научно-педагогического состава. Однако именно проведение научного исследования и подготовка диссертации представляют собой цель обучения в аспирантуре (адъюнктуре).

Диссертационное исследование на сегодняшний день рассматривается в качестве основного результата подготовки кадров высшей квалификации, что следует из законодательства и ведомственных нормативных правовых актов Минобрнауки России. В частности, действующие федеральные государственные требования устанавливают, что программы обучения в аспирантуре (адъюнктуре) включают в себя научную и образовательную составляющие³.

Но важно не только закрепить формальные требования, предполагающие наличие двух указанных составляющих в программах подготовки кадров высшей квалификации. Необходимо создать соответствующие социально-правовые условия.

Если преподавать аспирант только учится (осваивая образовательную составляющую

² Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4137.

³ Приказ Минобрнауки России от 20.10.2021 № 951 «Об утверждении федеральных государственных требований к структуре программ подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре), условиям их реализации, срокам освоения этих программ с учетом различных форм обучения, образовательных технологий и особенностей отдельных категорий аспирантов (адъюнктов)» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.05.2024).

программы аспирантуры), то научной работой он уже занимается непосредственно. Нередко аспиранты привлекаются выпускающими кафедрами в качестве соавторов в авторские коллективы при проведении научных исследований либо проводят такие исследования самостоятельно. Высказанный тезис подтверждается практикой определения научного и научно-педагогического стажа. Понятия «научный работник» и «педагогический работник» (равно как «научный стаж» и «педагогический стаж») в законодательстве хотя и дифференцированы, но с юридико-содержательной точки зрения не раскрыты. Тем не менее обучение в аспирантуре засчитывается в научный стаж, но не включается в стаж научно-педагогический.

Таким образом, статус аспиранта имеет двойственную природу: с одной стороны, это полноценный субъект научной деятельности (которую он осуществляет, осваивая научную составляющую образовательной программы), а с другой — обучающийся, осваивающий педагогическую составляющую программы аспирантуры. На наш взгляд, трудозатраты аспиранта на научную деятельность должны получить объективную правовую оценку с точки зрения действующего законодательства об образовании. Не вызывает сомнений, что эффективность научно-исследовательской деятельности во многом зависит от единой системы стимулов и социальных гарантий для субъектов такой деятельности. Гарантии и стимулы (например, эффективный контракт⁴) должны распространяться и на аспирантов (адъюнктов) как полноправных субъектов научной деятельности. То же самое можно сказать о правах и обязанностях научного работника, предусмотренных статьей 4 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

Актуальность высказанных идей повышается в свете того, что количество защищаемых диссертационных исследований на современном этапе имеет существенную тенденцию к снижению. Prestиж профессии научного работника характеризуется прогрессирующей тенденцией к снижению, число поступающих в аспирантуру падает⁵.

Результаты социологических исследований показывают, что до защиты доходит менее 30 % кандидатских диссертаций⁶. При этом только треть защитившихся кандидатов наук продолжают работать в сфере науки и образования. Оставшиеся две трети практически не имеют научных публикаций, следовательно, их деятельность относится к сфере управления и другим секторам экономики⁷. Причем подобного рода недостатки имеют место в системе подготовки кадров высшей квалификации в различных областях⁸.

Очевидно, что складывающиеся тенденции требуют комплексной государственно-управленческой реакции. Представляется, что ключевым направлением воздействия на указанные тенденции является повышение престижа обучения в аспирантуре (адъюнктуре), социальных гарантий и стимулов обучающихся. Система таких гарантий и стимулов должна соответствовать сущности обучения в аспирантуре (адъюнктуре), которое по интенсивности представляет собой уже не просто получение образования, но и фактически трудовую деятельность. Аспирант, обучающийся по очной форме, зачастую проводит на кафедре практически полный рабочий день, а его возможности для дополнительного заработка ограничены.

Существенное отличие обучения в аспирантуре обусловлено также принципиальной разницей между категориями «научная дисциплина» и «учебная дисциплина». Программы подготовки кадров высшей квалификации предполагают изучение именно научных дис-

⁴ Янкевич С. В. Эффективный контракт с научно-педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования: правовые аспекты // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 112.

⁵ Кашина М. А. Негативные последствия реформирования российской аспирантуры: анализ и пути минимизации // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 8/9. С. 56.

⁶ Индикаторы науки: 2017 : стат. сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2017. С. 62.

⁷ Бережная Ю. Н., Гуртов В. А., Дмитриев Г. И. Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей научной квалификации: состояние и проблемы // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 114.

⁸ См.: Григорьев И. В., Григорьева О. И. Современные проблемы подготовки кадров высшей квалификации для лесного комплекса России // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3. № 8-4 (19-4). С. 463 ; Лопуха Т. Л., Разгонов Т. Л., Суслов Д. В. Подготовка военных научно-педагогических кадров высшей квалификации: проблемы и перспективы // Мир образования — образование в мире. 2018. № 3 (71). С. 122.

циплин (а не учебных дисциплин, составляющих содержание основных образовательных программ бакалавриата, специалитета и отчасти магистратуры). Изучение наук требует от обучающегося интеллектуальных усилий гораздо большей интенсивности в сравнении с изучением учебных дисциплин.

Необходимо также отметить, что действующее законодательство о научной деятельности закрепляет статус научного работника. Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» научным работником (исследователем) является гражданин, обладающий необходимой квалификацией и профессионально занимающийся научной и (или) научно-технической деятельностью. Штатное расписание научных организаций формируется на основании разд. II Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих «Квалификационные характеристики должностей работников, занятых в научно-исследовательских учреждениях, конструкторских, технологических, проектных и изыскательских организациях». Однако аспирант (адъюнкт) в соответствии с данным подзаконным актом к числу должностей научных работников не относится⁹.

Еще одна не самая, как представляется, благоприятная тенденция возникла ввиду «понижения» статуса аспирантуры (адъюнктуры) с уровня послевузовского образования до уровня высшего образования. Тенденция проявляется в том, что во многих вузах существенно снижается степень самостоятельности аспирантов при прохождении ими практической подготовки. В программах педагогической практики аспирантов нередко определено, что они не имеют права самостоятельно проводить занятия. Аспирант в рамках практики должен посещать занятия, проводимые другими преподавателями. И это притом, что каждый аспирант уже имеет высшее образование на уровне не ниже специалитета, а в российских вузах встречаются научно-педагогические работники с образованием уровня бакалавриата.

Отметим, что еще в недавнем прошлом самостоятельное проведение занятия аспирантами было абсолютной нормой. На наш взгляд, обязательным условием эффективной практической подготовки является прежде всего самостоятельное осуществление обучающимся функциональных обязанностей по специальности или направлению подготовки (при методическом руководстве кафедры). Сказанное в полной мере относится и к практической подготовке научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Таким образом, фактический социальный статус аспиранта (адъюнкта) как субъекта научной деятельности (научного работника) игнорируется как с точки зрения законодательства об образовании, так и с точки зрения законодательного регулирования научной деятельности. Применяемый законодательный подход не способствует повышению престижности обучения в аспирантуре (адъюнктуре), не позволяет распространить на аспирантов социальные гарантии и стимулы, установленные для научных работников. Вместе с тем условия поощрительных выплат должны быть направлены на достижение высоких показателей деятельности научных работников, т.е. они должны быть эффективными, учитывать особенности того или иного научного учреждения и находить отражение в положениях об оплате труда¹⁰.

Необходимо отметить, что на проблемы законодательного регулирования места аспирантуры в системе российского образования указывают многие ученые. Так, В. С. Синашенко отмечает, что «переход на “болонский формат” высшего образования привел к вымыванию исследовательской составляющей подготовки аспирантов. Фактически аспирантура приобрела академическую направленность, но потеряла статус научной программы»¹¹. В действующей модели «не выявлена специфика аспирантуры как уровня образования, основанного на научной работе»¹².

По мнению С. В. Ворошиловой, абсолютное большинство профессорского сообщества

⁹ Постановление Минтруда России от 21.08.1998 № 37 «Об утверждении Квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и других служащих» // Библиотека и закон. 2008. Вып. 25 (2).

¹⁰ Ломакина Л. А. Научный потенциал страны и некоторые проблемы правового регулирования труда научных работников // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 84–93.

¹¹ Сенашенко В. С. Особенности реформирования отечественной аспирантуры как предмет дискуссии // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 3. С. 62.

¹² Сенашенко В. С. Аспирантура как образовательная программа с научно-исследовательской компонентой или научно-исследовательская программа с образовательной компонентой? // Alma Matter. 2017. № 10. С. 4.

убеждено в необходимости возвращения к прежней системе классической аспирантуры, главной опорой которой являются научные школы и которая способна эффективно воспроизводить научные кадры вузов. При этом автор также указывает на многочисленные проблемы, возникшие в связи с отнесением аспирантуры в контексте Болонской реформы к одному из уровней высшего образования¹³.

Б. И. Бедный и Е. В. Чупрунов настаивают, что отнесение аспирантуры к уровню высшего образования, наряду с бакалавриатом, специалитетом и магистратурой, привело к тому, что при аккредитации аспирантских программ эксперты в первую очередь проверяют образовательную составляющую аспирантуры (рабочие программы дисциплин, фонды оценочных средств, компетенции и т.д.), а не ее научное обеспечение и качество научно-исследовательской подготовки аспиранта¹⁴. При этом авторы, критикуя сегодняшнее место аспирантуры в системе высшего образования, выделяют два обсуждаемых в научной литературе подхода к реформированию законодательства в данной области. Первый — радикальный («хирургический») — основан на том, что аспирантура не должна позиционироваться в качестве уровня образования, ее функционирование должно регулироваться законом о науке либо самостоятельными нормативными документами. В основе второго подхода, который авторы называют «терапевтическим», лежит тезис, что российская аспирантура может успешно функционировать в качестве третьего уровня высшего образования. При реализации второго подхода, который авторы поддерживают, необходимо учитывать и нормативно закрепить ряд особенностей профессионального исследовательского образования, принципиально отличающих программы подготовки аспирантов от программ бакалавриата и магистратуры¹⁵.

Как представляется, Б. И. Бедный и Е. В. Чупрунов не уделили внимания как минимум еще одному возможному подходу к реформированию аспирантуры. Причем данный подход уже

был апробирован в отечественном образовательном праве на законодательном уровне. На наш взгляд, обучение в аспирантуре следует отнести к отдельному уровню послевузовского образования, восстановив соответствующее понятие, применявшееся в законодательной практике в прошлом (Федеральный закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» (утратил силу)). Такой законодательный подход предполагает принципиальную дифференциацию высшего образования и программ подготовки кадров высшей квалификации в качестве самостоятельных уровней российского образования в целом. Признание подготовки научных и научно-педагогических кадров в качестве высшего уровня российской системы образования отразит действительное соотношение таких категорий, как «обучающийся» и «аспирант», с точки зрения их социальной роли и значимости.

С этой точки зрения позитивной оценки заслуживает Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах системы высшего образования», развивающий изложенное Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию РФ от 21.02.2023 предложение о возврате к традиционной для нашей страны базовой подготовке специалистов. Данный акт государственного управления закрепляет организационно-правовые основы тестирования системы российского высшего образования с учетом новых концептуальных подходов и предполагает следующие уровни образования: базовое образование (от 4 до 6 лет, т.е. сегодняшние бакалавриат и специалитет) и специализированное образование (магистратура). При этом с точки зрения темы данной статьи важно, что в отдельный уровень образования предполагается выделить аспирантуру¹⁶.

Тестирование системы образования с учетом новых параметров осуществляется на базе нескольких российских вузов, определенных в Указе Президента РФ. В будущем, если проект не выявит неразрешимых противоречий, предложенная модель получит законодательное

¹³ Ворошилова С. В. К вопросу о месте аспирантуры в системе высшего юридического образования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 2 (55).

¹⁴ Бедный Б. И., Чупрунов Е. В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 10.

¹⁵ Бедный Б. И., Чупрунов Е. В. Указ. соч. С. 10.

¹⁶ Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305120005> (дата обращения: 01.06.2023).

оформление и ляжет в основу образовательного процесса. Параллельно с формально-юридическим обособлением обучения в аспирантуре в самостоятельный уровень профессионального образования не менее важно уточнить правовой статус аспиранта (адъюнкта) как субъекта научно-исследовательской деятельности. На законодательном уровне целесообразно закрепить, что правовой статус обучающихся по программам подготовки кадров высшей квалификации, наряду с законодательством об образовании, определяется также и законодательством о научной деятельности. Аспирант должен быть приравнен к научному работнику в соответствии со ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике».

Предложенное законодательное решение отразит действительный социальный статус обучающихся по образовательным программам аспирантуры и создаст правовые предпосылки для распространения социальных гарантий и стимулов, установленных (а также тех, которые будут устанавливаться в дальнейшем) для научных работников, на аспирантов (адъюнктов). Кроме того, наделив аспиранта статусом научного работника, законодатель распространит на него требования ТК РФ в целом, а также в части особенностей регулирования труда научных работников (гл. 52.1 ТК РФ). Аспиранты, обучающиеся за счет бюджетных ассигнований по очной форме обучения, должны заключать с образовательной организацией не договоры об оказании образовательных услуг (как это происходит на сегодняшний день), а трудовые договоры.

В контексте сказанного следует упомянуть законопроект № 203207-8 «О внесении изменений в главу II Федерального закона “О науке и государственной научно-технической политике”» (в части государственной поддержки молодых ученых)¹⁷, внесенный на рассмотрение Государственной Думы ФС РФ в сентябре 2022 г. и на сегодняшний день рассмотренный в первом чтении. Основная идея данного законопроекта — легализация понятия «молодой ученый» и создание законодательных предпосылок для предоставления данной категории граждан мер государственной поддержки (как на федеральном, так и на региональном уровне).

В целом вектор рассматриваемой законодательной инициативы следует поддержать, хотя предложенный термин «молодой ученый» (согласно законопроекту к данной категории предлагается относить лиц в возрасте до 35 лет, с правом субъектов РФ повышать данный возрастной параметр) представляется не совсем удачным. С учетом того что в действующем законодательстве применяется термин «научный работник», с точки зрения единства юридической терминологии правильным кажется вести речь не о «молодом ученом», а о «молодом научном работнике».

Категория «ученый», как представляется, отражает качественную характеристику научного работника, достижение им определенного научно-интеллектуального уровня. Возможно, именно с этим связано то, что первая ученая степень именуется «кандидат наук» (т.е. «кандидат в ученые», который продолжает образование и стремится стать ученым). Кроме того, термин «ученый» за пределами научного сообщества (на бытовом уровне) применяется в более широком значении (скажем, в социальной группе, большинство представителей которой не имеют высшего образования, ученым называют того, кто такое образование имеет, либо просто человека, который много читает). В свою очередь, применяемая в законодательстве категория «научный работник» видится более точной с юридической точки зрения.

Еще одним аргументом в пользу законодательного закрепления понятия «молодой научный работник» является тот факт, что категория «научный работник» применяется и в трудовом законодательстве (гл. 52.1 ТК РФ¹⁸).

Таким образом, с точки зрения системного подхода к законодательному регулированию и единообразия применяемых правовых терминов в законопроекте № 203207-8 речь должна идти о законодательном закреплении статуса молодого научного работника, а не «молодого ученого». Отметим также, что данный законопроект не содержит норм, которые прямо бы закрепляли статус аспиранта (адъюнкта) как научного работника. Поэтому в случае принятия законопроекта проблемы правового статуса аспиранта (адъюнкта), обозначенные в рамках настоящей статьи, решены не будут.

¹⁷ Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/203207-8> (дата обращения: 29.03.2024).

¹⁸ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197 // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3.

Безусловно, распространение на аспиранта статуса научного работника придаст отношениям между образовательным учреждением и самим аспирантом характер трудовых (а не образовательных) отношений. Такой шаг, в свою очередь, не только существенно изменит содержание таких отношений (у сторон появятся права, обязанности и ответственность, предусмотренные ТК РФ), но и потребует дополнительного государственного финансирования. Тем не менее убеждены, что предлагаемые меры отразят реальную социальную значимость молодежной науки, позволят существенно повысить престиж обучения в аспирантуре, качество научной и педагогической подготовки аспирантов.

Признание обучения в аспирантуре уровнем послевузовского образования и распространение статуса научного работника на аспирантов — это одно из тех системных решений, которые позволяют рассчитывать на значительный эффект в различных областях науки и техники уже в обозримом будущем. В связи с этим дополнительные бюджетные ассигнования, необходимость в которых возникнет, в стратегическом плане будут, безусловно, оправданны.

Заключение

Подводя итог, еще раз отметим, что геополитические реалии, с одной стороны, и растущие социальные потребности в повышении эффективности образования и науки — с другой, на данном историческом этапе требуют от Российской Федерации создания самостоятельной независимой системы высшего образования. При этом опыт последних десятилетий неразрывно связан с безальтернативным внедрением стандартов Болонской системы, и с точки зрения повышения качества образования этот опыт сложно признать успешным.

Напротив, в результате реформ российское высшее образование так и не было приведено в соответствие с требованиями Болонской системы, при этом в значительной степени утратило собственную уникальность. В частности, это коснулось места аспирантуры (адъюнкту-

ры) в системе образования, которое, вопреки традиционному для отечественной системы образования признанию в качестве отдельного послевузовского уровня, законодательно приравнивается к уровню высшего образования.

Подготовку научных и научно-педагогических кадров следует выделить в самостоятельный уровень послевузовского образования. При этом, определяя специфику послевузовского образования, необходимо закрепить, что правовой статус обучающихся по соответствующим программам подготовки кадров высшей квалификации, наряду с законодательством об образовании, определяется также и законодательством о научной деятельности. Аспирант должен быть приравнен к научному работнику в соответствии со ст. 4 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». В связи с этим предлагаем внести следующие изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»:

— пункт 4 ч. 5 ст. 10 изложить в следующей редакции: «послевузовское образование — подготовка кадров высшей квалификации»;

— дополнить ст. 33 частью 5 следующего содержания: «Аспиранты, адъюнкты, обучающиеся по очной форме обучения и за счет бюджетных ассигнований, имеют статус научных работников. В связи с этим на них распространяются социальные гарантии и меры государственной поддержки, установленные для иных категорий научных работников».

Предложенный подход позволит повысить престиж обучения в аспирантуре (адъюнктуре), создаст предпосылки для повышения уровня государственной поддержки, социальных гарантий и стимулов аспирантов (адъюнктов). Организационно-правовые основы поддержки и гарантий для аспирантов также целесообразно закрепить на законодательном уровне. Система таких гарантий и стимулов должна соответствовать сущности обучения в аспирантуре, которое по интенсивности представляет собой не просто получение образования, но и фактически трудовую научно-исследовательскую деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедный Б. И., Чупрунов Е. В. Современная российская аспирантура: актуальные направления развития // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 3. С. 9–20.
- Бережная Ю. Н., Гуртов В. А., Дмитриев Г. И. Подготовка научных и научно-педагогических кадров высшей научной квалификации: состояние и проблемы // Планирование и обеспечение подготовки кадров для промышленно-экономического комплекса региона. 2019. Т. 1. С. 114–118.
- Ворошилова С. В. К вопросу о месте аспирантуры в системе высшего юридического образования // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 2 (55).
- Григорьев И. В., Григорьева О. И. Современные проблемы подготовки кадров высшей квалификации для лесного комплекса России // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2015. Т. 3. № 8-4 (19-4). С. 463–467.
- Индикаторы науки: 2017 : стат. сборник М. : НИУ ВШЭ, 2017.
- Кашина М. А. Негативные последствия реформирования российской аспирантуры: анализ и пути минимизации // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 8/9.
- Ломакина Л. А. Научный потенциал страны и некоторые проблемы правового регулирования труда научных работников // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 84–93.
- Лопуха Т. Л., Разгонов Т. Л., Суслов Д. В. Подготовка военных научно-педагогических кадров высшей квалификации: проблемы и перспективы // Мир образования — образование в мире. 2018. № 3 (71). С. 122–127.
- Сенашенко В. С. Аспирантура как образовательная программа с научно-исследовательской компонентой или научно-исследовательская программа с образовательной компонентой? // *Alma Matter*. 2017. № 10.
- Сенашенко В. С. Особенности реформирования отечественной аспирантуры как предмет дискуссии // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 3.
- Янкевич С. В. Эффективный контракт с научно-педагогическими работниками образовательных организаций высшего образования: правовые аспекты // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 112–122.

REFERENCES

- Bedny BI, Chuprunov EV. Modern Russian postgraduate studies: Current directions of development. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2019;28(3):9-20. (In Russ.).
- Berezhnaya YuN. Training of scientific and academic personnel of the highest scientific qualification: State and problems. *Planirovanie i obespechenie podgotovki kadrov dlya promyshlenno-ekonomicheskogo kompleksa regiona*. 2019;1:114-118. (In Russ.).
- Grigoriev IV. Modern problems of training highly qualified personnel for the Russian forest complex. *Aktualnye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika*. 2015;3,8-4(19-4):463-467. (In Russ.).
- Indikatory nauki: 2017. Collection of statistics. Moscow: Higher School of Economics Publ.; 2017. (In Russ.).
- Kashina MA. Negative consequences of the reform of the Russian postgraduate school: Analysis and ways to minimize. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2020;29(8/9). (In Russ.).
- Lomakina LA. The scientific potential of the country and some problems of legal regulation of the work of scientists. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2020;8:84-93. (In Russ.).
- Lopukha TL. Training of highly qualified military academic personnel: Problems and prospects. *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*. 2018;3(71):122-127. (In Russ.).
- Senashenko VS. Postgraduate studies as an educational program with a research component or a research program with an educational component? *Alma Matter*. 2017;10:4. (In Russ.).
- Senashenko VS. Specifics of reforming the Russian postgraduate school as a subject of discussion. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2020;29(3):62. (In Russ.).
- Voroshilova SV. On the issue of the place of postgraduate studies in the system of higher legal education. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» [Herald of Omsk University. Law Series]*. 2018;2(55). (In Russ.).
- Yankevich SV. Performance-based contract of employment with academic staff of educational institutions of higher education: Legal aspects. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2018;2:112-122. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулаков Николай Андреевич, кандидат юридически наук, доцент, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России
д. 1, Летчика Пилютова ул., г. Санкт-Петербург 198206, Российская Федерация
2-kvadrat@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay A. Kulakov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Administrative Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
2-kvadrat@mail.ru

Материал поступил в редакцию 2 апреля 2024 г.

Статья получена после рецензирования 16 июня 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 02.04.2024.

Revised 16.06.2024.

Accepted 15.07.2024.

В. А. Батырь

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Особенности осуществления международного контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву

Резюме. В статье дана оценка применения средств внесудебного, судебного и общественного международного контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву (МГП), сформулировано понятие института международного контроля в МГП. Отмечено, что к внесудебным механизмам международного контроля относятся: а) система защитных полномочий, осуществляемая государствами самостоятельно; б) механизм, основанный на взаимном согласии противоборствующих сторон для конкретного случая правонарушения *ad hoc* (специальная процедура расследования государств в невраждебном взаимодействии); в) международные механизмы установления фактов и расследования, осуществляемые международными организациями и (или) специально уполномоченными органами на основе ранее возникшего обязательства государств. По проявлению волевого компонента предложенная структурная модель контроля может характеризоваться как конкурирующая. Институт держав-покровительниц позволяет государству, не участвующему в вооруженном конфликте, посредством добрых услуг представлять интересы одного государства-противника перед другим. Воюющие государства обязались принять миссию Международного комитета Красного Креста или любой другой беспристрастной организации. Единственным постоянным договорным органом, призванным содействовать соблюдению норм МГП и обеспечить гарантии, предоставляемые жертвам вооруженного конфликта, является Международная комиссия по установлению фактов. Конвенции о запрещении или ограничении применения средств вооруженной борьбы содержат собственные механизмы контроля.

Ключевые слова: международный контроль; международное гуманитарное право; система защитных полномочий; специальная процедура расследования; держава-покровительница; субститут; Международный комитет Красного Креста; средства вооруженной борьбы; Организация по запрещению химического оружия; международная неправительственная организация

Для цитирования: Батырь В. А. Особенности осуществления международного контроля за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 85–111. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.085-111

Specifics of the Implementation of International Control over States' Compliance with Obligations under International Humanitarian Law

Vyacheslav A. Batyr

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper assesses the use of means of extrajudicial, judicial and public international control over states' compliance with obligations under international humanitarian law (IHL), and formulates the concept of the institute of international control in IHL. It is noted that the non-judicial mechanisms of international control include: a) a system of protective powers carried out by states independently; b) a mechanism based on the mutual consent of the warring parties for a specific case of an ad hoc offense (a special procedure for investigating states in their non-hostile interaction); c) international fact-finding and investigation mechanisms carried out by international organizations and/or specially authorized bodies on the basis of a states' obligation that arose earlier. According to the manifestation of the volitional component, the proposed structural control model can be characterized as competing. The institution of protecting powers allows a state that is not involved in an armed conflict to represent the interests of one opposing state over another through good offices. The states at war have pledged to accept the mission of the International Committee of the Red Cross or any other impartial organization. The International Fact-Finding Commission is the only permanent treaty body designed to promote compliance with IHL norms and ensure guarantees provided to victims of armed conflict. Conventions on prohibitions or restrictions on the use of military means contain their own control mechanisms.

Keywords: international control; international humanitarian law; system of protective powers; special investigation procedure; protecting power; substitute; International Committee of the Red Cross; military means; Organization for the Prohibition of Chemical Weapons; international non-governmental organization

Cite as: Batyr VA. Specifics of the Implementation of International Control over States' Compliance with Obligations under International Humanitarian Law. *Lex russica*. 2024;77(8):85-111. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.085-111

В отечественной доктрине международного права международный контроль рассматривается как деятельность субъектов международного права или созданных ими органов, заключающаяся в проверке соблюдения государствами международно-правовых обязательств и в принятии мер по их выполнению¹. Кроме того, было отмечено, что контроль

«является необходимым условием функционирования всего международного права, это процесс обработки информации, призванный определить соответствие поведения субъектов нормам международного права»²; «является международно-правовым средством (гарантией) обеспечения международных обязательств»³, «предотвращения и выявления

¹ Валеев Р. М. Международный контроль : монография. Казань, 1998. С. 19.

Профессор И. И. Котляров определял международный контроль как действия субъектов международного права или органов, ими созданных, которые осуществляются на основе международных договоров и заключаются в проверке соответствия деятельности государства принятым им на себя обязательствам в целях обеспечения их соблюдения. См.: Котляров И. И. Правовые вопросы контроля за соблюдением международных обязательств // Международное сотрудничество и международное право. М., 1977. С. 49 ; Он же. Международный контроль с использованием космических средств: Международно-правовые проблемы. М., 1981. С. 28.

² Лукашук И. И. Международное право. Общая часть. М., 1996. С. 175.

Было отмечено также, что международный контроль выполняет функции констатации правонарушения, воздействия на правонарушителя (побуждение к выполнению предписаний международного права и корректировка поведения субъекта), толкования норм для уяснения того, какие действия не соответствуют норме. См.: Лукашук И. И. Функционирование международного права. М. : Наука, 1992. С. 85.

³ Тиунов О. И. Международно-правовые гарантии как средство обеспечения международных договоров // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 86.

случаев их нарушения»⁴ в целях «надлежащего»⁵ («добросовестного, полного и своевременного»⁶) выполнения; призван «обеспечить защиту государств от возможных нарушений и уклонений»⁷; должен «осуществляться на основе согласования международного и внутригосударственного права»⁸. Контроль предполагает «проверку, а также постоянное наблюдение в целях проверки»⁹. Определенный научный и практический интерес представляет как исследовательская модель международного контроля в виде правоотношения с учетом соответствующих элементов (юридического объекта, субъектов, содержания и юридического основания возникновения правоотношения)¹⁰, так и установление последовательности действий (стадий) такого

процесса¹¹. Отмечено, что результаты контроля, в свою очередь, «должны обеспечивать: выявление нарушений, установление причин нарушения и виновных лиц, а также оказывать помощь в разработке превентивных мер»¹².

Следует различать три сложившиеся модели международного контроля. Так, модель *внесудебного* контроля может осуществляться путем создания органов контроля в рамках международных организаций¹³, специально учрежденными международными органами¹⁴, а также высшими должностными лицами универсальных и региональных международных организаций (например, Генеральным секретарем ООН или его специальными представителями¹⁵) и собственно государствами¹⁶. В свою оче-

⁴ Всеобщая международная безопасность. Международно-правовые принципы и нормы : справочник. М. : Междунар. отношения, 1990. С. 108.

⁵ Устинова Е. Ю. Формы и механизм международно-правового контроля за соблюдением международных договорных обязательств государств // Право и политика. 2007. № 8. С. 48.

⁶ Тиунов О. И. О понятии международно-правового контроля // Советский ежегодник международного права, 1988. М. : Наука, 1989. С. 99.

⁷ Кириленко В. Международный контроль как одна из форм обеспечения охраны морской среды от загрязнения // Правоведение. 1987. № 2. С. 34–41.

⁸ Тиунов О. И. Выполнение международных договоров Российской Федерации. М., 2011. С. 200.

⁹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : ИТИ Технологии, 2007. С. 292.

¹⁰ Симонова Н. С. Институт международного контроля как элемент механизма обеспечения выполнения обязательств по международным договорам // Московский журнал международного права. 2014. № 1. С. 82–102.

Основные характерные черты (признаки) международного контроля указаны в другой работе: Симонова Н. С. Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам: понятие, основные элементы // Московский журнал международного права. 2013. № 3 (91). С. 74.

¹¹ В частности, О. И. Тиуновым были выделены следующие действия (этапы) при проведении контроля: 1) оценка фактического положения вещей в сложившейся ситуации; 2) оценка соответствующего нормативно-правового материала; 3) сопоставление фактической ситуации и норм права; 4) констатация выполнения международно-правового обязательства или отхода от него; 5) предоставление участникам соглашения информации о ходе выполнения возложенных на государства обязательств или о необходимости устранения ситуации, представляющей угрозу для выполнения договора, а также устранение нарушения договора. См.: Тиунов О. И. Выполнение международных договоров... С. 203.

¹² Талалаев А. Н. Право международных договоров. Действие и применение договоров. М. : Междунар. отношения, 1985. С. 119.

¹³ Например, в рамках Международной организации труда, Международного агентства по атомной энергии, ЮНЕСКО, Всемирной организации здравоохранения, Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, Организации по запрещению химического оружия (далее — ОЗХО). Так, распоряжением Правительства РФ от 17.11.2000 № 1627-р (утратило силу) были распределены обязанности между федеральными органами исполнительной власти, участвующими в выполнении международных договоров в области химического разоружения.

¹⁴ Например, Комитетом по правам человека, Международным комитетом по контролю над наркотиками, Комитетом по ликвидации расовой дискриминации и др., которые создаются специально для контроля исполнения договорных обязательств.

¹⁵ Так, были учреждены должности специальных представителей Генсека ООН по следующим вопросам: о сексуальном насилии в условиях конфликта, о детях и вооруженных конфликтах, о насилии в отношении детей.

редь, модель судебного контроля реализуется международными судебными учреждениями путем рассмотрения жалоб о нарушении международных договоров государствами-участниками и вынесения обязательных для исполнения сторонами спора решений. Определенные возможности присущи модели общественного контроля, осуществляемого международными неправительственными организациями (далее — МНПО), экспертными форумами и международными группами экспертов.

В международной контрольной деятельности основополагающим принципом является объективность в установлении фактических обстоятельств выполнения (невыполнения) международно-правовых обязательств, а также беспристрастность при констатации возможных правонарушений, их оценке и верификации¹⁷.

Справедливо утверждение о том, что международный контроль выступает в качестве самостоятельного института международного права, который, наряду с международными гарантиями и другими мерами, направлен на обеспечение выполнения государствами междуна-

родных обязательств¹⁸. Однако даже в первом приближении нельзя не заметить, что институт международного контроля представляет собой комплексное межотраслевое образование и находит специфические проявления в различных отраслях международного права (например, в международном праве прав человека¹⁹, международном праве окружающей среды²⁰, праве международной безопасности²¹, международном уголовном²², международном морском²³, а также международном гуманитарном праве (далее — МГП)²⁴). Следует полагать, что созданные отраслевые контрольные механизмы являются субинститутами общего института международного контроля и одновременно институтами соответствующих отраслей, где были установлены достаточно специфические контрольные механизмы.

1. Обеспечение уважительного отношения к МГП является исходным началом (принципом) и одновременно международно-правовым обязательством цивилизованных государств в XXI в. МГП служит источником обязательств *erga omnes*²⁵, поэтому государства, вне зависи-

¹⁶ К методам такого контроля относят представление отчетов, докладов, обмен информацией, рассмотрение жалоб, проведение инспекций, обследований, расследований, установление фактов и т.д.

¹⁷ Так, из-за скандалов с фейками оказалось подорванным доверие к спецпредставителю по вопросу о сексуальном насилии в условиях конфликта Прамиле Паттен, которая в 2022 г. выступила с заявлением о том, что российским солдатам выдают «Виагру» для изнасилования украинок и это является «частью военной стратегии». Позже она сообщила, что эксперты пока не обнаружили соответствующих доказательств, а сама она проводить расследование не может (URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1834005/ (дата обращения: 15.04.2024)).

¹⁸ См.: Валеев Р. М. Указ. соч. С. 14.

¹⁹ См.: Лукьянцев Г. Е. Международный контроль в области прав человека. М., 2005. С. 33–34; Голытьев А. О. Международный контроль в области прав человека на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6 (12) : в 3 ч. Ч. I. С. 45–50.

²⁰ См.: Отрашевская А. М., Солнцев А. М., Юсифова П. Н. Роль договорных органов в контроле за выполнением международных экологических обязательств // Московский журнал международного права. 2023. № 1. С. 47–75; Кириленко В. Международный контроль как одна из форм обеспечения охраны морской среды от загрязнения // Правоведение. 1987. № 2. С. 34–41.

²¹ Лазутин Л. А. Соотношение контроля и мер по укреплению доверия в праве международной безопасности // Российский юридический журнал. 1995. № 1.

²² Валеев Р. М. Указ. соч. С. 131–154.

²³ Круглова Ю. Б. Институт контроля в международном морском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Казань, 2007.

²⁴ См.: Сагер М. Контрольные механизмы в международном гуманитарном праве // Московский журнал международного права. 1991. № 3–4. С. 27; Репецкий В. Н. Контроль за соблюдением международного гуманитарного права и прав человека // Российский ежегодник международного права, 2000. СПб., 2000. С. 130–133; Котляров И. И. Международный контроль за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву // Международное уголовное правосудие : Современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 491–502.

²⁵ См.: Мельцер Н. Международное гуманитарное право. Общий курс. М. : МККК, 2017. С. 327.

мости от их причастности к вооруженному конфликту, имеют дискреционное право требовать от любой стороны в конфликте соблюдать МГП и положить конец нарушениям. Это право основано на корреспондирующих обязанностях: а) отрицательной — не поощрять нарушение МГП воюющими сторонами — и б) положительной — добиваться прекращения нарушений. В свою очередь, поощрение нарушений рассматривается как непринятие мер (т.е. содействие нарушениям²⁶ или подстрекательство к ним)²⁷.

В доктрине неоднократно подчеркивалось, что большинство международных механизмов контроля и мониторинга за соблюдением норм МГП, предусмотренных в рамках действующих договоров, являются недостаточными²⁸, разработаны на довольно слабом уровне²⁹, поскольку сформировались главным образом в рамках «права Женевы»³⁰. При этом констатируется, что, с одной стороны, существующие механизмы контроля за поведением сторон в вооруженных конфликтах, созданные в рамках МГП, достаточно редко используются на практике. А с другой — механизмы контроля, разработанные вне рамок МГП, имеют функциональные ограничения, и возможность их задействования в условиях вооруженных конфликтов неочевидна. В этой связи в международной повестке дня четко обозначилась альтернатива: либо надевание дополнительными полномочиями уже

созданных механизмов, либо создание новых, более эффективных³¹.

Важнейшая особенность контроля в МГП связана со спецификой действия его норм во времени. В отличие от мер по имплементации, принимаемых в основном в мирное время, осуществление контрольной деятельности за выполнением государствами международно-правовых обязательств (в частности, за соблюдением конвенционных запретов) должно совпадать с началом применения вооруженного насилия как свершившегося юридического факта, чем и обусловлена «включаемость» механизмов контроля. А вот завершение контрольных процедур не ограничено во времени и большей частью обусловлено соответствующими договорными положениями³².

2. Собственно институт международного контроля в МГП представляет собой совокупность принципов и норм, регулирующих деятельность контрольных механизмов, направленную на установление фактических обстоятельств правомерности (неправомерности) применения государствами вооруженного насилия. При этом под *международным контролем в МГП* следует понимать деятельность органов и уполномоченных лиц, определяемых государствами либо международными организациями, осуществляемую во временных рамках международных вооруженных конфликтов и преодоления их последствий, направленную

²⁶ Так, в деле «Никарагуа против США» (1986 г.) Международный суд ООН (далее — МС ООН) указал, что обязанность государств соблюдать и обеспечивать соблюдение Женевских конвенций 1949 г. (далее также — ЖК) означает обязательство не поощрять лиц или группы лиц, участвующих в конфликте в Никарагуа, к действиям в нарушение статьи 3, общей для всех Женевских конвенций 1949 г., и что США нарушили это обязательство, распространив руководство по ведению партизанской войны, которое предоставляло указания относительно ведения оперативной деятельности в нарушение принципов МГП.

²⁷ Например, оказывающее содействие государство знает, что поведение государства, которому оказывается помощь, является незаконным, либо помощь направлена на содействие такому поведению и действительно ему способствует. См. ст. 16 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния 2001 г.

²⁸ 31-я Международная конференция Красного Креста и Красного Полумесяца. Параллельное мероприятие на тему «Установление фактов как инструмент обеспечения уважения МГП». 28 ноября 2011 г. // URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?mode=shownews&ID=452> (дата обращения: 15.04.2024).

²⁹ См.: *Валеев Р. М.* Указ. соч. С. 64.

³⁰ См.: *Кальсховен Ф.* Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. С. 81–84.

³¹ Впрочем, предложение Международного комитета Красного Креста (далее — МККК) о создании новой структуры — Совещания государств, уполномоченного осуществлять наблюдение за исполнением государствами обязательств по МГП, — не нашло поддержки (URL: https://rcrcconference.org/app/uploads/2015/04/32IC-AR-Compliance_EN.pdf (дата обращения: 15.04.2024)).

³² Например, ст. 142 Женевской конвенции от 12.08.1949 об обращении с военнопленными, ст. I и IV Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26.11.1968. Этому положению корреспондирует часть 5 ст. 78 УК РФ.

на сбор, анализ информации об осуществлении применимых принципов и норм МГП (в частности, регулирующих применение средств и методов ведения вооруженной борьбы, защиту жертв вооруженных конфликтов), верификацию и беспристрастную констатацию выполнения международно-правовых обязательств или отступления от них, оценку фактических обстоятельств совершенных нарушений и предоставление государству-правонарушителю рекомендаций по устранению нарушений, исправлению линии поведения. Результаты такого контроля не могут предрешать наступление ответственности государств и отдельных лиц, однако должны четко и недвусмысленно фиксировать факты совершенных правонарушений.

Нельзя согласиться с попытками подменить понятие «контроль» понятием «мониторинг»³³, имеющим иной политико-правовой контекст и рассматриваемым как составная часть управления, однако нашедшим отражение в праве прав человека³⁴.

3. В порядке предварительной констатации укажем, что системный подход позволяет обнаружить в МГП конкурирующую структурную модель контроля, всецело зависящую от проявлений *волевого компонента* субъектов международного права, прежде всего государств. Так, могут быть задействованы три группы механизмов по отдельности или в совокупности (что потенциально способно привести к

созданию конкурентной среды между ними), присущие собственно МГП и осуществляемые во внесудебном порядке: а) система защитных полномочий, осуществляемая государствами самостоятельно; б) механизм, основанный на взаимном согласии противоборствующих сторон для конкретного случая правонарушения *ad hoc* (специальная процедура расследования государств в невраждебном взаимодействии); в) международные механизмы установления фактов и расследования, осуществляемые международными организациями и (или) специально уполномоченными органами на основе ранее возникшего обязательства государств. Указанные формы контроля могут быть определены как организационные, поскольку связаны с субъектами, его осуществляющими³⁵.

4. В случаях серьезных нарушений МГП в ходе международного вооруженного конфликта противоборствующие государства могут принимать меры как индивидуально, так и совместно (ст. 89 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., далее — ДП I) в сотрудничестве с ООН и в соответствии с Уставом ООН в рамках реализации *системы защитных полномочий*. Такие меры, находящие отражение в односторонних действиях государств, выступают как акты защиты своих интересов и большей частью обусловлены достижением определенных политических целей³⁶. Вместе с тем основанием для принятия таких мер должны являться объектив-

³³ См.: Тузмухамедов Б. Р. Институты мониторинга соблюдения международного гуманитарного права // Международный правовой курьер. URL: <https://inter-legal.ru/instituty-monitoringa-soblyudeniya-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava> (дата обращения: 15.04.2024).

³⁴ Так, в Руководстве по мониторингу прав человека, подготовленном Управлением Верховного комиссара ООН по правам человека, термин «мониторинг» описывает активный сбор, проверку и немедленное использование информации для решения проблем в области прав человека. Он включает сбор информации об инцидентах, наблюдение за событиями (выборами, судебными процессами, демонстрациями и т.д.), посещение таких объектов, как места содержания под стражей и лагеря беженцев, обсуждения с государственными органами с целью получения информации и поиска средств правовой защиты, а также другие немедленные последующие действия; оценочную деятельность в штаб-квартире ООН или центральном офисе операции, а также сбор фактов из первых рук и другую работу на местах. Мониторинг имеет временное качество, поскольку он обычно проводится в течение длительного периода времени. См.: Training manual on human rights monitoring. New York ; Geneva : UN, 2001. P. 9. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/529265> (дата обращения: 15.04.2024).

³⁵ В научной литературе встречаются и иные классификации международного контроля, например индивидуально-спорадический (реализуется отдельным государством по договору или конвенции) и коллективно-институционный (реализуется международной организацией и подразделяется на судебный, административный и судебно-административный контроль). См.: Радойнов П. Правотворческие функции на международные организации. София : Българската Академия на науките, 1975. С. 183.

³⁶ Под самозащитой в широком смысле следует понимать неюрисдикционный порядок защиты права, при котором управомоченное лицо осуществляет правозащитные действия, не обращаясь в юрисдикционные органы.

ное расследование государственными органами предполагаемых нарушений МГП и установление фактов³⁷. Пострадавшее в результате нарушения норм МГП государство вправе: а) выступить с протестом, потребовать прекращения как собственно нарушения, так и оказания какой-либо помощи нарушителю³⁸; б) обратиться к другим государствам с просьбой оказать влияние на нарушителя, задействовать контрольные механизмы, инициировать приемлемые процедуры и др.³⁹ В случае неблагоприятного развития событий пострадавшее государство может прибегнуть к ограниченным мерам самопомощи⁴⁰, в частности к репрессалиям. Подобные меры призваны побудить мировое сообщество к коллективным действиям, направленным на пресечение нарушений, деэскалацию насилия и установление контроля над ситуацией⁴¹.

5. С целью установления фактов нарушений МГП может быть задействована *специальная процедура расследования* (или *согласительная процедура*). Однако при ближайшем рассмотрении такая процедура не может выступать как

механизм обеспечения права, поскольку она направлена лишь на разрешение разногласий противоборствующих сторон ad hoc в отношении толкования и применения норм МГП. Все четыре Женевские конвенции 1949 г. предусматривают специальный порядок (процедуру) проведения двустороннего расследования по поводу всякого утверждения об их нарушении. Соответственно, применяются положения ст. 52 ЖК I, ст. 53 ЖК II, ст. 132 ЖК III, ст. 149 ЖК IV, имеющие идентичное содержание, о том, что расследование начинается по просьбе одной из сторон, находящихся в конфликте, другая сторона обязана оказывать содействие, сами стороны должны достичь согласия о процедуре расследования и избрать арбитра, полномочного констатировать нарушение. Такая констатация влечет обязанность соответствующего государства пресечь нарушение и привлечь виновных к ответственности. Следует полагать, что заключение комиссии может касаться реальности фактов и — неявным образом — их правовой квалификации⁴². Однако в такую процедурную

³⁷ По состоянию на февраль 2024 г. по преступным фактам, связанным с событиями в Донбассе, Новороссии и на Украине, с 2014 г. Следственным комитетом РФ возбуждено более 4,3 тыс. уголовных дел. При этом около 2,8 тыс. дел по фактам обстрелов мирных жителей и гражданской инфраструктуры соединены в одном производстве. От незаконных действий вооруженных формирований Украины погибли более 5,5 тыс. человек, свыше 13 тыс. мирных жителей получили ранения. Только с начала СВО возбуждено 2 307 уголовных дел по фактам обстрелов мирного населения. Всего с 2014 г. признаны потерпевшими более 131 тыс. человек (URL: <https://sledcom.ru/blog/bastrikin/item/1864235/> (дата обращения: 15.04.2024)).

³⁸ Так, в 2022 г. Министерство обороны РФ рассекретило документы, касающиеся военно-биологических программ, которые США проводили в 30 биологических лабораториях на территории Украины, работавших с возбудителями опасных инфекций. Одной из задач ставилось создание биоагентов, способных избирательно поражать различные группы населения по этническому признаку. Об этом см. подробнее: Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с созданием американскими специалистами биологических лабораторий на территории Украины 2023 г. (в частности, п. 3.5 «Признаки нарушений США и Украиной международного гуманитарного права») // URL: <https://www.pnp.ru/upload/user/2023/04/12/biolab-ukraine.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).

³⁹ Добиваться прекращения нарушений можно различными средствами, например путем обращения по дипломатическим каналам, посредством конфиденциальных представлений, публичных обращений, инициирования производства в международных органах и организациях и др.

⁴⁰ В зависимости от степени юридизации используемых средств и механизмов самозащита может быть легализованной (средства и способы ее осуществления конкретизированы в договорах либо обычаях) и нелегализованной (нерегламентированной). Последняя существует как самопомощь в чистом виде, которой присуща большая вариативность возможных действий.

⁴¹ В литературе было высказано мнение о том, что самозащита как мера самоосуществления своих прав государством имеет субсидиарный характер и применяется тогда, когда нет юридических средств для решения возникающей проблемы или имеющиеся средства недостаточно эффективны. См.: Гольцов С. Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2005.

⁴² См.: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций, прочитанных на юрид. факультете Открытого Брюссельского университета. М. : МККК, 2011. С. 669.

систему изначально были заложены изъяны, чем и объясняется незаинтересованность государств в ее использовании. В этом контексте следует согласиться с Р. М. Валеевым в том, что «важен поиск таких методов и форм контроля, которые прежде всего были бы направлены на защиту человеческой жизни, а не ставились [в зависимость] от согласия конфликтующих сторон»⁴³.

6. Единственным постоянным договорным органом, призванным содействовать соблюдению норм МГП и обеспечить гарантии, предоставляемые жертвам вооруженного конфликта, является *Международная комиссия по установлению фактов*⁴⁴ (International Humanitarian Fact Finding Commission, далее — МКУФ)⁴⁵. Юридическим основанием ее учреждения является подпункт «а» п. 1 ст. 90 ДП I⁴⁶. МКУФ была официально образована в 1991 г., когда 20 государств признали ее компетенцию (пп. «b» п. 1 ст. 90 ДП I)⁴⁷, стремится к всеобщему при-

знанию своей компетенции⁴⁸, в Генеральной Ассамблее ООН ей предоставлен статус наблюдателя⁴⁹. Вместе с тем, как отмечалось в отчете о работе 2011 г.⁵⁰, за 20 лет существования ее услугами никто не пользовался и есть особые ограничения, которым она подвергается в соответствии с международно-правовыми рамками, лежащими в ее основе и составляющими ее мандат.

МКУФ вправе осуществлять расследование фактов⁵¹, которые, как предполагается, представляют собой серьезное нарушение или другое серьезное нарушение ЖК или ДП I (т.е. военные преступления и преступления против человечности), в следующих случаях:

1) «автоматически», действуя на постоянной основе — на основании заявления лишь одного из государств, участвующих в международном вооруженном конфликте, когда такой «автоматизм» основан на официальном признании компетенции МКУФ на постоянной ос-

⁴³ Валеев Р. М. Указ. соч. С. 72.

⁴⁴ URL: <https://www.ihffc.org> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴⁵ Возможность использования МКУФ в связи с вооруженными конфликтами была подчеркнута в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2000 № 55/148, от 19.12.2002 № 57/14, от 16.12.2004 № 59/36; в резолюции Совета Безопасности ООН (СБ ООН) от 17.09.1999 № 1265; в ряде резолюций международных конференций Красного Креста и Красного Полумесяца и других международных учреждений.

⁴⁶ Отметим, что статья 90 ДП I помещена в разд. II «Пресечение нарушений конвенций и настоящего протокола» ч. V «Выполнение Конвенций и настоящего Протокола», где речь идет о выполнении государствами обязательств в части пресечения нарушений МГП. Следует полагать, что содержательно статья должна применяться к установлению тех фактов нарушений, которые вызывают неоднозначные, противоречивые оценки сторон, вовлеченных в вооруженный конфликт, с целью сбора, верификации и установления доказательственной силы неопровержимых фактов, обладающих свойствами относимости и допустимости.

⁴⁷ МКУФ дислоцирована в Берне, в качестве депозитария Швейцарский федеральный совет оказывает Комиссии необходимую административную помощь в выполнении ее функций (в частности, руководит Секретариатом Комиссии). Всеобъемлющее заявление о признании ее компетенции сделали 76 государств. Определенные административные расходы покрываются за счет взносов государств, признавших компетенцию МКУФ на постоянной основе, и за счет добровольных взносов. В 2019 г. в бюджет МКУФ Россия внесла чуть больше 10 тыс. швейцарских франков.

⁴⁸ URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news> (дата обращения: 15.04.2024).

⁴⁹ МКУФ отнесена к межправительственным организациям, которые получили приглашение выступать в качестве наблюдателей на сессиях и во время работы Генеральной Ассамблеи ООН и которые не имеют постоянных представительств при штаб-квартире ООН. См.: URL: <https://www.un.org/ru/sections/member-states/intergovernmental-and-other-organizations/index.html> (дата обращения: 15.04.2024). См. также: Заявление перед 6-м комитетом Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 18 октября 2010 г., представленное от имени Президента МКУФ советником Лией Кэмпбелл // URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news&mode=newsarchive&start=70> (дата обращения: 15.04.2024).

⁵⁰ Report on the Work of the IHFFC on the Occasion of its 20th Anniversary. Bern, 2011.

⁵¹ Вышеуказанное Руководство по мониторингу прав человека описывает установление фактов как «процесс извлечения фактологических выводов из деятельности по мониторингу».

нове *ipso facto* и без специального соглашения между участниками такого конфликта; именно в этих ситуациях МКУФ компетентна содействовать путем оказания добрых услуг восстановлению уважительного отношения к ЖК и ДП I;

2) в «ручном режиме», действуя на временной основе — по просьбе одной стороны, находящейся в международном вооруженном конфликте, с согласия другой стороны (сторон), т.е. при наличии специального соглашения, признающего компетенцию МКУФ только в отношении конкретного конфликта, в котором участвует эта сторона. Если такое согласие получено не будет, МКУФ не имеет права проводить расследование⁵².

Механизм создания МКУФ достаточно прост и понятен. На конференции государств — участников ДП I из предложенного списка лиц (по одной кандидатуре от каждого государства) избираются 15 членов сроком на 5 лет⁵³, в дальнейшем выступающих в личном качестве⁵⁴. Собственно расследования от имени МКУФ осуществляются Палатой в составе семи членов, при этом пять из них назначаются Председателем МКУФ, а еще два — сторонами в конфликте (по одному от каждой из сторон)⁵⁵. Ни один из членов Палаты не может принадлежать к сто-

роне, находящейся в конфликте. А собственно установление фактов (доказательств) Палатой осуществляется по следующей схеме: а) направление предложения сторонам об оказании содействия и о представлении доказательств⁵⁶; б) изыскание иных (необходимых) доказательств; в) проведение расследования положения на месте. Все собранные доказательства полностью доводятся до сведения заинтересованных сторон, которые имеют право как представлять Комиссии замечания в отношении этих доказательств, так и оспаривать такие доказательства. Безусловно, когда факты зафиксированы, проверены, сопоставлены, проанализированы, т.е. процессуально оформлены или «установлены», тогда определение правовых последствий, связанных с этими фактами, является часто относительно простым делом⁵⁷. Однако приведенная схема основана на некоем рафинированном (даже идеализированном) представлении о применении вооруженного насилия, которое нельзя «поставить на паузу». В дальнейшем МКУФ представляет заинтересованным сторонам доклад о фактах, установленных Палатой⁵⁸, с рекомендациями, которые она считает необходимыми и которые должны содержать объективные и беспристрастные за-

⁵² В этой связи достаточно противоречивыми выглядят заявления МКУФ о готовности выполнять задачи в условиях внутригосударственных вооруженных конфликтов, если стороны обратятся к ней с такой просьбой, поскольку другой стороной в таких конфликтах являются повстанцы. См.: Report on the Work of the IHFFC on the Occasion of its 20th Anniversary. P. 15, 17, 19, 28.

⁵³ Так, на пятой Дипломатической конференции 8 декабря 2016 г. в Берне при участии 68 государств были избраны 15 членов МКУФ, представитель от РФ не избран (URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news&mode=newsarchive&start=30> (дата обращения: 15.04.2024)). Ранее, 7 декабря 2006 г. и 9 декабря 2011 г., в состав МКУФ избирался представитель от РФ — капитан В. С. Князев; он исполнял обязанности до 2016 г. (URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news&mode=newsarchive&start=60> (дата обращения: 15.04.2024)).

⁵⁴ В случае образования непредвиденной вакансии сама Комиссия заполняет эту вакансию.

⁵⁵ Если какой-либо специальный член не был назначен в течение установленного срока, Председатель МКУФ немедленно назначает таких дополнительных членов или члена Комиссии, которые могут быть необходимы для укомплектования Палаты.

⁵⁶ Важно отметить, что деятельность МКУФ подвержена «монетизации», в частности, сторона или стороны, находящиеся в конфликте, которые обращаются с просьбой о проведении расследования, должны авансировать необходимые средства на покрытие расходов Палаты, которые возмещаются им стороной или сторонами, в отношении которых сделаны такие заявления, в размере 50 % от суммы расходов Палаты. В случае представления Палате встречных заявлений сторон каждая сторона вносит аванс в размере 50 % необходимых средств. Тем не менее МКУФ указывалось, что в отношении финансирования расследований существует значительная гибкость и стороны могут договориться об ином порядке оплаты.

⁵⁷ См.: Мельцер Н. Указ. соч. С. 359.

⁵⁸ Если у Палаты отсутствует возможность получить достаточные доказательства для выработки объективных и беспристрастных заключений, то МКУФ должна сообщить сторонам конфликта причины, по которым она не смогла это сделать.

ключения⁵⁹. Многие исследователи отмечали, что расследования такого рода являются важным вкладом в восстановление мира в зоне конфликта. Вместе с тем работа, выполненная МКУФ, может считаться лишь прелюдией к дальнейшему мирному урегулированию международного вооруженного конфликта.

В последнее десятилетие МКУФ заняла достаточно активную позицию, предлагая добрые услуги всякий раз, когда она считала это уместным. Она выражала признательность ряду государств за поддержку в связи с созданием 11 ноября 2019 г. «группы друзей» при ООН и заявляла о намерении продвигать такого рода информационно-пропагандистскую деятельность⁶⁰. Вместе с тем возникают обоснованные вопросы в связи с попытками расширения правосубъектности МКУФ. Так, в 2013 г. МКУФ и Организация американских государств подписали соглашение о сотрудничестве в целях содействия распространению и более эффективному осуществлению норм международного гуманитарного права на Американском континенте, в том числе посредством использования добрых услуг МКУФ⁶¹. Со времени Римской конференции 1998 г. МКУФ является членом Ассамблеи государств — участников Римского статута Международного уголовного суда⁶² (далее — МУС). При этом может возникнуть определенная конкуренция в проведении расследования МУС и МКУФ. Следует полагать, что доклады о расследованиях МКУФ являются дополнительным ва-

риантом, предлагаемым Статутом МУС. Однако вызывает озабоченность сама теоретическая возможность использования доклада МКУФ в судебных разбирательствах (в том числе в МУС).

Еще раз подчеркнем, что МКУФ с 1991 г. своих функций фактически не выполняла, при этом существенно возросли риски злоупотребления ее полномочиями в политических целях⁶³, о чем свидетельствуют нижеприводимые примеры.

В связи с уничтожением 3 октября 2015 г. госпиталя в г. Кундузе (Афганистан) МКУФ предложила свои услуги правительствам США и Афганистана в идентичных письмах от 07.10.2015⁶⁴. В декабре 2015 г. попытку призвать МКУФ к расследованию предприняла МНПО «Врачи без границ». Однако данная попытка не увенчалась успехом в силу политической незаинтересованности США и Афганистана в проведении международного расследования, а также по причине юридической невозможности призвать МКУФ к расследованию по запросу МНПО.

В связи с нападениями 15 февраля 2016 г. на школы и больницы на севере Сирии, в частности на больницу, поддерживаемую организацией «Врачи без границ» в Маарат-эль-Нумане (провинция Идлиб)⁶⁵, МКУФ также безуспешно предлагала свои услуги.

В мае 2017 г. ОБСЕ и МКУФ заключили соглашение⁶⁶, в силу которого последней было поручено провести расследование обстоятельств гибели и ранений, причиненных сотрудникам ОБСЕ в Луганской республике 23 апреля

⁵⁹ Важен прямо установленный запрет публичных сообщений о заключениях МКУФ, которые не могут являться достоянием широкой мировой общественности, исключение могут составлять лишь случаи, когда последует просьба ко всем сторонам, находящимся в конфликте.

⁶⁰ URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶¹ URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news&mode=newsarchive&start=50> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶² На конференции МУС по рассмотрению действия Конвенции в Кампале (Уганда) 1 июня 2010 г. профессор Майкл Боте — председатель МКУФ — заявил, что доклады о расследованиях МКУФ могут позволить государствам осмысленно использовать дополнительный вариант, предлагаемый Статутом МУС, поскольку независимое установление фактов необязательно должно приводить к передаче дела в МУС.

⁶³ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/815671-7> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶⁴ URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news&mode=newsarchive&start=40> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶⁵ URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news&mode=newsarchive&start=40> (дата обращения: 15.04.2024).

⁶⁶ 18 мая 2017 г. Генеральный секретарь ОБСЕ Л. Дзаньер и председатель Комиссии Т. Марун подписали меморандум о взаимопонимании, а также отдельное соглашение о расследовании инцидента. Стороны согласовали задание МКУФ, в силу которого она должна была провести независимое судебно-медицинское расследование в целях установления фактических обстоятельств инцидента и дать им оценку с точки зрения МГП. Следственную группу возглавил Альфредо Лаббе (Чили), вице-президент МКУФ (URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news&mode=newsarchive&start=30> (дата обращения: 15.04.2024)).

2017 г.⁶⁷ МКУФ установила, что взрыв мины не был спланированным нападением на автомобиль наблюдателей ОБСЕ⁶⁸. С учетом того что расследование было начато по инициативе международной организации (ОБСЕ), его можно считать проведенным в нарушение ДП I, т.е. порочным с юридической точки зрения⁶⁹.

В идентичных письмах от 07.10.2020 МКУФ предложила свои услуги правительствам как Республики Армения, так и Азербайджанской Республики в связи с ситуацией в Нагорном Карабахе⁷⁰.

В течение почти 30 лет СССР и РФ добросовестно выполняли обязательства, связанные с признанием компетенции МКУФ⁷¹. Однако риски злоупотреблений полномочиями МКУФ в политических целях со стороны «недобро-

совестных» государств стали проявляться со всей очевидностью, пусть и под благовидными предложениями. Так, с учетом того обстоятельства, что целью МКУФ является расследование заявлений о серьезных нарушениях МГП во время международных вооруженных конфликтов, достаточно странным выглядело предложение МКУФ от 04.12.2018⁷² правительствам РФ и Украины о проведении расследования в связи с инцидентом, произошедшим в Керченском проливе 25 ноября 2018 г.⁷³ Принятие такого сомнительного предложения вело к констатации ситуации как международного вооруженного конфликта, «автоматическому» признанию компетенции МКУФ по расследованию, в том числе и на основании одностороннего заявления (в частности, Украины⁷⁴ либо иного государства,

⁶⁷ Во время стандартного патрулирования территории в окрестностях села Пришиб Луганской области представителями Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ на Украине бронированный автомобиль ОБСЕ подорвался на mine, в результате чего погиб санитар и были ранены два наблюдателя Специальной мониторинговой миссии ОБСЕ.

⁶⁸ МКУФ отмечала, что произошел подрыв на противотанковой mine ТМ-62М, которая была установлена не ранее чем за несколько дней до инцидента и могла взорваться при любом контакте с тяжелой техникой. Учитывая факт того, что дорога, на которой произошел подрыв, часто использовалась гражданским населением, эксперты пришли к выводу о том, что установление на дороге противотанковой мины явило собой нарушение МГП в связи с неизбирательным характером ведения военных действий.

⁶⁹ См.: Кудинов А. С., Морозова А. А. Международная гуманитарная комиссия по установлению фактов: будущее наступило? // Евразийский юридический журнал. 2018. № 6 (121). С. 41–42.

⁷⁰ URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news> (дата обращения: 15.04.2024).

⁷¹ Так, ДП I был ратифицирован Верховным Советом СССР 4 августа 1989 г. со следующим заявлением: «Союз Советских Социалистических Республик в соответствии с пунктом 2 статьи 90 Протокола I признает ipso facto и без специального соглашения в отношении любой другой Высокой Договаривающейся Стороны, принимающей на себя такое же обязательство, компетенцию Международной комиссии по установлению фактов». Это заявление носило всеобъемлющий характер и соответствовало форме типового заявления о признании, разработанного Правительством Швейцарской Конфедерации и Консультативной службой МККК по МГП. См.: IHFFC International Humanitarian Fact-Finding Commission — Model declaration of acceptance. URL: <https://www.icrc.org/en/document/international-humanitarian-fact-finding-comission-model> (дата обращения: 15.04.2024).

⁷² URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?Language=EN&page=home> (дата обращения: 15.04.2024).

⁷³ Инцидент в Керченском проливе, произошедший 25 ноября 2018 г., рассматривается как пограничный вооруженный конфликт, в ходе которого были захвачены корабли Военно-морских сил Украины (два малых бронированных артиллерийских катера (МБАК) типа «Гюрза» — «Бердянск» и «Никополь» — и рейдовый буксир «Яны Капу»), без согласования пытавшиеся пройти из Одессы в Мариуполь через Керченский пролив. В целях задержания российской стороной было применено оружие, три украинских военнослужащих были ранены. Задержанные корабли и 24 украинских моряка были доставлены в Керчь. Ссылаясь на инцидент в Керченском проливе, Украина 26 ноября 2018 г. ввела в ряде областей военное положение, действовавшее до 26 декабря 2018 г. Служба безопасности Украины возбудила уголовное дело против ряда сотрудников Пограничной службы ФСБ и ВС РФ по ч. 2 ст. 437 (планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны), ч. 2 ст. 15, п. 1 ч. 2 ст. 115 (покушение на умышленное убийство) Уголовного кодекса Украины. Пятнадцати российским должностным лицам было заочно объявлено о подозрении в совершении преступления. В уголовном деле о нарушении границы РФ (ч. 3 ст. 322 УК РФ), которое расследовало Следственное управление ФСБ России, 25 томов.

признавшего компетенцию МКУФ). Иными словами, предложение носило провокационный характер и могло привести к последствиям, на которые и рассчитывали «недобросовестные» государства⁷⁵ в целях совместного противодействия «злонамеренной деятельности России»⁷⁶.

В соответствии с Указом Президента РФ от 16.10.2019 № 494⁷⁷ РФ отозвала заявление о признании компетенции МКУФ. Однако возник юридический казус: поскольку заявление о компетенции Комиссии было сделано СССР в форме постановления Верховного Совета СССР (что приравнивалось к закону), то и его отзыв должен быть осуществлен в форме федерального закона, что и было сделано посредством принятия Федерального закона от 12.11.2019 № 368-ФЗ⁷⁸. МКУФ выразила надежду на продолжение сотрудничества между Комиссией и Российской

Федерацией⁷⁹, а также положительно отметила пресс-релиз МИД РФ от 22.10.2019⁸⁰.

7. Международные механизмы установления фактов и расследования, осуществляемые международными организациями и специально уполномоченными органами на основе ранее возникшего обязательства государств, основаны на согласованных коллективных действиях, создаются на основе международных договоров и требуют особого признания их компетенции.

7.1. Дипломатический институт *держав-покровительниц* позволяет государству, не участвующему в вооруженном конфликте, посредством добрых услуг представлять интересы одного государства-противника перед другим⁸¹. Этот институт присущ МГП⁸² и создавался с возложением на него больших на-

⁷⁴ На момент инцидента РФ (как государство — правопреемник по договорам бывшего СССР с 4 августа 1989 г.) и Украина (с 25 января 1990 г.) признавали компетенцию МКУФ. После присоединения Крыма к РФ в 2014 г. Керченский пролив полностью находится под контролем РФ.

⁷⁵ Государства — члены Евросоюза, НАТО, «Большой семерки», формальное большинство государств в Генеральной Ассамблее ООН и Парламентской ассамблее СЕ осудили действия Береговой охраны ФСБ России и призвали РФ освободить украинских моряков, вернуть Украине задержанные суда, обеспечить беспрепятственный доступ к морским портам в Азовском море и свободу судоходства в Керченском проливе. В отношении участников задержания украинских кораблей со стороны ряда западных стран были введены санкции.

⁷⁶ Несмотря на то что юрисдикция Международного трибунала ООН по морскому праву не распространялась на указанный инцидент, 25 мая 2019 г. он огласил решение, принятое в качестве временной меры: Россия обязана немедленно освободить два украинских военных корабля, вспомогательное судно и 24 украинских моряков, задержанных вблизи Керченского пролива в ноябре 2018 г., и позволить им вернуться на Родину, удовлетворив тем самым требования Украины (URL: <https://www.itlos.org/en/cases/list-of-cases/case-no-26/> (дата обращения: 15.04.2024)). 7 сентября 2019 г. в рамках обмена удерживаемыми лицами между Россией и Украиной все 24 задержанных в Керченском проливе украинских военнослужащих вернулись на Украину, а 18 ноября 2019 г. Россия передала Украине корабли.

⁷⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44735> (дата обращения: 15.04.2024).

⁷⁸ В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 12.11.2019 № 368-ФЗ «Об отзыве заявления, сделанного при ратификации Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I)». Согласно ст. 2 указанного Закона признан не действующим на территории РФ пункт 1 постановления Верховного Совета СССР от 04.08.1989 № 330-I «О ратификации Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I), и Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (Протокол II)» (Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 9. Ст. 225) в части, касающейся заявления, которое было сделано СССР при ратификации Протокола I.

⁷⁹ URL: <https://www.ihffc.org/index.asp?page=news> (дата обращения: 15.04.2024).

⁸⁰ В пресс-релизе подчеркивалось, что «отзыв упомянутой декларации не повлияет на участие России в Протоколе I, который продолжает оставаться в силе. Кроме того, у нас есть возможности сотрудничать с комиссией, если это потребует. Согласно Протоколу I такое сотрудничество может основываться на согласии заинтересованных сторон».

⁸¹ Э. Давид предложил следующее определение: «Державой-покровительницей называется нейтральное государство, которому воюющее государство (державы происхождения) поручает защищать свои

дежд⁸³. На державы-покровительницы возложена охрана интересов сторон, находящихся в состоянии международного вооруженного конфликта (ст. 8–10 ЖК I, ЖК II и ЖК III, ст. 9–11 ЖК IV, ст. 5 ДП I), посредством содействия соблюдению МГП и контроля за ним, а также предоставления защиты и гуманитарной помощи жертвам⁸⁴. Положение о том, что ЖК будут применяться под контролем держав-покровительниц⁸⁵, позволяет утверждать, что контроль над обращением с ранеными, больными, военнопленными и гражданскими лицами предусматривает установление фактов, связанных с условиями содержания покровительствуемых лиц, а также контроль над уголовными и дисциплинарными санкциями, применяемыми в отношении таких лиц⁸⁶. Статья 21 Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Гаага, 14 мая 1954 г.) и статья 34 Второго протокола к ней 1999 г. подтверждают статус держав-покровительниц⁸⁷.

Держава-покровительница действует по поручению государства, назначившего ее, и лишь этому государству направляет доклады. Вполне очевидно, что международно-правовой институт держав-покровительниц относится к «дремлющим», но не утратившим потенциальной востребованности.

7.2. Стороны в международном конфликте могут договориться о том, чтобы доверить *субституту*⁸⁸, т.е. какой-либо организации, предоставляющей полную гарантию беспристрастия и действенности, обязанности (по крайней мере «гуманитарные функции»), возлагаемые на державы-покровительницы (ст. 10 ЖК I, ЖК II и ЖК III, ст. 11 ЖК IV). В частности, воюющие государства обязались принять такую миссию МККК⁸⁹ или любой другой беспристрастной организации (п. 3–4 ст. 5 ДП I). МККК⁹⁰ является одним из трех компонентов всемирного краснокрестного движения⁹¹ — наряду с национальными обществами Красного Креста и

интересы, а также интересы своих подданных перед третьей державой (чаще всего неприятельским государством), называемой удерживающей державой (в случае военнопленных: Женевская конвенция III) или державой пребывания (в случае интернированных гражданских лиц: Женевская конвенция IV)» (Давид Э. Указ. соч. С. 640).

⁸² Так, во время Второй мировой войны Швейцария представляла интересы 35 государств, Швеция — 28 государств, США (до вступления в войну) — 12 государств.

⁸³ См.: Валеев Р. М. Указ. соч. С. 62–63.

⁸⁴ Так, в августе 2022 г. МИД Швейцарии заявлял о готовности представлять интересы Украины (с ее согласия) в России. Однако МИД России отверг предложение и заявил, что Швейцария не может представлять интересы Украины в России, поскольку, присоединившись к санкционным ограничениям в отношении России, государство утратило нейтральный статус и не может выступать ни посредником, ни представителем интересов. Распоряжением Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р Швейцария была включена в список недружественных стран.

⁸⁵ По волевому компоненту особенность в том, что другое государство в конфликте должно (но не обязательно) принять услуги державы-покровительницы, т.е. здесь основой выступают проявления взаимности.

⁸⁶ Держава-покровительница вправе осуществлять посещение лагерей для военнопленных (ст. 126 ЖК III) и интернированных гражданских лиц (ст. 143 ЖК IV).

⁸⁷ Исполнительным регламентом Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта создана специальная система контроля: державы-покровительницы назначают делегатов (из дипломатического или консульского персонала или, с согласия стороны, при которой они выполняют свои функции, из числа других лиц), которым поручается устанавливать факты нарушений. Каждая сторона договаривается с державой-покровительницей другой стороны о назначении Генерального комиссара по культурным ценностям (ст. 4 Исполнительного регламента), которому делегаты будут направлять доклады. Делегаты и комиссар могут потребовать от стороны, при которой выполняют свою миссию, прекратить нарушения.

⁸⁸ Под субституцией (от лат. *substitutio* — «назначаю вместо») понимается замещение одного другим, обычно сходным по назначению, по функции. См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 777.

⁸⁹ Так, МККК выполнял гуманитарные функции, присущие державам-покровительницам, во время Суэцкого кризиса (1956 г.), конфликта в Гоа (1961 г.), индо-пакистанского конфликта (1971 г.), конфликта на Мальвинских островах (1982 г.).

⁹⁰ В правовой системе Швейцарии МККК считается частной ассоциацией, статус которой регулируется швейцарским гражданским правом. 18 000 сотрудников МККК в более чем 90 странах помогают лю-

Красного Полумесяца⁹² и объединяющей их Международной Федерацией⁹³. На международной арене МККК признается специфическим субъектом международного права, способным поддерживать отношения и заключать договоры с государствами и межправительственными организациями⁹⁴. Строго конфиденциальный подход МККК⁹⁵, имеющего статус наблюдателя в ООН с 1990 г.⁹⁶, представляется наиболее востребованным в современных реалиях⁹⁷. Так, между Правительством РФ и МККК 24 июня 1992 г. заключено Соглашение о статусе МККК и его Делегации (Представительства) на территории Российской Федерации⁹⁸, в котором решаются правовые вопросы деятельности МККК в России.

Право МККК предлагать свои услуги во внутригосударственных вооруженных конфликтах носит обычный характер через констатацию

положений статьи 3, общей для всех ЖК, и п. 1 ст. 1 ДП II. Очевидно, что адресатом такого предложения будут официальные государственные органы. Повстанцы же могут обрести субъектность с момента их признания, подкрепленного односторонним заявлением об обязательстве соблюдать нормы МГП. Говоря о возможном блокировании государством доступа МККК к жертвам в условиях внутригосударственных вооруженных конфликтов, Р. М. Валеев со ссылкой на Ф. Кальсхофена⁹⁹ указывает, что если МККК находит это решение неприемлемым, то остается лишь игнорировать отказ правительства¹⁰⁰.

Вместе с тем МККК лишь констатирует (устанавливает) факты¹⁰¹, и поэтому нельзя с уверенностью сказать, что он может действовать с применением следственных методов¹⁰², скорее расследование может проводиться назна-

дям, пострадавшим в результате вооруженных конфликтов и насилия. См.: URL: <https://www.icrc.org/ru/where-we-work> (дата обращения: 15.04.2024).

⁹¹ Как подчеркивал Ф. Бюньон, «хотя Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца действительно представляет собой международную ассоциацию неправительственного характера, участие представителей государств придает Международной конференции статус смешанного характера — частного и государственного одновременно» (Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны. М., 2005. С. 473).

⁹² Например, Общероссийская общественная организация «Российский Красный Крест». См.: URL: <http://www.redcross.ru/> (дата обращения: 15.04.2024).

⁹³ В состав МФКК и КП входит 186 национальных обществ.

⁹⁴ МККК был наделен международным мандатом на ведение гуманитарной деятельности в период международных вооруженных конфликтов (ст. 9 ЖК I, ЖК II, ЖК III, ст. 10 ЖК IV). По волевоному компоненту особенность в том, что государства уже дали предварительно согласие, основанное на взаимном признании полномочий МККК в условиях международных вооруженных конфликтов.

⁹⁵ В научных исследованиях были отмечены три линии поведения, к которым МККК попеременно склонялся, в частности к изоляционизму, прозелитизму и экуменизму. См.: Штудер М. МККК и отношения между гражданскими организациями и военными во время вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста : сборник статей. 2001. С. 38–40.

⁹⁶ Резолюцией от 16.10.1990 № 45/6 Генеральная Ассамблея ООН предоставила МККК статус наблюдателя (URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/45/6> (дата обращения: 15.04.2024)). Наблюдатели имеют право участия в дискуссиях Генассамблеи, но не имеют права голоса (URL: <https://www.un.org/ru/sections/member-states/intergovernmental-and-other-organizations/index.html> (дата обращения: 15.04.2024)).

⁹⁷ Воздерживаясь от систематического обнародования установленных им нарушений МГП, МККК стремится к тому, чтобы, не нанося ущерба самолюбию местных властей, дать им возможность «исправить» свое поведение, «не потеряв лица». См.: Давид Э. Указ. соч. С. 652.

⁹⁸ URL: <http://docs.cntd.ru/document/901972440> (дата обращения: 15.04.2024).

⁹⁹ См. подробнее: Кальсхофен Ф. Беспристрастность и нейтральность в гуманитарном праве и практике // Международный журнал Красного Креста. 1989. Ноябрь — декабрь.

¹⁰⁰ См.: Валеев Р. М. Указ. соч. С. 70.

¹⁰¹ Так, в марте 1952 г., после того, как против США было выдвинуто обвинение в применении бактериологического оружия в корейском конфликте, США направили официальную просьбу МККК о проведении расследования. Посчитав, что для такой процедуры требуется согласие другой стороны, МККК запросил согласие Китая и Северной Кореи, однако, не получив согласия, посчитал, что не вправе проводить расследование. См.: Давид Э. Указ. соч. С. 649.

ченными им лицами. МККК может являться и нейтральным посредником между сторонами в конфликте¹⁰³, однако содействовать организации формальной процедуры расследования может только с согласия всех сторон и при гарантии беспристрастности, а также при условии, что без его разрешения не будет предаваться гласности какая-либо информация о расследовании¹⁰⁴, избегая публичных дебатов. А вот использование констатаций МККК в судах могло бы поставить под сомнение его нейтральный статус¹⁰⁵.

Итогом краткого анализа будет вывод о том, что именно государства обязаны обеспечить эффективность деятельности МККК, наделив его надежными и разнообразными средствами контроля за соблюдением международных гуманитарных норм¹⁰⁶.

8. Нормативной основой деятельности органов международного расследования (или меж-

дународных следственных органов) со специальной компетенцией являются резолюции СБ ООН, которые, как правило, подкрепляются двусторонними международными договорами, заключаемыми самим этим органом с государствами. Статья 34 Устава ООН уполномочила СБ ООН расследовать любую ситуацию, которая может поставить под угрозу международный мир и безопасность. В рамках указанного полномочия СБ ООН учредил широкий круг комиссий и органов по проведению расследований¹⁰⁷ для решения различных задач, связанных с поддержанием международного мира и безопасности¹⁰⁸ с различными мандатами (в частности, в области расследования, посредничества или предоставления компенсаций)¹⁰⁹. Соответственно, по результатам проведенного расследования СБ ООН рекомендует сторонам надлежащую процедуру или методы урегулирования ситуации или спора, а также требует

¹⁰² См.: Давид Э. Указ. соч.

¹⁰³ Впрочем, когда не удается положить конец правонарушению, МККК может пойти на крайние меры, при соблюдении следующих условий: нарушения МГП должны быть грубыми, носить повторяющийся характер, быть неоспоримыми. Тогда, после констатации того, что публичный демарш более отвечает интересам жертв, чем продолжение действий конфиденциального характера, возможно предание правонарушений гласности («практика выборочных публичных обличений»).

¹⁰⁴ См.: Действия Международного комитета Красного Креста в случае нарушений международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. 1981. Март — апрель. М., 1994.

¹⁰⁵ Так, обвинитель Международного трибунала по бывшей Югославии хотел заставить сотрудника МККК выступить в качестве свидетеля на основании п. а ст. 77 Правил процедуры и доказывания, однако МККК удалось доказать, что конфиденциальность является частью закрепленных в ЖК обязанностей относительно беспристрастности и нейтральности (см.: Давид Э. Указ. соч. С. 656). Вместе с тем в пп. 2 п. «с» ст. 13 Устава Международного военного трибунала для Дальнего Востока (Токио, 19 января 1946 г.) прямо указано, что к допустимым доказательствам может быть отнесен «доклад, подписанный или изданный организацией Международного Красного Креста или членом этой организации».

¹⁰⁶ См.: Валеев Р. М. Указ. соч. С. 71.

МККК, когда действует «по мандату гуманности», направляет доклады только удерживающей (военнопленных, интернированных) державе, иначе — в случае действия в качестве субститута державы-покровительницы. В последнем случае МККК может назначить судебных представителей для участия в уголовных процессах, возбужденных против покровительствуемых лиц.

¹⁰⁷ Отметим, что государство, участвующее в вооруженном конфликте, обязано воздержаться при голосовании в СБ ООН, иными словами, в отношении такого государства может быть назначена комиссия по расследованию вопреки его воле. Некоторые исследователи отмечали «тревожную» тенденцию умножения числа специальных комиссий, создаваемых в качестве альтернативы МКУФ. См.: Фисенко И. В. Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск: Тесей, 2000. С. 153.

¹⁰⁸ URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ru/content/repertoire/commissions-and-investigative-bodies> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁰⁹ Так, на Африканском континенте были учреждены комиссии по Анголе, Бурунди, Руанде, Сейшельским Островам, Сомали, Судану. На Американском континенте действовала комиссия по Никарагуа. В Азии были созданы комиссии по Индии / Пакистану, Индонезии, Пакистану и Тимору-Лешти. В Европе создавались комиссии по Греции и Бывшей Югославии. На Ближнем Востоке работали комиссии по Израилю / Палестине, Ираку, Ираку/Кувейту, Ирану / Ираку, Ливану, Сирийской Арабской Республике и др.

обеспечить гуманитарный доступ к жертвам¹¹⁰, подчеркивая необходимость всеобъемлющего подхода к урегулированию. Безусловно, публичные заявления и практика органов, механизмов и учреждений ООН, а также региональных организаций как проявления коллективной воли государств оказывают серьезное воздействие на противоборствующие стороны и международное общественное мнение¹¹¹.

9. Полагаем, что договорные контрольные механизмы, выработанные в отношении средств вооруженной борьбы (в рамках «права Гааги»)¹¹², носят разноотраслевой характер. Так, применительно к оружию массового поражения такие механизмы получили преимущественную «прописку» в договорах, регулирующих отношения в сфере международной безопасности, когда государства действуют путем информирования ООН о фактах нарушения договорных обязательств с последующим инициированием соответствующих процедур расследования.

Основополагающая Резолюция СБ ООН от 28.04.2004 № 1540 остается ключевым универсальным юридически обязывающим документом в области нераспространения оружия массового поражения (ядерного, химического и биологического), функции контроля возложены на вспомогательный орган СБ ООН — Комитет 1540¹¹³. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (открыт для подписания в Нью-Йорке 24 сентября 1996 г., в силу не вступил)¹¹⁴ предполагает создание Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, уполномоченной осуществлять контрольную деятельность¹¹⁵. Гораздо более скромный механизм контроля содержится в Договоре о запрещении ядерного оружия 2017 г.¹¹⁶ Объяснение тому состоит в невозможности сокрытия самого факта применения, а выяснение причин будет детерминировано авторитетным мнением, отраженным в п. 97 Консультативного заключения МС ООН

¹¹⁰ Так, во время вооруженного конфликта в Боснии и Герцеговине СБ ООН потребовал (п. 4 Резолюции от 13.08.1992 № 771, Резолюция от 13.08.1992 № 770), чтобы всем международным гуманитарным организациям, и в особенности МККК, был немедленно предоставлен беспрепятственный и постоянный доступ в лагеря, тюрьмы и центры задержания на территории бывшей Югославии. В Резолюции СБ ООН от 28.04.2006 № 1674 были подтверждены ранее принятые резолюции № 1265 (1999) и 1296 (2000) о защите гражданских лиц в вооруженном конфликте, резолюции о детях, затрагиваемых вооруженными конфликтами, и о женщинах, мире и безопасности, а также Резолюция № 1631 (2005) о сотрудничестве между ООН и региональными организациями в поддержании международного мира и безопасности.

¹¹¹ Например, выразить обеспокоенность, сформулировать отрицательное отношение к применению вооруженного насилия, предложить рекомендации по урегулированию могут Генеральная Ассамблея ООН, СБ ООН, Генеральный секретарь ООН, Совет по правам человека, специальные докладчики, группы экспертов и др. Предоставить помощь жертвам могут Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Мировая продовольственная программа и др.

¹¹² И. И. Котляров справедливо подчеркивал, что «частью контрольной деятельности государств по соблюдению норм МГП является выполнение обязательств о запрещенных средствах ведения войны» (Котляров И. И. Международный контроль за соблюдением государствами обязательств... С. 499).

¹¹³ URL: <https://www.un.org/ru/sc/1540/> (дата обращения: 15.04.2024).

В настоящее время также действует ряд международных механизмов, связанных с проблемами нераспространения оружия массового поражения и экспортного контроля: Комитет Цангера, Группа ядерных поставщиков, Австралийская группа, Режим контроля над ракетной технологией и др.

¹¹⁴ Почти все ядерные державы ввели добровольные односторонние моратории на ядерные испытания, Россия и США сделали это в 1992 г., КНДР — в 2018 г.

¹¹⁵ В качестве органов указанной Организации должны быть учреждены Конференция государств-участников, Исполнительный совет и Технический секретариат, который включает Международный центр данных.

¹¹⁶ Контрольные функции Международного агентства по атомной энергии в сфере ликвидации ядерного оружия (ст. 4 указанного Договора) и инспекционной деятельности выходят за рамки вооруженных конфликтов. Так, в связи с тем, что с марта 2022 г. Запорожская АЭС находится под контролем РФ, Агентство предлагало создать вокруг нее зону ядерной безопасности (не предусмотренную МГП). Вместе с тем Украина при поддержке западных стран и Секретариата ООН настаивала на формировании де-

относительно законности угрозы ядерного оружия или его применения (1996 г.)¹¹⁷.

Важно отметить, что механизмы, установленные Конвенцией о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия 1971 г. и Конвенцией о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г., обладают своеобразием и сводятся к следующему. В первом случае государство — участник Конвенции самостоятельно констатирует нарушение и передает жалобу в СБ ООН (ст. VI Конвенции о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия). Во втором случае консультации (включая процедуры в рамках ООН, а также услуги соответствующих международных межправительственных организаций и Консультативного комитета экспертов) ведут к составлению и возможной последующей передаче депозитарию итогового документа, содержащего фактические обстоятельства дела. Затем документ рассылается государствам — участникам Конвенции, и далее любое из них

может подать жалобу в СБ ООН для принятия решения (ст. V Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду). Очевидно, в этом случае будет задействован контрольный потенциал ООН.

Наряду с вышеотмеченными проблемами достаточно эффективный механизм установления фактов и расследования предполагаемого применения химического оружия создан Конвенцией о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (Париж, 13 января 1993 г., далее — КЗХО)¹¹⁸. Он должен осуществляться Техническим секретариатом ОЗХО¹¹⁹, а собственно инспекторат является подразделением Технического секретариата и действует под надзором Генерального директора. При поступлении сообщения о якобы имевшем место применении химического оружия КЗХО предусматривает проведение официального расследования, которое служит установлению фактов применения или неприменения химического оружия, а не выявлению стороны, применившей такое оружие¹²⁰. В части XI Приложения по проверке «Расследо-

---

милитаризованной зоны, но Россия эту идею категорически отвергла, поскольку переход станции под международный контроль означал бы ее фактическую сдачу украинским военным и создавал дополнительные риски.

¹¹⁷ Суд не смог прийти к окончательному выводу относительно законности или незаконности применения ядерного оружия государством в чрезвычайном случае самообороны, когда под угрозу поставлено само дальнейшее существование этого государства. Пункт 27 Военной доктрины Российской Федерации вполне корреспондирует позиции МС ООН. В пункте 19 Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания конкретизированы четыре условия, определяющие возможность применения ядерного оружия, а именно: 1) поступление достоверной информации о старте баллистических ракет, атакующих территории РФ и (или) ее союзников; 2) применение противником ЯО или других видов оружия массового поражения по территориям РФ и (или) ее союзников; 3) воздействие противника на критически важные государственные или военные объекты РФ, вывод из строя которых приведет к срыву ответных действий ядерных сил; 4) агрессия против РФ с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства.

¹¹⁸ URL: <https://www.opcw.org/ru/nasha-rabota/reagirovanie-na-primenenie-khimicheskogo-oruzhiya> (дата обращения: 15.04.2024).

Конвенция не ограничивает обязательства, принятые государствами по Протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, подписанному в Женеве 17 июня 1925 г. Федеральным законом от 06.12.2000 № 143-ФЗ были сняты оговорки к Протоколу, сделанные при его ратификации 7 марта 1928 г., о том, что принятые обязательства связывают СССР только по отношению к государствам-участникам, а также о том, что обязательства не касаются неприятельского государства, нарушившего запреты применения химического оружия и бактериологических средств.

¹¹⁹ URL: <https://www.opcw.org/ru> (дата обращения: 15.04.2024).

В качестве органов ОЗХО (ст. VIII КЗХО) учреждены: Конференция государств-участников, Исполнительный совет и Технический секретариат (осуществляет меры проверки).

¹²⁰ Поводами для начала расследования предполагаемого применения химического оружия могут быть 1) подача просьбы о проведении инспекции по запросу в условиях, когда имеются сообщения о пред-

вания в случаях предполагаемого применения химического оружия»¹²¹ указано, что расследования предполагаемого применения такого оружия или предполагаемого применения химических средств борьбы с беспорядками в качестве способа ведения войны, возбуждаемые согласно ст. IX или X КЗХО, осуществляются в соответствии как с Приложением, так и с подробными процедурами, которые устанавливаются Генеральным директором. Проведение расследования преследует две цели: 1) установление фактов, связанных с предполагаемым применением; 2) подготовка оснований, дающих Исполнительному совету возможность принять решение по поводу того, нужно ли поручить Техническому секретариату предпринять дальнейшие действия по оказанию помощи запрашивающему государству-участнику.

В этом контексте достаточно показательными являются негативные примеры деятельно-

сти миссии по установлению фактов ОЗХО (далее — МУФ ОЗХО¹²²) на территории Сирийской Арабской Республики в 2014–2019 гг.¹²³, когда расследования проводились с грубыми нарушениями процедуры, определенной частью XI Приложения по проверке КЗХО. В частности, МУФ ОЗХО, ссылаясь на ограничения, связанные с безопасностью, отказывалась от посещения мест инцидентов и по установившейся порочной практике проводила расследование дистанционно¹²⁴, нарушив базовый принцип «chain of custody» («цепочка поставок»)¹²⁵. Не менее важно понимать, что наделение ОЗХО атрибутивными функциями¹²⁶, т.е. функциями по установлению виновных в применении химического оружия, является грубейшим нарушением КЗХО¹²⁷ и направлено против интересов России¹²⁸. Нельзя в дальнейшем допустить, чтобы ОЗХО превратилась в квазипрокурорскую, полицейскую и судебно-медицинскую

полагаемом случае применения химического оружия другим государством-участником; 2) подача Генеральному директору просьбы о помощи в соответствии со ст. X в ситуации, когда имеются сообщения о предполагаемом случае применения химического оружия против запрашивающего государства-участника или когда имеются сообщения о предполагаемом случае применения против него химических средств борьбы с беспорядками как средства ведения войны. В таких ситуациях организация должна тесно сотрудничать с Генеральным секретарем ООН, а в случае получения соответствующего запроса — обеспечить доступ к своим ресурсам.

¹²¹ URL: <https://www.opcw.org/ru/konvenciya-o-khimicheskom-oruzhii/prilozheniya/verification-annex/chastkhi-rassledovaniya-v> (дата обращения: 15.04.2024).

¹²² Следует отметить, что в 2015 г. Исполнительный совет ОЗХО и СБ ООН одобрили решение о постоянном функционировании МУФ. Выводы МУФ составили основу для работы Совместного механизма ООН и ОЗХО по расследованию, являвшегося независимым органом, учрежденным СБ ООН (Резолюция от 07.08.2015 № 2235). Задача Совместного механизма состояла в выявлении лиц, виновных в совершении тех нападений с применением химического оружия, которые были подтверждены МУФ. Срок действия мандата этого органа истек в ноябре 2017 г.

¹²³ В частности, речь идет о расследовании инцидентов, в которых якобы было применено химическое оружие, в частности в населенных пунктах Тальменес (21 и 24 апреля), ат-Тамана, Кафр Зейта (апрель — август) в 2014 г. (Северная Сирия, провинция Идлиб), в деревне аль-Латамна в уезде Махарда (провинция Хама) 24–25 и 30 марта 2017 г., в г. Хан-Шейхун (провинция Идлиб) 4 апреля 2017 г., в пригороде Саракиба (провинция Идлиб) 4 февраля 2018 г. и в г. Дума (Восточная Гута) 7 апреля 2018 г.

¹²⁴ Источниками информации являлись UOSSM USA, «Белые каски» (Сирийская гражданская оборона), «Сирийский центр событий» (Syrian Event Centre), новостные ленты BBC, CNN, Washington Times, блоги. Способом верификации данных являлся «анализ открытых источников», приводились ссылки из «Твиттера», «Фейсбука», YouTube, новостных лент BBC, CNN и др.

¹²⁵ Указанный принцип предполагает, что представители этой организации должны самостоятельно отобрать пробы и проследить за их сохранностью на всем пути до сертифицированной химической лаборатории, где осуществится анализ.

¹²⁶ На специальной сессии Конференции государств — участников КЗХО 28 июня 2018 г. был принят предложенный Великобританией проект, согласно которому ОЗХО наделена функциями установления виновных в совершении атак с применением отравляющих веществ.

¹²⁷ URL: <https://theins.ru/antifake/149816> (дата обращения: 15.04.2024).

¹²⁸ URL: <https://tass.ru/politika/5670649> (дата обращения: 15.04.2024).

организацию¹²⁹. Однако РФ должна оставаться в ОЗХО, потому что от ее нахождения внутри структуры во многом зависит возможность отстаивать свою точку зрения¹³⁰ и защищать интересы (собственные и дружественных государств).

10. В свою очередь, в отношении установления правомерности (неправомерности) применения в условиях вооруженных конфликтов обычных вооружений действуют контрольные механизмы МГП. Достаточно показательным является тот факт, что в рамочном документе — Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, 1980 г. (Конвенции о «негуманном» оружии), дополненной пятью протоколами, — отсутствуют какие-либо специальные контрольные механизмы, применимые в период вооруженных конфликтов. Объяснение тому достаточно прозаично: государства полагались на эффективность контроля в рамках механизмов МГП, когда установление

фактов ведет к квалификации деяний как военных преступлений¹³¹. Также можно охарактеризовать как «внеконфликтный» механизм, созданный Конвенцией по кассетным боеприпасам (Дублин, 30 мая 2008 г.)¹³². В свою очередь, Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (Оттава, 18 сентября 1997 г.) предполагает возможность направления государствами-участниками запросов о разъяснении в отношении волнующей их проблемы через Генерального секретаря ООН (п. 2 ст. 8), проведение совещаний / специальных совещаний государств-участников (п. 3–7, 18–20 ст. 8), а также создание миссии по установлению фактов и утверждение ее мандата (п. 8–17 ст. 8)¹³³. Цели Конвенции активно продвигают неправительственные организации¹³⁴. Однако Россия успешно реализует подходы к противодействию минной угрозе в рамках Конвенции о «негуманном» оружии и дополненного «минного» Протокола II к ней¹³⁵. Подтверждает последовательность принимаемых государствами

¹²⁹ Так, по инициативе Великобритании большинство членов ОЗХО, вопреки позиции РФ, проголосовали за расширение мандата, фактически наделив технический орган функциями СБ ООН. Комментируя эту ситуацию, министр иностранных дел России С. В. Лавров подчеркнул, что такое решение может означать «наступление на основы международного права».

¹³⁰ Так, помимо постпредства РФ при ОЗХО, обеспечивают участие РФ в указанной организации Минпромторг России, МИД России, Минобороны России, Минобрнауки России, Минэкономразвития России, Минприроды России, СВР России, ФСБ России, Минфин России, Российская академия наук, Ростехнадзор. См.: постановление Правительства РФ от 03.06.2003 № 323 «Об утверждении межведомственного распределения обязанностей по обеспечению участия Российской Федерации в международных организациях системы ООН» (с изм. и доп.).

¹³¹ См., в частности, пп. «b» (xvii–xx) п. 2 ст. 8 Римского статута МУС.

¹³² В частности, контроль осуществляется посредством направления государствами-участниками докладов Генеральному секретарю ООН: первичного (через 180 дней после вступления Конвенции в силу для государства-участника) и последующего (ежегодного). В случае, если одно или несколько государств-участников желают выяснить и стремятся решить вопросы, касающиеся соблюдения положений Конвенции другим государством-участником, они могут направить этому государству-участнику через Генерального секретаря ООН запрос о разъяснении в отношении волнующей их проблемы (п. 2 ст. 8 Конвенции). Статья 1 Конвенции налагает на государства-участники обязательство не применять кассетные боеприпасы, однако крупнейшие разработчики, производители и обладатели таких боеприпасов (Бразилия, Израиль, Индия, Китай, Пакистан, Россия, США) не являются ее участниками.

¹³³ В качестве мер транспарентности предусматривается ежегодное представление Генеральному секретарю ООН национальных докладов о выполнении обязательств по Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении, ежегодно проводятся совещания государств-участников, каждые пять лет — обзорные конференции.

¹³⁴ Так, постоянный мониторинг соблюдения ее режима осуществляет Международное движение за запрещение противопехотных мин (International Campaign to Ban Landmines), ежегодно издающее доклад по реализации Конвенции (Landmine Monitor). В 2001 г. на базе Женевского международного центра по гуманитарному разминированию учреждена Группа имплементационной поддержки Конвенции.

¹³⁵ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1424373/ (дата обращения: 15.04.2024).

обязательств в сфере контроля Договор о торговле оружием (Нью-Йорк, 2 апреля 2013 г.)¹³⁶. В этой связи подчеркнем, что Россия, являясь крупнейшим экспортером вооружений¹³⁷, на регулярной основе предоставляет информацию¹³⁸ о российском экспорте и импорте оружия в Регистр обычных вооружений ООН¹³⁹, государствам — участникам ОБСЕ¹⁴⁰, а также по Вассенаарским договоренностям¹⁴¹.

Вместе с тем из аналитического материала «Вопросы контроля над вооружениями и нераспространения», размещенного на сайте МИД России¹⁴², следует, что было бы ошибочным сводить всю анализируемую проблематику только к контролю над вооружениями¹⁴³, поскольку с ним тесно связаны механизмы контроля за разоружением и нераспространением,

которые в совокупности представляют собой комплексную систему, включающую все указанные и тесно взаимосвязанные элементы. Прискорбно, что указанная система, обеспечивавшая стратегическую стабильность, претерпевает метаморфозы вследствие разрушения договорной базы, в частности договоров между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны¹⁴⁴, о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности (ДРСМД)¹⁴⁵ и инициатив «пост-ДРСМД», Договора по открытому небу¹⁴⁶. Россия вынужденно покинула Договор об обычных вооруженных силах в Европе¹⁴⁷ и приостановила действие Договора между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений¹⁴⁸.

¹³⁶ В частности, Договор предполагает создание национальных систем контроля (п. 2 ст. 5) и доклады Секретариату (первоначальный и ежегодные), который их распространяет среди государств-участников (ст. 13). Россия в Договоре о торговле оружием не участвует, обоснованно полагая, что установленные Договором стандарты существенно ниже российских, установленных законодательством, в частности, см.: федеральные законы от 19.07.1998 № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами», от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии», от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и др.

¹³⁷ В докладе Стокгольмского международного института исследования проблем мира за 2023 г. отмечено, что крупнейшими экспортерами вооружений являются США (42 % мирового рынка), Франция и Россия (их доля составляет 11 %), при этом экспорт оружия из России в 2019–2023 гг. упал на 53 % по сравнению с 2014–2018 гг. В 2019 г. Россия поставляла основные виды вооружений в 31 страну, в 2022-м — в 14, а в 2023-м — в 12. См.: URL: <https://www.sipri.org/> (дата обращения: 15.04.2024).

¹³⁸ См.: постановление Правительства РФ от 26.05.2003 № 302 (с изм.) «Об утверждении Положения о представлении Российской Федерацией сведений в Регистр обычных вооружений ООН и Положения о представлении Российской Федерацией сведений о поставках обычных вооружений в соответствии с Вассенаарскими договоренностями».

¹³⁹ URL: <https://www.unroca.org/> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁴⁰ URL: <https://www.osce.org/forum-for-security-cooperation/107432> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁴¹ Государства-участники связаны обязательством осуществлять на национальном уровне контроль за экспортом всей номенклатуры из Списка товаров и технологий двойного применения, а также из Списка вооружений.

¹⁴² URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/mezdunarodnye-organizacii-i-forumy/voprosy-kontrola-nad-vooruzeniami-i-nerasprostranenia/ (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁴³ Контроль над вооружениями, как правило, означает взаимно согласованные ограничения или меры контроля (между государствами) в отношении разработки, производства, накопления, распространения, развертывания и использования войск, стрелкового оружия, обычных вооружений и оружия массового уничтожения.

¹⁴⁴ Договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны (Москва, 26 мая 1972 г.), протокол к нему и «общие понимания».

¹⁴⁵ Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности (Вашингтон, 8 декабря 1987 г.), а также два протокола и меморандум к нему.

¹⁴⁶ Договор по открытому небу (Хельсинки, 24 марта 1992 г.) и 12 приложений к нему.

¹⁴⁷ Договор об обычных вооруженных силах в Европе (Париж, 19 ноября 1990 г.).

¹⁴⁸ Договор между Российской Федерацией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (Прага, 8 апреля 2010 г.). Договорный механизм контроля и связанные с ним меры транспарентности включали использование национальных технических

11. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что международным учреждениям, осуществляющим *судебный* контроль, было посвящено достаточно много работ отечественных¹⁴⁹ и зарубежных авторов¹⁵⁰, однако вне должного научного анализа остались органы, осуществляющие собственно досудебное установление фактов и проводящие расследование. Отметим, что предварительное расследование по международным преступлениям¹⁵¹ осуществляется органами, входящими в структуру международных уголовных трибуналов¹⁵². В литера-

туре было выдвинуто предложение о создании постоянного независимого органа международной уголовной юстиции¹⁵³ — Международного следственного комитета¹⁵⁴, однако оно не встретило поддержки.

Следует подчеркнуть, что согласно Статуту МС ООН к его компетенции в рамках досудебных процедур отнесено принятие мер по собиранию доказательств (ст. 48), он может поручить производство расследования или экспертизы лицу или организации по своему выбору (ст. 50), запрашивать у публичных меж-

средств контроля; инспекционную деятельность; проведение показов; обмен уведомлениями; обмен телеметрической информацией по пускам межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок.

¹⁴⁹ См.: *Каюмова А. Р.* Уголовная юрисдикция в международном праве : монография. Казань : Центр инновационных технологий, 2016 ; *Костенко Н. И.* Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М. : РКонсульт, 2002 ; *Михайлов Н. Г.* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности. М. : Издательский дом Шумиловой И. И., 2006 ; *Марусин И. С.* Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство. СПб. : Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2004 ; *Рабцевич О. И.* Органы международной уголовной юстиции. М. : Nota Bene, 2008 ; *Фисенко И. В.* Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск : Тесей, 2000.

¹⁵⁰ *Calvo-Goller K. N.* The Trial Proceedings of the International Criminal Court: ICTY and ICTR Precedents. Leiden, Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2006 ; *The Dynamics of International Criminal Justice / ed. by N. Abtahi, G. Boas.* Leiden, Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2006 ; *Akhavan P.* The International Criminal Tribunal for Rwanda: The Politics and Pragmatics of Punishment // *American Journal of International Law.* 1996. Vol. 90. No. 3. P. 505 ; *Aldrich G. H.* Jurisdiction of the International Tribunal for the Former Yugoslavia // *American Journal of International Law.* 1996. Vol. 90. No. 1. P. 64–69.

¹⁵¹ См.: *Рабцевич О. И.* Международные следственные органы // *Международное публичное и частное право.* 2008. № 4. С. 43–48.

¹⁵² К ним могут быть отнесены Комитет по расследованию дел и обвинению главных нацистских преступников Нюрнбергского трибунала (ст. 14, 15 Устава Международного военного трибунала), обвинители в Международном трибунале по бывшей Югославии (ст. 16 Устава) и Международном трибунале по Руанде (ст. 15 Устава), Канцелярия Прокурора Международного уголовного суда (ст. 15, 42 Статута МУС), Палата предварительного производства, Служба обвинения и Досудебная палата Чрезвычайных палат в судах Камбоджи, Обвинитель Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 15 Устава), Отделение расследования серьезных преступлений в Окружном суде Дили Восточного Тимора («Группа по тяжким преступлениям»).

¹⁵³ См.: *Волеводз А. Г., Волеводз В. А.* Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // *Международное уголовное право и международная юстиция.* 2008. № 3. С. 3–13.

Верхом правоприменительного цинизма стала выдача ордеров на арест В. В. Путина и М. А. Львовой-Беловой II Палатой предварительного производства Международного уголовного суда 17 марта 2023 г. в контексте якобы незаконной депортации населения (детей) с территории Украины в Российскую Федерацию. Позднее Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело в отношении прокурора и судей МУС. 5 марта 2024 г. МУС выдал ордера на арест командующего Черноморским флотом В. Н. Соколова и командующего Дальней авиацией России С. И. Кобылаша за предполагаемые удары по объектам энергетической инфраструктуры на территории Украины.

¹⁵⁴ См.: *Рабцевич О. И.* Международные следственные органы. С. 43–48.

Подобную мысль высказывал У. Р. Латыпов, правда, применительно к расследованию актов международного терроризма. См.: *Латыпов У. Р.* О создании механизма расследования актов международного терроризма // *Советское государство и право.* 1990. № 9. С. 133.

дународных организаций и получать от них информацию, относящуюся к делам (п. 2 ст. 34). В рамках консультативных процедур могут приниматься сообщения государств и организаций (ст. 66 Статута). В результате такого довольно фрагментарного регулирования МС ООН обладает определенной свободой усмотрения при определении относимости, допустимости и ценности отдельных доказательств¹⁵⁵.

12. МНПО, действующие в сфере несудебного правоприменения (в частности, «Международная амнистия», «Врачи без границ», Human Rights Watch и др.), используют иной подход, выражающийся в публичном осуждении установленных ими нарушений. Во-первых, их доклады¹⁵⁶ влияют на общественное мнение, но не всегда вызывают доверие¹⁵⁷, хотя в ряде решений ЕСПЧ в обоснование существующего

права и практики ссылался на такие материалы¹⁵⁸. Такого рода контроль можно справедливо отнести к разряду *общественного*. При этом важно учитывать, что, во-первых, международная роль некоторых МНПО может закрепляться в международных договорах¹⁵⁹. Во-вторых, некоторые МНПО способны доводить до международных судебных учреждений (по их просьбе) актуальную информацию, выступая в качестве «друзей суда»¹⁶⁰. При этом МС ООН вправе использовать (или не использовать) материалы, поступившие от МНПО, в зависимости от весомости и относимости соответствующей информации¹⁶¹. Определенный научный интерес может представлять и практика судов государств в указанной сфере¹⁶². В-третьих, нельзя не заметить, что общественный контроль (точнее — воздействие на общественное мнение)

¹⁵⁵ См.: Толстых В. Л. Международный суд Организации Объединенных Наций // Институты международного правосудия : учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых. М. : Международные отношения, 2014. С. 128.

¹⁵⁶ См., например: «Вас не существует» : Произвольные задержания, насильственные исчезновения и пытки в ходе конфликта на востоке Украины // URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2016/07/21/292260> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁵⁷ Например, «Белые каски» (White Helmets), или «Сирийская гражданская оборона» (неправильственная добровольческая организация, действовавшая в Сирии на территориях, контролируемых оппозиционными группировками), обвинялись в фальсификации свидетельств бомбежек и химических атак мирного населения, в содействии террористическим организациям. См.: URL: <https://www.whitehelmets.org/en/> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁵⁸ См., например: Shamayev and 12 Others v. Georgia and Russia («Шамаев и 12 других против Грузии и России») // URL: <https://www.srji.org/resources/search/28/> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁵⁹ Например, роль Международного комитета Голубого щита в защите культурных ценностей закреплена в п. 3 ст. 11 Второго протокола 1999 г. к Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 г. Комитет учрежден в 1996 г. главными исполнительными директорами пяти МНПО, работающих в области культуры: Международного совета архивов, Международного совета музеев (ИКОМ), Международного совета по охране памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), Международной федерации библиотечных ассоциаций и учреждений, Координационного совета ассоциаций аудиовизуальных архивов. Впрочем, только ИКОМ и ИКОМОС имеют право официально формировать национальные комитеты стран-членов. См.: URL: <https://theblueshield.org/> (дата обращения: 15.04.2024).

¹⁶⁰ «Друг суда» (amicus curiae) определяется как лицо, которое, не будучи стороной судебного иска, обращается к суду по собственной инициативе либо представляет по просьбе суда те или иные материалы, поскольку предмет разбирательства представляет для него значительный интерес. См.: Black's Law Dictionary / В. А. Garner, ed. 8th ed. Thomson West, USA, 2004. P. 93.

Так, в деле о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории МС ООН принял во внимание просьбы Лиги арабских государств и Организации Исламская конференция. Международная федерация за права человека пыталась участвовать в процессе вынесения консультативного заключения о международном статусе Юго-Западной Африки. См.: Шинкарецкая Г. Г. Институт «друзей суда» в международном судопроизводстве // Институты международного правосудия. С. 40.

¹⁶¹ См.: Шинкарецкая Г. Г. Указ. соч. С. 42.

В отношении «друзей суда» позиция МС ООН сводится к тому, что они должны представлять свою точку зрения «объективно», а не как непосредственно заинтересованные участники разбирательства, намеренные содействовать наиболее благоприятному для них исходу дела.

¹⁶² Так, Конституционный Суд РФ 28 января 2021 г. принял решение об исключении из Регламента § 34.1 о представлении научными организациями в области права и правовыми деятелями правовых заклю-

также проявляется в деятельности различных экспертных форумов и международных групп экспертов¹⁶³.

Таким образом, международный контроль, осуществляемый в сфере МГП, носит координационный характер, оказывая сдерживающее влияние на применение вооруженного насилия, однако применение контрольных механизмов в совокупности может привести к созданию конкурентной среды между ними. В арсенале средств, к которым может обращаться Россия с целью установления фактов нарушений МГП, числятся система защитных полномочий, специальная процедура расследования, институт держав-покровительниц, субституты (МККК), а также иные договорные механизмы. Они явля-

ются важнейшими инструментами обеспечения уважительного отношения к МГП, способными эффективно противодействовать совершению нарушений.

Российская Федерация последовательно выступает за ответственное соблюдение норм МГП, стремясь выполнять принятые международные обязательства в полном объеме, подтверждая свою приверженность принципу добросовестного соблюдения международных обязательств¹⁶⁴. Данный принцип служит критерием правомерности деятельности субъектов международного права в международных отношениях и выступает в качестве условия стабильности и эффективности международного правопорядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бюнъон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны. М. : МККК, 2005. 1615 с.
- Валеев Р. М. Международный контроль : монография. Казань, 1998. 176 с.
- Волеводз А. Г., Волеводз В. А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 3–13.
- Гольцов С. Д. Международно-правовые вопросы применения вооруженной силы государствами в порядке индивидуальной самопомощи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. М., 2005. 23 с.
- Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов : курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. М. : Международный комитет Красного Креста, 2011. 1141 с.
- Действия МККК в случае нарушений международного гуманитарного права. М., 1994. 11 с.
- Кальсховен Ф. Беспристрастность и нейтральность в гуманитарном праве и практике // Международный журнал Красного Креста. 1989. Ноябрь — декабрь.
- Кальсховен Ф. Ограничения методов и средств ведения войны. М., 1994. 231 с.
- Каюмова А. Р. Уголовная юрисдикция в международном праве : монография. Казань : Центр инновационных технологий, 2016. 487 с.
- Кириленко В. Международный контроль как одна из форм обеспечения охраны морской среды от загрязнения // Правоведение. 1987. № 2. С. 34–41.
- Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М. : РКонсульт, 2002. 439 с.

чений по делам (URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Reglament/Pages/default.aspx> (дата обращения: 15.04.2024)). Указанная практика с 2017 г. предусматривала возможность направления в суд независимыми экспертами, прямо не участвующими в разбирательстве, заключений по общественно значимым вопросам. Представление инициативных заключений создавало излишние возможности для лоббирования какой-либо позиции. Таким образом, институт «друзей суда» в российской правовой системе прекратил существование.

¹⁶³ К ним могут быть отнесены Международный институт гуманитарного права (Институт Сан-Ремо. URL: <https://iihl.org/> (дата обращения: 15.04.2024)); Международное общество военного права и права войны (URL: <https://www.ismllw.org/> (дата обращения: 15.04.2024)); Стокгольмский институт исследования проблем мира (URL: <https://www.sipri.org/> (дата обращения: 15.04.2024)); базирующаяся в Великобритании неправительственная организация «Статья 36» (URL: <https://article36.org/> (дата обращения: 15.04.2024)).

¹⁶⁴ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/815671-7> (дата обращения: 15.04.2024).

- Котляров И. И.* Международный контроль за соблюдением государствами обязательств по международному гуманитарному праву // *Международное уголовное правосудие : Современные проблемы / под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз.* М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 491–502.
- Котляров И. И.* Международный контроль с использованием космических средств : Международно-правовые проблемы. М. : Международные отношения, 1981. 119 с.
- Котляров И. И.* Правовые вопросы контроля за соблюдением международных обязательств // *Международное сотрудничество и международное право.* М. : Изд-во ИГиП АН СССР, 1977. С. 40–49.
- Круглова Ю. Б.* Институт контроля в международном морском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. Казань, 2007. 22 с.
- Кудинов А. С., Морозова А. А.* Международная гуманитарная комиссия по установлению фактов: будущее наступило? // *Евразийский юридический журнал.* 2018. № 6 (121). С. 41–42.
- Лазутин Л. А.* Соотношение контроля и мер по укреплению доверия в праве международной безопасности // *Российский юридический журнал.* 1995. № 1. С. 83–89.
- Латыпов У. Р.* О создании механизма расследования актов международного терроризма // *Советское государство и право.* 1990. № 9. С. 130–135.
- Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть. М. : Бек, 1996. 371 с.
- Лукашук И. И.* Функционирование международного права / отв. ред. Р. А. Мюллерсон. М. : Наука, 1992. 222 с.
- Лукьянцев Г. Е.* Международный контроль в области прав человека. М. : Изд-во РУДН, 2005. 261 с.
- Марусин И. С.* Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство. СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. 224 с.
- Мельцер Н.* Международное гуманитарное право. Общий курс. М. : МККК, 2017. 417 с.
- Михайлов Н. Г.* Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии: компетенция, источники права, основные принципы деятельности. М. : Издательский дом Шумиловой И. И., 2006. 267 с.
- Рабцевич О. И.* Международные следственные органы // *Международное публичное и частное право.* 2008. № 4. С. 43–48.
- Рабцевич О. И.* Органы международной уголовной юстиции. М. : Nota Bene, 2008. 594 с.
- Радойнов П.* Правотворческие функции на международном уровне организации. София : Българската Академия на науките, 1975. 389 с.
- Репецкий В. Н.* Контроль за соблюдением международного гуманитарного права и прав человека // *Российский ежегодник международного права,* 2000. СПб., 2000. 199 с.
- Сагер М.* Контрольные механизмы в международном гуманитарном праве // *Московский журнал международного права.* 1991. № 3–4. С. 26–33.
- Симонова Н. С.* Институт международного контроля как элемент механизма обеспечения выполнения обязательств по международным договорам // *Московский журнал международного права.* 2014. № 1. С. 82–102.
- Симонова Н. С.* Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам: понятие, основные элементы // *Московский журнал международного права.* 2013. № 3 (91). С. 60–82.
- Талалаев А. Н.* Право международных договоров. Действие и применение договоров. М. : Международные отношения, 1985. 294 с.
- Тиунов О. И.* Выполнение международных договоров РФ : монография. М. : Норма, 2011. 255 с.
- Тиунов О. И.* Международно-правовые гарантии как средство обеспечения международных договоров // *Журнал российского права.* 2011. № 4. С. 85–95.
- Тиунов О. И.* О понятии международного контроля. М., 1988.
- Тиунов О. И.* О понятии международно-правового контроля // *Советский ежегодник международного права,* 1988. М. : Наука, 1989. С. 86–99.
- Толстых В. Л.* Международный суд Организации Объединенных Наций // *Институты международного правосудия : учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых.* М. : Международные отношения, 2014. 497 с.
- Устинова Е. Ю.* Формы и механизм международно-правового контроля за соблюдением международных договорных обязательств государств // *Право и политика.* 2007. № 8. С. 47–56.
- Фисенко И. В.* Борьба с международными преступлениями в международном уголовном праве. Минск : Тесей, 2000. 334 с.

- Шинкареца Г. Г. Институт «друзей суда» в международном судопроизводстве // Институты международного правосудия : учеб. пособие / под ред. В. Л. Толстых. М. : Международные отношения, 2014. 497 с.
- Штудер М. МККК и отношения между гражданскими организациями и военными во время вооруженного конфликта // Международный журнал Красного Креста : сборник статей. 2001. С. 17–46.
- Akhavan P. The International Criminal Tribunal for Rwanda: The Politics and Pragmatics of Punishment // American Journal of International Law. 1996. Vol. 90. No. 3. P. 501–510.
- Aldrich G. H. Jurisdiction of the International Tribunal for the Former Yugoslavia // American Journal of International Law. 1996. Vol. 90. No. 1. P. 64–69.
- Calvo-Goller K. N. The Trial Proceedings of the International Criminal Court: ICTY and ICTR Precedents. Leiden, Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2006. 561 p.
- The Dynamics of International Criminal Justice / ed. by H. Abtahi and G. Boas. Leiden, Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2006. 332 p.

REFERENCES

- Abtahi H, Boas G, editors. The Dynamics of International Criminal Justice. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers; 2006.
- Akhavan P. The International Criminal Tribunal for Rwanda: The Politics and Pragmatics of Punishment. *American Journal of International Law*. 1996;90(3):501-510.
- Aldrich GH. Jurisdiction of the International Tribunal for the Former Yugoslavia. *American Journal of International Law*. 1996;90(1):64-69.
- Bunyon F. The International Committee of the Red Cross and the protection of war victims. Moscow: MKKK Publ.; 2005. (In Russ.).
- Calvo-Goller KN. The Trial Proceedings of the International Criminal Court: ICTY and ICTR Precedents. Leiden, Boston: Martinus Nijhoff Publishers; 2006.
- David E. Principles of the law of armed conflict. A course of lectures delivered at the Faculty of Law of the Open University of Brussels. Moscow: International Committee of the Red Cross Publ.; 2011. (In Russ.).
- Fisenko IV. The fight against international crimes in international criminal law. Minsk: Tesey Publ.; 2000. (In Russ.).
- Goltsov SD. International legal issues of the use of armed force by states as individual self-help. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).
- Kalshoven F. Impartiality and neutrality in humanitarian law and practice. *Mezhdunarodnyy zhurnal Krasnogo Kresta*. 1989. November-December. (In Russ.).
- Kalshoven F. Limitations of methods and means of warfare. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Kayumova AR. Criminal jurisdiction in international law: A monograph. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy Publ.; 2016. (In Russ.).
- Kirilenko V. International control as a form of ensuring the protection of the marine environment from pollution. *Pravovedenie*. 1987;2:34-41. (In Russ.).
- Kostomarov NI. International criminal justice. Development problems. Moscow: Rconsult Publ.; 2002. (In Russ.).
- Kotlyarov II. International control using space assets: International legal problems. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 1981. (In Russ.).
- Kotlyarov II. International monitoring of states' compliance with obligations under international humanitarian law. In: Bigusha GI, Tikoz EN, editors. International criminal justice: Modern problems. Moscow: Institut prava i publichnoy politiki Publ.; 2009. Pp. 491–502. (In Russ.).
- Kotlyarov II. Legal issues of monitoring compliance with international obligations. In: International cooperation and international law. Moscow: Izd-vo IGI P AN SSSR; 1927. Pp. 40–49. (In Russ.).
- Kruglova YuB. Institute of control in International Maritime Law. The author's abstract of the Cand. Diss. (Law). Kazan; 2007. (In Russ.).
- Kudinov AS, Morozova AA. International Humanitarian Fact-Finding Commission: Has the future arrived? *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2018;6(121):41-42. (In Russ.).
- Latypov UR. On the creation of a mechanism for investigating acts of international terrorism. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1990;9:130-135. (In Russ.).

- Lazutin LA. The relationship between control and confidence-building measures in international security law. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal [Russian Juridical Journal]*. 1995;1:83-89. (In Russ.).
- Lukashuk II. Functioning of international law. Moscow: Nauka Publ.; 1992. (In Russ.).
- Lukashuk II. International law. General part. Moscow: Bek Publ.; 1996. (In Russ.).
- Lukyantsev GE. International human rights monitoring. Moscow: RUDN Publishing House; 2005. (In Russ.).
- Marusin IS. International criminal judicial institutions: Judicial system and judicial proceedings. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of Law. St. Petersburg State University; 2004. (In Russ.).
- Meltzer N. International humanitarian law. General course. Moscow: MKKK Publ.; 2017. (In Russ.).
- Mikhaylov NG. The International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia: Competence, sources of law, basic principles of activity. Moscow: Izdatelskiy dom Shumilovoy II; 2006. (In Russ.).
- Rabtsevich OI. International criminal justice bodies. Moscow: Nota Bene Publ.; 2008. (In Russ.).
- Rabtsevich OI. International investigative bodies. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*. 2008;4:43-48. (In Russ.).
- Radoynov P. Law-making functions at the international level of the organization. Sofia: Blgarskata Akademiya na naukite; 1975. (In Russ.).
- Repetsky VN. Monitoring compliance with international humanitarian law and human rights. *Rossiyskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava; 2000*. St. Petersburg; 2000. (In Russ.).
- Sager M. Control mechanisms in international humanitarian law. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 1991;3-4:26-33. (In Russ.).
- Shinkaretskaya GG. Institute of «Friends of the Court» in international legal proceedings. Institutes of International Justice. Study Guide. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2014. (In Russ.).
- Shtuder M. The ICRC and relations between civil organizations and the military during armed conflict. In: The International Journal of the Red Cross. Collection of articles. 2001. Pp. 17–46. (In Russ.).
- Simonova NS. Institute of International control as an element of the mechanism for ensuring compliance with obligations under international treaties. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2014;1:82-102. (In Russ.).
- Simonova NS. The institutional mechanism for ensuring the fulfillment of obligations under international treaties: Concept, main elements. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2013;3(91):60-82. (In Russ.).
- Talalaev AN. The law of international treaties. The effect and application of contracts. Moscow: Mezhdunarod. otnosheniya Publ.; 1985. (In Russ.).
- The ICRC's actions in cases of violations of international humanitarian law. Moscow; 1994. (In Russ.).
- Tiunov OI. Implementation of international treaties of the Russian Federation: A monograph. Moscow: Norma Publ.; 2011. (In Russ.).
- Tiunov OI. International legal guarantees as a means of securing international treaties. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2011;4:85-95. (In Russ.).
- Tiunov OI. On the concept of international control. Moscow; 1988. (In Russ.).
- Tiunov OI. On the concept of international legal control. *Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava; 1988*. Moscow: Nauka Publ.; 1989. Pp. 86–99. (In Russ.).
- Tolstykh VL. International Court of Justice of the United Nations. Institutes of International Justice. Study Guide. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ.; 2014. (In Russ.).
- Ustinova EYu. Forms and mechanism of international legal control over compliance with international treaty obligations of states. *Pravo i politika [Law and politics]*. 2007;8:47-56. (In Russ.).
- Valeev RM. International control: A monograph. Kazan; 1998. (In Russ.).
- Volevodz AG, Volevodz VA. The modern system of international criminal justice: Concept and multiplicity of institutional models. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2008;3:3-13. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батырь Вячеслав Анатольевич, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
batyr_62@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav A. Batyr, Cand. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
batyr_62@mail.ru

Материал поступил в редакцию 14 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 14 апреля 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 14.03.2024.

Revised 14.04.2024.

Accepted 15.07.2024.

DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.112-129

Э. С. Теймуров

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Международно-правовое регулирование сохранения биоразнообразия в северных широтах (часть 1)

Резюме. Экологические проблемы — один из наиболее сильных драйверов развития международного права, в ряде случаев он фактически выступают в качестве способа ограничения отдельных видов деятельности для определенных государств. Особую значимость они приобретают в контексте использования ресурсов полярных регионов. Исследование направлено на выявление проблем и формулирование предложений для разработки правовой позиции России по вопросам сохранения биоразнообразия в северных широтах, а также на оценку применимости универсального режима управления биоразнообразием и опыта сохранения биоразнообразия Антарктики. К ключевым угрозам сохранению биоразнообразия в северных широтах относятся изменение климата, рыболовство, загрязнение морской среды, туризм и недостаточные научные данные об экосистемах региона. Непосредственную угрозу биоразнообразию Арктики несет рыболовство, остальные угрозы являются последствиями различных видов деятельности человека. Территориальные притязания в Арктике практически не влияют на сохранение биоразнообразия региона и управление им. Специальный договор относительно борьбы с изменением климата и его последствиями в Арктике отсутствует, т.к. проблема обусловлена деятельностью под юрисдикцией государств, имеет глобальный характер и не зависит исключительно от усилий арктических государств. По вопросам предотвращения загрязнения морской среды Арктики государства признают применимость универсальных международных договоров и решений Международной морской организации. Нормативное регулирование туризма в Арктике осуществляется на национальном уровне, при обязательной имплементации универсальных природоохранных обязательств, включая оценку воздействия на окружающую среду, утилизацию отходов, применение зонально привязанных инструментов хозяйствования.

Ключевые слова: биоразнообразие за пределами национальной юрисдикции; арктическое биоразнообразие; борьба с изменением климата; предотвращение загрязнения морской среды; правовое регулирование рыболовства; Северный Ледовитый океан; международное научно-техническое сотрудничество; арктическое сотрудничество; устойчивое развитие; регулирование туризма в Антарктике.

Для цитирования: Теймуров Э. С. Международно-правовое регулирование сохранения биоразнообразия в северных широтах (часть 1). *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 112–129. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.112-129

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

International Legal Regulation of Biodiversity Conservation in Northern Latitudes (Part 1)

Elvin S. Teymurov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Moscow, Russian Federation

Abstract. Environmental problems are one of the strongest drivers of the development of international law, in some cases, they do act as a way to restrict certain types of activities for certain states. They are of particular importance in the context of polar regions resources usage. The study aims to identify problems and formulate proposals for the development of Russia's legal position on the conservation of biodiversity in the northern latitudes, as well as to assess the applicability of the universal regime of biodiversity management and the experience of conservation of Antarctic biodiversity. Key threats to the conservation of biodiversity in the northern latitudes include climate change, fishing, marine pollution, tourism and insufficient scientific data on the ecosystems of the region. Fishing poses an immediate threat to the biodiversity of the Arctic, while other threats are the consequences of various human activities. Territorial claims in the Arctic have virtually no effect on the conservation and management of the region's biodiversity. There is no special treaty on combating climate change and its consequences in the Arctic, because the problem is caused by activities under the jurisdiction of states, has a global character and does not depend solely on the efforts of the Arctic states. Regarding the prevention of pollution of the Arctic marine environment, states recognize the applicability of universal international treaties and decisions of the International Maritime Organization. Legal regulation of tourism in the Arctic is carried out at the national level, with the mandatory implementation of universal environmental obligations, including environmental impact assessment, waste disposal, and the use of zonally linked management tools.

Keywords: biodiversity beyond national jurisdiction; Arctic biodiversity; combating climate change; prevention of marine pollution; legal regulation of fisheries; Arctic Ocean; international scientific and technical cooperation; Arctic cooperation; sustainable development; regulation of tourism in Antarctica.

Cite as: Teymurov ES. International Legal Regulation of Biodiversity Conservation in Northern Latitudes (Part 1). *Lex russica*. 2024;77(8):112-129. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.112-129

Acknowledgements. The reported study was carried out as part of the strategic academic leadership program «Priority-2030».

Введение

Благоприятная природная среда имеет перво-степенное значение для существования и развития человечества. Последствия нерационального взаимодействия общества и природы послужили прочной основой для включения возникших вопросов в состав глобальных проблем человечества. К ним относятся три подгруппы проблем:

— экологические проблемы — загрязнение окружающей среды, охрана почв, водного и воздушного бассейнов, сохранение фауны, флоры, генофонда;

— проблемы освоения обществом природы — дефицит природных ресурсов, энергетическая проблема;

— использование новых глобальных объектов природы — освоение космического пространства и Мирового океана¹.

Несмотря на значительное количество экологических инициатив различного характера на национальном, региональном и универсальном уровнях состояние окружающей среды всё еще представляет предмет для серьезного беспокойства. Среди Целей развития тысячелетия 2000 г. вопросы взаимодействия человека с окружающей природной средой получили наименьшее внимание: из восьми целей только одна была сформулирована как «обеспечение экологической устойчивости» (цель 7) и включала три задачи². При формировании Целей ООН в области устойчивого

¹ Чумаков А. Н. Социально-философские аспекты глобальных проблем : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. М., 1991. С. 37–38.

² Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 08.09.2000 A/RES/55/2 // URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N00/559/53/PDF/N0055953.pdf> (дата обращения: 21.10.2023).

развития 2015 г. уже пять целей являются «зелеными»:

1) обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех (цель 6);

2) обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства (цель 12);

3) принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями (цель 13);

4) сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития (цель 14);

5) защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия (цель 15)³.

При этом в ряде случаев фактически действия, которые формально направлены на защиту окружающей среды, могут выступать в качестве способа ограничения отдельных видов деятельности для определенных государств, завуалированно создавая угрозы их национальным интересам. Вышеуказанные проблемы и цели, направленные на их решение и дальнейшее предупреждение, имеют особую значимость в контексте развития и использования полярных регионов, в особенности Арктики. Географические и физические характеристики, удаленность, недоступность и экстремальные условия в течение тысячелетий сформировали уникальное биологическое разнообразие региона⁴. В то же время проблемы, обусловленные нерациональным природопользованием, прежде всего отражаются в полярных регионах и создают высокую степень уязвимости их биоразнообразия и отдельных видов в стремительно меняющихся условиях. С одной стороны, они открывают новые возможности для человечества по изучению региона, разведке, разработке и освоению его живых и неживых ресурсов. Например, в результате изменения климата и уменьшения ледяного покрова в Арктике открываются возможности построения и эффективного использования транспортно-логисти-

ческих коридоров, рыболовства, в том числе за счет миграции отдельных промысловых видов в новые доступные воды, добычи углеводородов и т.п. С другой стороны, это еще больше усугубляет негативное воздействие от человеческой деятельности на природу региона. С учетом уникального характера и особой уязвимости биоразнообразия Арктики исключительную значимость приобретает предосторожный и экосистемный подход при формировании нормативной базы регулирования отдельных видов деятельности.

В целях выявления существующих международно-правовых проблем и формулирования предложений для разработки и совершенствования правовой позиции Российской Федерации по вопросам сохранения биоразнообразия в северных широтах в рамках настоящего исследования анализируются угрозы биоразнообразию Арктики, в том числе от осуществления рыболовной деятельности, изменения климата, загрязнения морской среды и недостатка научных данных, оценивается применимость универсального режима управления биоразнообразием и опыта сохранения биоразнообразия Антарктики.

Угрозы биологическому разнообразию в северных широтах

В первую очередь необходимо определиться с понятийным аппаратом, касающимся биологического разнообразия. Определение биологического разнообразия содержится в ст. 2 Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.⁵ Под ним понимается «вариабельность живых организмов из всех источников, включая, среди прочего, наземные, морские и иные водные экосистемы и экологические комплексы, частью которых они являются; это понятие включает в себя разнообразие в рамках вида, между видами и разнообразие экосистем». Оно является достаточно емким и включает в том числе морское биоразнообразие, которым представлена большая часть арктического биоразнообразия. Понятие биоразнообразия также охватывает экосистемы.

³ Повестка дня в области устойчивого развития. Принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 A/RES/70/1. С. 22–23 // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1> (дата обращения: 21.10.2023).

⁴ Далее по тексту термины «биологическое разнообразие северных широт» и «арктическое биоразнообразие» используются как синонимичные.

⁵ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 21.10.2023).

Экосистема рассматривается как «динамичный комплекс сообществ растений, животных и микроорганизмов, а также их неживой окружающей среды, взаимодействующих как единое функциональное целое» (ст. 2 Конвенции о биоразнообразии).

Аналогичное понимание экосистем сформулировано в докладах Комиссии международного права ООН: экологические единицы, состоящие из живых и неживых компонентов, которые взаимозависимы и функционируют как общее целое⁶.

Еще более узким по содержанию понятием являются «биологические ресурсы», включающие «генетические ресурсы, организмы или их части, популяции или любые другие биотические компоненты экосистем, имеющие фактическую или потенциальную полезность или ценность для человечества».

Таким образом, рассмотрение вопросов международно-правового регулирования сохранения биоразнообразия влечет необходимость учета регулятивных мер в отношении использования и охраны живых организмов их частей из всех источников и с учетом их взаимосвязей, включая экосистемы и экологические комплексы частью которых они являются, в том числе их неживой окружающей среды.

К ключевым угрозам сохранению биоразнообразия в северных широтах в настоящее время следует отнести:

- изменение климата, включая таяние ледников и ухудшение состояния среды;
- рыболовство, том числе привнесение инвазивных видов;
- загрязнение морской среды;
- туризм;
- недостаток научных данных об экосистемах региона.

Проблемы в области сохранения биоразнообразия в северных широтах не являются новыми. В целом они идентичны тем проблемам, по которым государствами в той или иной степени

уже выработаны решения, будь то институциональные формы сотрудничества, договорные инструменты или источники «мягкого права».

М. Бекер, исследуя возможности дальнейшего развития международно-правового сотрудничества, отмечает, что существующий международно-правовой режим Арктики не гарантирует то, что государства будут постоянно действовать в соответствии с установленными международными стандартами, однако он является отправной точкой, показывающей, что проблемы Арктического региона не являются абсолютно новыми и неизвестными для государств⁷.

Другой крупный специалист в этой области К. Джойнер приходит к выводу, что в ближайшие годы государства должны в порядке предосторожности определить развитие правового режима Арктики. По его мнению, угрозы, с которыми мы сталкиваемся, отражают ранее известные проблемы, поэтому действующий правовой режим, дополняемый с учетом накопленного мирового опыта, должен успешно с ними справиться⁸.

Р. Рэйфюз, рассматривая угрозы морскому биоразнообразию полярных регионов, заключает, что они отражают угрозы морскому биоразнообразию в целом: вред от добывающих (рыболовство, охота на китов, биоразведка и др.) и не связанных с добычей ресурсов (судоходство, туризм, научные исследования, прокладка трубопроводов и кабелей, в том числе загрязнение различными выбросами и привнесение инвазивных видов) видов деятельности. Угрозой биоразнообразию в центральной части Северного Ледовитого океана являются незаконный, несообщаемый и нерегулируемый промысел и чрезмерная добыча криля для рыболовных ферм. Как видим, эти виды деятельности не являются новыми, но увлечение их интенсивности и объема порождает серьезные угрозы морскому биоразнообразию⁹.

Аналогичные подходы прослеживаются и в работах отечественных специалистов в области

⁶ См.: Yearbook of the International Law Commission. 1994. Vol. II. Part 2. P. 118 ; Доклад Комиссии международного права о работе ее пятьдесят восьмой сессии : документ ООН A/61/10. Нью-Йорк : ООН, 2006. С. 223.

⁷ Becker M. A. Russia and the Arctic: Opportunities for Engagement within the Existing Legal Framework // American University International Law Review. 2010. Vol. 25. P. 235.

⁸ Joyner C. C. The Legal Regime for the Arctic Ocean // Journal of Transnational Law & Policy. 2009. Vol. 18. P. 244–245.

⁹ Rayfuse R. Protecting Marine Biodiversity in Polar Areas beyond National Jurisdiction // Review of European Community & International Environmental Law. 2008. Vol. 17. Iss. 1. P. 5.

международного морского права и правового режима Арктики¹⁰.

Определенное сходство проблем, стоящих перед государствами в Арктике, с вызовами, которые имеются на другом полюсе Земли — в Антарктике, порождает необходимость отметить еще одну проблему, связанную с территориальными притязаниями государств. Кроме того, в целом отдельно следует рассмотреть возможность рецепции опыта формирования международно-правового режима Антарктики.

Что касается территориальных притязаний на различные пространства Арктики, то, действительно, после установки Российской Федерацией государственного флага на дне Северного Ледовитого океана в августе 2007 г. начались алармистские призывы относительно судьбы Арктики и необходимости скорейшего принятия отдельного международного договора о правовом режиме Арктики¹¹. Многие ученые и дипломаты ошибочно полагают, что отсутствует международно-правовой режим Арктики, и предлагают заключить соглашение, аналогичное Договору об Антарктике 1959 г.¹², однако это не соответствует действительности, и в обозримом будущем заключение подобного соглашения вряд ли возможно¹³.

Как справедливо отмечает М. Бекер, XXI век — это не период Дикого Запада, основанный на полном произволе государств в

Арктическом регионе, режим Арктики должен развиваться в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁴

Предложения о разработке специального международного договора для определения правового режима Арктики не нашли поддержки среди арктических государств. Они¹⁵ неоднократно заявляли об отсутствии необходимости и какой-либо заинтересованности в разработке самостоятельного международного договора об Арктике, отмечая применимость положений Конвенции ООН по морскому праву и других международных договоров¹⁶. Все арктические государства являются участниками этой Конвенции, за исключением США, при этом они также разделяют обозначенную позицию о применимости норм международного морского права и фактически применяют их как обычно-правовые нормы¹⁷.

Конвенция ООН по морскому праву является краеугольным камнем международно-правового режима Арктики. Практически все ее положения применимы к международному сотрудничеству в Арктике. Именно из нее выкристаллизовались основные направления регулирования деятельности в Арктике:

- определение пространственных пределов юрисдикции;
- регулирование судоходства;
- управление рыболовством;

¹⁰ См.: Беркман П., Вылегжанин А. Н., Янг О. Применение и толкование соглашения об усилении международного научного сотрудничества в Арктике // Московский журнал международного права. 2017. № 3. С. 11 ; Бекашев К. А., Бекашев Д. К., Кац Е. С. Современный международно-правовой режим Северного Ледовитого океана // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 43 ; Гаврилов В. В., Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Толкование и применение статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в условиях сокращения ледового покрова Арктики // Журнал российского права. 2017. № 12 (252). С. 151–160.

¹¹ Rayfuse R. Op. cit. P. 13.

¹² URL: <https://www.ats.aq/r/antarcticreaty.html> (дата обращения: 21.10.2023).

¹³ Joyner C. C. Op. cit. P. 198–199.

¹⁴ Becker M. A. Op. cit. P. 225–227 ; McDorman T. L. The Outer Continental Shelf in the Arctic Ocean: Legal Framework and Recent Developments // Law, Technology and Science for Oceans in Globalisation / ed. by D. Vidas. Brill, 2010. P. 499–520 ; Corell H. The United Nations Convention on the Law of the Sea in the Present Geo-Political Situation // Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction / ed. by M. H. Nordquist. Brill, 2021. P. 8.

Аналогичная позиция поддерживается российскими специалистами, см.: Бекашев К. А., Бекашев Д. К., Кац Е. С. Указ. соч. С. 41 ; Колодкин Р. А. Договор с Норвегией: разграничение для сотрудничества // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 14.

¹⁵ «Арктическая пятерка», включающая Россию, США, Канаду, Данию и Норвегию.

¹⁶ Ilulissat Declaration, 28 May 2008 // URL: <https://arcticportal.org/images/stories/pdf/Ilulissat-declaration.pdf> (дата обращения: 21.10.2023) ; Tromsø Declaration, 29 April 2009 // URL: <https://oarchive.arctic-council.org/items/e338fb6f-5096-44b1-9807-76e784ba1c2c> (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁷ Becker M. A. Op. cit. P. 225–227.

- разведка и разработка неживых ресурсов;
- предотвращение загрязнения морской среды;
- предотвращение преступлений на море;
- обеспечение безопасности и мирного использования пространств и их ресурсов.

Более того, арктические государства отмечают свою особую роль в сохранении Арктики; в частности, это сделано в Соглашении о сохранении белых медведей 1973 г.¹⁸, Соглашении о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана 2018 г.¹⁹ и Илулиссатской декларации «Арктической пятерки» 2008 г. Ряд иных заинтересованных в развитии этого региона государств также принимают активное участие в деятельности Арктического совета.

Территориальные притязания в Арктике прежде всего касаются делимитации континентальных шельфов за пределами 200 морских миль. Практически все морское дно Арктики будет признано континентальными шельфами прибрежных государств. К. А. Бекашевым и Д. К. Бекашевым подробно проанализированы вопросы разграничения континентальных шельфов приарктических государств. Проведенный авторами анализ свидетельствует о том, что государства, несмотря на имеющиеся разногласия по отдельным моментам, достигли соглашений и не возражают относительно рассмотрения Комиссией по границам континентального шельфа их заявок на определение границ шельфа за пределами 200 морских миль²⁰.

В Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г., утвержденных Указом Президента от 05.03.2020 № 164²¹, в качестве одной из целей государственной политики прямо закреплено «осуществление взаимовыгодного сотрудничества и мирное разрешение всех споров в регионе на основе международного права». В документе также определен целый блок задач в области развития международного сотрудни-

чества, включающий «сохранение взаимодействия с арктическими государствами по вопросу разграничения континентального шельфа в Северном Ледовитом океане с учетом национальных интересов Российской Федерации, на основе норм международного права и достигнутых договоренностей» (пп. «г» п. 16). При этом, несмотря на то, что в Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года²² среди особенностей региона, определяющих специальные подходы к социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности в Арктике, отмечается рост конфликтного потенциала, на практике серьезные основания для наращивания конфликтного потенциала и отказа от ранее достигнутых договоренностей среди арктических государств не наблюдаются. Политические разногласия не препятствовали продуктивному международному сотрудничеству арктических государств. В то же время следует оговориться, что определенные деструктивные действия со стороны ряда западных государств имели место в 2022 г. Заявлениями от 3 марта и 8 июня 2022 г. семь государств-членов фактически обозначили временный отказ от участия в деятельности Арктического совета в период председательства Российской Федерации, что привело к невозможности работы данного межправительственного форума. Однако, несмотря на тревожные прогнозы²³, представляется, что эти действия носят временный характер и не приведут к отказу от ранее достигнутых договоренностей. Исключение Российской Федерации из сферы международного сотрудничества в Арктике невозможно как юридически, так и фактически. Россия, в отличие от США, гораздо более активно вовлечена в международную деятельность в Арктике и открыта к сотрудничеству в рамках международного права, что отмечается и западными специалистами²⁴.

¹⁸ URL: <http://library.arcticportal.org/1867/1/Agreement-on-the-Conservation-of-Polar-Bears.pdf> (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202106280035> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁰ Бекашев К. А., Бекашев Д. К., Кац Е. С. Указ. соч. С. 41–43.

²¹ СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1317.

²² Указ Президента РФ от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 6970.

²³ См.: Вылегжанин А. Н., Лысенко М. Н., Вяхирева Н. С., Снятков А. А. Будущее Арктического совета: рабочая тетрадь № 75/2023 / Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2023.

²⁴ Becker M. A. Op. cit. P. 249–250.

Совсем недавно, 14 июня 2022 г., был разрешен один из давних территориальных споров относительно притязаний на острова Ханс и Элсмир между Гренландией и Канадой путем заключения мирного соглашения²⁵.

Помимо вопросов разграничения континентальных шельфов арктических государств, в настоящий момент в Арктическом регионе остается нерешенной только делимитация территориальных морей и исключительных экономических зон между Канадой и США²⁶.

Имеются также некоторые разногласия по Северному морскому пути и Северо-Западному проходу. Тем не менее практика международного взаимодействия в регионе доказывает, что потенциал переговоров выше, чем споров и судебных или арбитражных тяжб, не стоит ожидать серьезных конфликтов на почве территориальных притязаний²⁷.

На основании некоторого тождества угроз полярным регионам необходимо также уделить внимание возможностям рецепции опыта межгосударственного взаимодействия в Антарктике. Несмотря на критику режима Арктики и поиск путей его развития по аналогии с системой Договора об Антарктике 1959 г.²⁸, модель правового режима Антарктики неприменима к Арктике по целому ряду причин. Во-первых, географические особенности и обусловленные ими территориальные вопросы. Антарктика представляет собой материк, окруженный океаном, тогда как Арктика, наоборот, представлена преимущественно Северным Ледовитым океаном и иными водными объектами, окруженными материками. Практически все морское дно Арктики будет признано континентальными шельфами прибрежных государств. Участки открытого моря составляют меньшую долю водных пространств региона. Таким образом, большая часть пространств Арктики находится под юрисдикцией арктических государств, тогда

как территориальные притязания в Антарктике заморожены на основании Договора об Антарктике 1959 г. и в регионе установлен особый международно-правовой режим.

Во-вторых, обусловленное пространственной принадлежностью развитие нормативной базы. На обоих полюсах регулирование различных видов деятельности осуществляется преимущественно путем рекомендательных актов. При этом в Антарктике рекомендательные инструменты впоследствии приобрели форму договоров. Нормативная база в Антарктике преимущественно международно-правовая и успешно развиваются уже в течение более чем 60 лет. Регулирование деятельности в Антарктике базируется на трех подходах:

а) модель Договора об Антарктике 1959 г., открытого для всех;

б) модели договоров по отдельным вопросам, открытых для всех потенциальных заинтересованных государств (например, конвенции о сохранении антарктических тюленей 1972 г., о сохранении морских живых ресурсов 1980 г., по регулированию освоения минеральных ресурсов Антарктики 1988 г.);

в) модель дополнительных закрытых договоров, т.е. только для участников общего договора, например Мадридский протокол по охране окружающей среды к Договору об Антарктике 1991 г., дополняющий договор и не имеющий цели каким-либо образом изменить его²⁹.

В Арктике имеется ряд специальных для региона договоров, заключенных арктическими и иными заинтересованными государствами по отдельным вопросам: Соглашение о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана, Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества 2017 г.³⁰ (далее также — Соглашение 2017 г.), Соглашение о сотрудничестве

²⁵ Canada and the Kingdom of Denmark, together with Greenland, reach historic agreement on longstanding boundary disputes // URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2022/06/canada-and-the-kingdom-of-denmark-together-with-greenland-reach-historic-agreement-on-long-standing-boundary-disputes.html> (дата обращения: 21.10.2023).

²⁶ Corell H. Op. cit. P. 8–9.

²⁷ Аналогичная позиция высказывается российскими и зарубежными специалистами. См.: Becker M. A. Op. cit. P. 243–244 ; McDorman T. L. Op. cit. P. 499 ; Бекашев К. А., Бекашев Д. К., Кац Е. С. Указ. соч. С. 42–43.

²⁸ Koivurova T. Environmental Protection in the Arctic and Antarctic: Can the Polar Regimes Learn from Each Other // International Journal of Legal Information. 2005. Vol. 33. Iss. 2. P. 204 ; Rayfuse R. Op. cit. P. 3.

²⁹ Koivurova T. Op. cit. P. 207.

³⁰ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805230001> (дата обращения: 21.10.2023).

в сфере готовности и реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике 2013 г.³¹ (далее также — Соглашение 2013 г.), Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике 2011 г.³² Однако в отличие от Антарктики нормативная база в Арктике всё же преимущественно остается национально-правовой.

В-третьих, Арктика, в отличие от Антарктики, имеет постоянное население, что не может не отражаться в нормативной базе. Представители шести организаций коренных народов Арктики являются активными участниками Арктического совета³³ и имеют возможность обеспечить учет своих интересов при развитии правового режима и планировании отдельных видов деятельности.

Наконец, существенное различие проявляется в вопросах милитаризации. В соответствии со ст. I Договора об Антарктике 1959 г. «Антарктика используется только в мирных целях. Запрещаются, в частности, любые мероприятия военного характера, такие как создание военных баз и укреплений, проведение военных маневров, а также испытания любых видов оружия». Конечно, относительно Арктики тоже презюмируется мирное использование пространств и ресурсов региона. Так, статья 88 Конвенции ООН по морскому праву предписывает, что в открытом море можно заниматься мирными видами деятельности, не причиняющими вред морской среде и ее обитателям, т.е. свободы открытого моря ограничены этой нормой. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 г. к основным национальным интересам России относят «сохранение Арктики как территории мира, стабильного и взаимовыгодного партнерства» (пп. «б» п. 5). При этом в качестве угроз национальной безопасности России документ отмечает «наращивание иностранными государствами военного присутствия в Арктике и возрастание конфликтного потенциала» (пп. «г» п. 8). В связи с этим предусмотрен комплекс задач, направленных на повышение военного по-

тенциала Российской Федерации в регионе для обеспечения безопасности. Таким образом, в Арктике не только не установлен запрет на мероприятия военного характера или размещение военных баз и укреплений, наоборот, создание и модернизация объектов военной инфраструктуры, повышение боевых возможностей группировок войск являются стратегическими задачами арктических государств.

Среди вышеобозначенных угроз биологическому разнообразию северных широт непосредственно с использованием биологических ресурсов связано рыболовство, остальные угрозы являются последствиями различных видов человеческой деятельности. В связи с этим в настоящей работе будут кратко представлены элементы международно-правового регулирования предотвращения негативных последствий этих видов деятельности и осуществлен анализ проблем сохранения биоразнообразия за пределами национальной юрисдикции в контексте регулирования рыболовной деятельности — в самом широком смысле.

1. Изменение климата

Арктика является индикатором глобального изменения климата. Изменение климата и уменьшение ледяного покрова в Арктике служат стимулом для освоения региона и его ресурсов, в том числе возможности построения и эффективного использования транспортно-логистических коридоров, добычи углеводородов, рыболовства, в частности за счет миграции отдельных промысловых видов в новые доступные воды, и т.д.

В Специальном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата «О состоянии океанов и криосферы в условиях меняющегося климата» 2019 г. подчеркивается, что в зимние периоды (январь — март) 2016–2018 гг. температура воздуха в центральной части Арктики была на 6 °C выше среднего значения за 1981–2010 гг. и превышает показатели любого года с 1900-х гг.³⁴ Наблюдается потепление вод Северного Ледовитого

³¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201604120009> (дата обращения: 21.10.2023).

³² URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/items/8982aa86-bbaa-4062-8a06-1dbf9d9054ef> (дата обращения: 21.10.2023).

³³ Постоянные участники Арктического совета // URL: <https://arctic-council.org/ru/about/permanent-participants/> (дата обращения: 21.10.2023).

³⁴ IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. Cambridge University Press, 2019. P. 205.

океана и сильнейшее за весь период уменьшение количества плотного многолетнего льда (хотя бы пятилетней мерзлоты) — на 90 %³⁵. Следствием этого является увеличение судозависимых маршрутов и периодов. Согласно прогнозам Межправительственной группы экспертов по изменению климата при таком же росте температуры Баренцево море к 2050 г. даже в зимние периоды будет свободным от ледяного покрова³⁶. Такой высокий темп и масштабы сокращения многолетнего льда являются крайне тревожными, т.к. только способствуют эффекту полярного усиления, во многом объясняемому альбедным механизмом: отражающая способность воды или тонкого льда гораздо ниже отражающей способности толстых слоев льда, в связи с чем эти поверхности поглощают больше солнечных лучей и быстрее нагреваются, приводя к повышению температуры в целом³⁷.

В рамках Арктического совета проблемами изменениями климата и его последствий для арктических экосистем занимаются две рабочие группы: Программа арктического мониторинга и оценки и Рабочая группа по сохранению арктической флоры и фауны³⁸. Эксперты рабочих групп Арктического совета также отмечают, что температура Арктики повышается в три раза быстрее, чем в других регионах планеты³⁹.

Несмотря на недостаточную изученность воздействия экосистем на изменение климата, в настоящее время большинство исследователей всё же считают человеческую деятельность главным фактором изменений⁴⁰.

Специальный договор относительно борьбы с изменением климата и его последствиями в Арктическом регионе отсутствует, что является оправданным, т.к. проблема обусловлена деятельностью под юрисдикцией государств, имеет глобальный характер, т.е. обусловлена действиями значительного числа стран, не зависит исключительно от усилий арктических государств и решается на универсальном уровне.

Ключевая роль в развитии международно-правового сотрудничества государств по вопросам борьбы с изменением климата принадлежит Рамочной конвенции по изменению климата 1992 г.⁴¹ (далее — РКИК), поскольку она была создана как основной инструмент международного сотрудничества по смягчению негативных последствий изменения климата, и Парижскому соглашению 2015 г.⁴²

В литературе высказывалась критика относительно недостатков РКИК: она устанавливает только общие нормы, обязывающие государства действовать определенным образом, но не предполагающие какого-либо механизма их исполнения, и не содержит промежуточных целей, а также ограничений по срокам⁴³. В то же время Парижское соглашение 2015 г. как протокол к РКИК также характеризуется отсутствием механизма принуждения и довольно «мягким» механизмом контроля, что способствовало к присоединению к нему широкого круга государств.

Несмотря на имеющиеся недостатки, именно РКИК и Парижское соглашение 2015 г. составляют основу правового режима Арктики

³⁵ IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. P. 205.

³⁶ IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. P. 206, 225.

³⁷ См.: *Jouner C. C.* Op. cit. P. 196; *Репина И. А., Тихонов В. В.* Снежницы на поверхности льда в летний период и их связь с климатическими изменениями в Арктике // *Российская Арктика*. 2018. № 2. С. 15.

³⁸ Climate change impacts on Arctic ecosystems and associated climate feedbacks // URL: <https://caff.is/climate-change> (дата обращения: 21.10.2023).

³⁹ The Arctic in a Changing Climate // URL: <https://arctic-council.org/explore/topics/climate> (дата обращения: 21.10.2023).

⁴⁰ См. подробнее доклады Межправительственной группы экспертов по изменению климата об оценке изменения климата. См. также: *Djoghla A.* Climate Change and Biodiversity in Polar Regions // *Sustainable Development Law & Policy*. 2008. Vol. 8 Iss. 3. P. 15; *Rayfuse R.* Op. cit. P. 6; *Гарафова Д. И.* Сохранение климата Земли: международно-правовое регулирование и особенности имплементации в национальном законодательстве отдельных государств : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. С. 20–36.

⁴¹ URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 21.10.2023).

⁴² URL: https://unfccc.int/files/meetings/paris_nov_2015/application/pdf/paris_agreement_russian_.pdf (дата обращения: 21.10.2023).

⁴³ См.: *Гарафова Д. И.* Указ. соч. С. 103.

в сфере борьбы с изменением климата и его последствиями. Все арктические государства являются участниками Парижского соглашения 2015 г.⁴⁴

Кроме того, применимыми являются международно-правовые нормы, посвященные вопросам охраны атмосферы и предотвращению загрязнения воздуха, в частности Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 г. и протоколов к ней, Венской конвенции об охране озонового слоя 1985 г. и Монреальского протокола к ней 1987 г. и др.

2. Загрязнение морской среды

Предотвращение загрязнения морской среды Арктики является ключевым условием сохранения и долгосрочного рационального использования уникальной природной среды и ресурсов региона. Географические и климатические характеристики Арктики, затрудняющие доступ к отдельным районам, поставку необходимого оборудования и т.п., способны лишь усугубить негативные последствия от загрязнения и растянуть восстановление экосистем на долгие годы.

Осознавая значимость правового регулирования деятельности по предотвращению загрязнения и с учетом планов по разработке арктических месторождений и возможных негативных последствий этой деятельности, арктические государства в 2011 г. в Нуукской декларации по результатам 7-й министерской сессии Арктического совета приняли решение о создании Целевой группы для разработки к 2013 г. международного документа в сфере готовности и реагирования на загрязнение моря нефтью⁴⁵.

В 2013 г. был заключен второй международный договор, разработанный под эгидой Арктического совета, — Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике. Соглашение распространяется на инциденты, имеющие место в морских пространствах, находящихся под суверенитетом или юрисдикцией арктических государств, включая внутренние воды, территориальное море, исключительную экономическую

зону и континентальный шельф (ст. 3). Стороны соглашения взяли на себя обязательства по поддержанию национальной системы быстрого и эффективного реагирования на инциденты, вызывающие загрязнение нефтью, включающей размещение в заранее определенных местах специального оборудования, программы учений, планы, средства связи и механизм координации для реагирования на соответствующие инциденты (ст. 4). Стороны также обязаны предпринять надлежащие действия по мониторингу с целью выявления инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью (ст. 8).

В Соглашении 2013 г. также разрешены вопросы, связанные с оказанием помощи для реагирования на инциденты по запросу других государств, проведением совместных операций и учений, сотрудничеством и обменом информацией, порядком контроля выполнения и урегулирования возникающих споров.

Соглашение 2013 г. определяет его соотношение с иными международными соглашениями и обязательствами государств по обычному международному праву, как оно отражено в Конвенции ООН по морскому праву. Исходя из формулировки ст. 16 Соглашения 2013 г., оно никак не изменяет, а лишь дополняет соответствующие обязательства государств.

Кроме того, в преамбуле Соглашения 2013 г. признается роль Международной морской организации в разработке и принятии дополнительных норм и стандартов по предотвращению рисков, связанных с деятельностью в арктической среде.

Таким образом, арктические государства прямо признают применимость в Арктике иных соглашений и решений Международной морской организации, направленных на предотвращение загрязнения морской среды. В первую очередь речь идет о соответствующих положениях Конвенции ООН по морскому праву. Кроме того, применимы Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 г., Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1978 г. (МАРПОЛ), Международная конвенция о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью 1992 г., Меж-

⁴⁴ США, несмотря на выход 4 ноября 2019 г. из соглашения, 20 января 2021 г. снова присоединились к нему (URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVII-7-d&chapter=27) (дата обращения: 21.10.2023).

⁴⁵ Nuuk Declaration, May 12, 2011 // URL: <https://oaarchive.arctic-council.org/items/c47f7683-fbc2-41d9-ad79-17577c887e20> (дата обращения: 21.10.2023).

дународная конвенция о контроле судовых балластных вод и осадков и управлении ими 2004 г., Международный кодекс для судов, эксплуатирующихся в полярных водах, 2014 г. (Полярный кодекс) и др.

3. Туризм

Другим видом деятельности, имеющим негативные последствия для сохранения биоразнообразия в северных широтах, является туризм. Полярные регионы привлекательны для туристов прежде всего уникальной первозданной природой, особыми географическими и климатическими условиями, этнокультурной особенностью народов Арктики. Согласно данным Консультативных совещаний сторон Договора об Антарктике и Международной ассоциации туристических операторов Антарктики, туризм в регионе начал развиваться с начала 1980-х гг.⁴⁶ Международный союз охраны природы отмечает, что с 1992 по 2020 г. количество туристических поездок в Антарктику увеличилось десятикратно⁴⁷. В 2022–2023 гг. Антарктику в туристических целях посетили более 105 тыс. человек⁴⁸.

Заместитель главы Минвостокразвития России Э. Р. Нургалиева в выступлении в рамках Петербургского экономического форума — 2023 презентовала ключевые инструменты развития арктических территорий страны, отметив, что «эти инструменты активировали туристическую отрасль — резиденты реализуют 116 инвестпроектов на 38,6 млрд руб., а каждый четвертый из 4,8 тыс. получателей “гектаров” открывает на своей земле туристский или рекреационный проект»⁴⁹.

Согласно подсчетам исследователей, по состоянию на 2020 г. в регионы Арктической зоны Российской Федерации предлагались 449 различных туров⁵⁰. Туристический поток за 2020 г. в эти регионы России составил 904 тыс. человек, продемонстрировав рост на 47,4 % за последние 10 лет⁵¹. Большинство турпотоков в арктические регионы обеспечивают США, Австралия, Великобритания и Германия. При этом туроператорами предлагаются самые разные виды туризма: этнокультурный, экологический, спортивный, экстремальный и т.д. В связи с этим следует оговориться, что в литературе высказывалось мнение о том, что экологический туризм мог бы стать решением проблемы чрезмерного использования ресурсов⁵². Однако оно было подвергнуто критике по ряду оснований, в частности:

- привлечение внимания к ресурсам может еще сильнее повысить спрос на них;
- происходит перевес экономической выгоды над экологической устойчивостью;
- осуществляется привнесение инвазивных видов;
- сохраняется высокий риск причинения вреда традиционным видам использования ресурсов;
- создается видимость защищенности ресурсов, последствием которой может стать деградация функций управления использованием и сохранением биоразнообразия;
- это может привести к созданию некоторой элитарности и ограничений доступа к ресурсам для определенных слоев населения, и т.д.⁵³

⁴⁶ Tourism and Non-Governmental Activities // URL: <https://www.ats.aq/e/tourism.html> (дата обращения: 21.10.2023).

⁴⁷ Impacts of tourism in Antarctica // URL: <https://www.iucn.org/resources/issues-brief/impacts-tourism-antarctica> (дата обращения: 21.10.2023).

⁴⁸ Antarctic visitor statistics // URL: <https://iaato.org/information-resources/data-statistics/visitor-statistics/visitor-statistics-downloads> (дата обращения: 21.10.2023).

⁴⁹ Развитие туризма в Арктике и создание новых инструментов поддержки обсудили на панельной дискуссии в рамках ПМЭФ // URL: <https://erdc.ru/news/razvitie-turizma-v-arktike-i-sozdanie-novykh-instrumentov-podderzhki-obsudili-na-panelnoy-diskussii> (дата обращения: 21.10.2023).

⁵⁰ Баяскаланова Т. А., Куклина М. В., Богданов В. Н. Туризм в российской Арктике: проблемы и возможности развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. № 1. С. 114.

⁵¹ Ноева Е. Е. Арктический туризм: международный и национальный аспекты, проблемы и особенности развития // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (29). С. 48–49.

⁵² Коростелев Е. М., Гаврилов Ю. Г. Развитие экологически безопасного туризма в Арктической зоне Российской Федерации // Туризм и экономика. 2019. № 1. С. 22–25.

⁵³ Fontaubert C. A. de, Downes D. R., Agardy T. S. Biodiversity in the Seas: Implementing the Convention on Biological Diversity in Marine and Coastal Habitats // Georgetown International Environmental Law Review. 1998. Vol. 10. P. 767.

Рабочая группа Арктического совета по сохранению арктической флоры и фауны отмечает следующие негативные последствия развития туризма в регионе:

— увеличение трафика судоходства и полетов, создающее риски аварий, загрязнения топливом и шумового загрязнения, привнесения инвазивных видов;

— уничтожение естественной среды обитания животных и птиц наиболее привлекательных зон чрезмерным потоком людей;

— потенциальные конфликты между туристами-охотниками и коренным населением;

— загрязнение природной среды обитания мусором и отходами, разложение которых в суровых климатических условиях может занять десятилетия⁵⁴.

В рамках правового режима Антарктики сформирован целый комплекс актов в области регулирования туристической деятельности. К ним можно отнести как международные договоры и акты Консультативных совещаний сторон Договора об Антарктике, так и значительное число национальных актов и источников «мягкого права». Так, согласно пп. «а» п. 5 ст. 7 Договора об Антарктике 1959 г. «каждое государство уведомляет другие государства, участвующие в Договоре, о всех экспедициях в Антарктику или в пределах Антарктики, совершаемых его судами или гражданами, и всех экспедициях в Антарктику, организуемых на его территории или направляющихся с его территории».

В Мадридском протоколе об охране окружающей среды к Договору об Антарктике от 04.10.1991⁵⁵ вопросы туризма отдельно не затрагиваются, но обязательным для государств-участников и для всех частных лиц, находящихся под их юрисдикцией, является соблюдение сформулированных в нем природоохранных обязательств и процедур: оценка воздействия на окружающую среду, защита фауны и флоры, утилизация отходов, предотвращение загрязнения морской среды с судов и учет особенностей охраняемых территорий.

Кроме того, в районе действия Договора об Антарктике применимы положения из соглашений Международной морской организации, включая МАРПОЛ 1978 г., Международную конвенцию по охране человеческой жизни на море 1974 г. (СОЛАС), Международную конвенцию по стандартам подготовки, дипломирования и несения вахты моряков 1995 г. и Полярный кодекс.

Регулятивное значение имеют и положения Общего руководства для посетителей Антарктики 2021 г.⁵⁶, а также решения Консультативных совещаний сторон Договора об Антарктике, подробный перечень которых представлен в Справочнике по правилам и руководствам, касающимся туризма и неправительственной деятельности в районе действия Договора об Антарктике⁵⁷.

Правовой режим Антарктики существенным образом дополняется на национальном уровне, т.к. государства несут особую ответственность за деятельность частных лиц под их юрисдикцией. Так, в Российской Федерации приняты Федеральный закон от 05.06.2012 № 50-ФЗ «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике», постановления Правительства РФ от 15.11.2012 № 1168 «О полномочиях федеральных органов исполнительной власти, связанных с регулированием деятельности в Антарктике», от 27.06.2013 № 544 «О разрешениях на осуществление деятельности в Антарктике», от 11.10.2019 № 1309 «О проведении национальной инспекции в Антарктике» (вместе с Правилами проведения национальной инспекции в Антарктике).

В Арктике наблюдается иная ситуация. С учетом вышеизложенного анализа различий режимов Антарктики и Арктики, а также развития полярного туризма в северных широтах, преимущественно в районах в пределах юрисдикции арктических государств, нормативное регулирование этой деятельности осуществляется на национальном уровне. В России это прежде всего Федеральный закон от 24.11.1996

⁵⁴ Snyder J. Tourism in the Polar Regions. The Sustainability Challenge // United Nations Environment Programme, 2007. P. 15.

⁵⁵ URL: <https://www.ats.aq/r/antarctictreaty.html> (дата обращения: 21.10.2023).

⁵⁶ General Guidelines for Visitors to the Antarctic, 2021 // URL: <https://www.ats.aq/e/tourism.html> (дата обращения: 21.10.2023).

⁵⁷ ATCM Manual for tourism activities, 2023 // URL: <https://www.ats.aq/e/tourism.html> (дата обращения: 21.10.2023).

№ 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», а также принятые в его развитие нормативные акты субъектов Арктической зоны России⁵⁸. Тем не менее для арктических государств как участников универсальных соглашений в области охраны окружающей среды и, следовательно, частных лиц, находящихся под их юрисдикцией, является обязательным соблюдение сформировавшихся природоохранных обязательств, в числе которых проведение оценки воздействия планируемых видов деятельности на окружающую среду, защита фауны и флоры, утилизация отходов, предотвращение загрязнения морской среды с судов, применение зонально привязанных инструментов хозяйствования и учет их особенностей и др.

4. Недостаток научных данных об экосистемах региона

Принятие решений на основе лучших имеющихся научных данных в настоящее время является сложившейся практикой планирования и осуществления отдельных видов деятельности, которые в силу своей природы способны нанести вред окружающей среде⁵⁹. Проект текста соглашения на базе Конвенции ООН по морскому праву о сохранении и устойчивом использовании морского биологического разнообразия в районах за пределами действия национальной юрисдикции 2020 г. определяет необходимость учета лучших имеющихся научных данных, в том числе научную информацию и соответствующие традиционные знания коренных народов и местных общин. Статья 8 Конвенции о биоразнообразии предусматривает необходимость использования знаний, нововведений и практик коренных народов для сохранения биоразнообразия и обязанность государств сохранять их.

Проведение научных исследований и необходимость учета, сохранения и преумножения знаний коренных народов для принятия решений, в том числе в области сохранения биоразнообразия, отражены во многих декларациях Арктического совета⁶⁰.

С учетом особенностей биологического разнообразия, не зависящего от политических границ, международное научно-техническое сотрудничество в Арктике является критически важным для принятия эффективных решений и мер по управлению ресурсами региона. Наличие достоверных научных данных является необходимым условием рационального и устойчивого использования ресурсов.

На основании Кирунской декларации 2013 г. в рамках Арктического совета была учреждена целевая группа для работы, направленной на подготовку договоренности по улучшению научно-исследовательского сотрудничества между семью арктическими государствами. Результатом деятельности целевой группы явилось подписание в 2017 г. Соглашения по укреплению международного арктического научного сотрудничества.

В преамбуле Соглашения 2017 г. отмечается высокий уровень научного сотрудничества по вопросам Арктики в рамках различных международных организаций и инициатив, в частности Всемирной метеорологической организации, Международного совета по исследованию моря, Международного арктического научного комитета, Университета Арктики, Международной сети для наземных исследований и мониторинга в Арктике и др. Целью заключения Соглашения 2017 г. является укрепление сотрудничества в области научной деятельности для повышения результативности и эффективности развития научных знаний об Арктике.

Соглашение 2017 г. дополняет обязательства государств, вытекающие из иных международных договоров, в особенности Конвенции ООН по морскому праву, которая содержит значительный комплекс норм о проведении научных исследований. В нем нашли отражение:

- вопросы охраны интеллектуальной собственности от совместной деятельности;
- правила перемещения лиц, оборудования и материалов для осуществления научной деятельности;
- порядок доступа к исследовательской инфраструктуре, объектам, районам исследований и имеющимся научным данным;

⁵⁸ См. подробнее: Яковчук А. А. Основы регулирования туристской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Туризм: право и экономика. 2020. № 2. С. 17–21.

⁵⁹ См. подробнее: Теймуров Э. С. Наилучшие научные данные для установления зонально привязанных инструментов хозяйствования: международно-правовая характеристика // Lex russica. 2023. № 10 (203). С. 95–114.

⁶⁰ Kiruna Declaration, May 15, 2013 // URL: <https://oarchive.arctic-council.org/items/bc9e3845-fb69-40e8-a1da-0b516c4ffbd6> (дата обращения: 21.10.2023) ; Nuuk Declaration 2011 ; Tromsø Declaration 2009, etc.

- меры по развитию кадрового потенциала;
- контроль за выполнением Соглашения 2017 г. и компетентные органы;
- сотрудничество со сторонами, не являющимися участниками Соглашения 2017 г.;
- правила урегулирования возникающих споров.

Соглашение 2017 г. подвергалось подробному анализу в юридической литературе⁶¹ с указанием его высокой значимости и потенциала для развития Арктики. Так, Н. А. Соколова отмечает, что обозначенный международный договор не только формирует благоприятные условия научного сотрудничества в настоящее время, но и создает перспективу для международных научных исследований в Арктике, основными областями которых выступают охрана окружающей среды, борьба с изменениями климата и безопасность на море⁶².

Кроме того, при оценке значимости научных исследований для управления и сохранения биоразнообразия Арктики обращает на себя внимание то, что в Соглашении о предотвращении нерегулируемого промысла в открытом море в центральной части Северного Ледовитого океана государства прямо предусмотрели необходимость сотрудничества в области научно-исследовательской деятельности в целях углубления знаний о живых морских ресурсах для чего обязались выработать Совместную программу научных исследований и мониторинга (ст. 4). Это свидетельствует о том, что государства активно формируют и дополняют режим научных исследований в Арктике.

Таким образом, проблемы в области сохранения биоразнообразия в северных широтах не являются новыми, государствами в той или иной степени уже выработаны решения по подобным вопросам. Арктическими государствами и иными заинтересованными лицами на глобальном либо региональном уровне сформированы правовые режимы, позволяющие предотвратить либо минимизировать негативный эффект от каждой из существующих угроз арктическому биоразнообразию. Как показывает практика, потенциал переговоров в Арктике выше, чем споров и тяжб, не стоит ожидать серьезных конфликтов на почве территориальных притязаний или иных вопросов.

В целях предотвращения загрязнения морской среды и формирования прочной научной основы принятия эффективных решений по сохранению ресурсов Арктики и управлению ими заключены специальные соглашения под эгидой Арктического совета. Арктические государства также являются участниками глобальных процессов по предотвращению изменения климата и адаптации к его последствиям. Правовое регулирование туристической деятельности остается практически полностью на национальном уровне, однако не исключено, что потребуются консолидация лучших национальных практик на международном уровне.

Заключение

Проблемы в области сохранения биоразнообразия в северных широтах не являются новыми, государствами в той или иной степени уже выработаны решения по подобным вопросам. К ключевым угрозам сохранению биоразнообразия в северных широтах относятся изменение климата, включая таяние ледников и ухудшение состояния окружающей среды, рыболовство, в том числе привнесение инвазивных видов, загрязнение морской среды, туризм и недостаточные научные данные об экосистемах региона. Непосредственную угрозу биоразнообразию представляет рыболовство, остальные угрозы являются последствиями различных видов деятельности.

Территориальные притязания в Арктике практически не влияют на сохранение биоразнообразия региона и управление им. Они прежде всего касаются вопросов делимитации континентальных шельфов за пределами 200 морских миль, т.к. практически все морское дно Арктики будет признано континентальными шельфами прибрежных государств. Помимо вопросов разграничения континентальных шельфов, в арктическом регионе остается неразрешенной только делимитация морских пространств между США и Канадой. Тревожные прогнозы относительно дальнейшего развития международного сотрудничества, в том числе в рамках Арктического совета, носят временный характер. Исключение России из сферы

⁶¹ См.: Беркман П., Вылегжанин А. Н., Янг О. Указ. соч. С. 6–17; Соколова Н. А. Международное арктическое научное сотрудничество: институционализация правового режима // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9 (118). С. 120–130; Бекашев К. А., Бекашев Д. К., Кац Е. С. Указ. соч. С. 49–50.

⁶² Соколова Н. А. Указ. соч. С. 129.

международного сотрудничества в Арктике невозможно ни юридически, ни фактически, т.к. она более других государств вовлечена в международную деятельность и открыта к сотрудничеству в рамках международного права. Как показывает практика, потенциал переговоров в Арктике выше, чем споров, не стоит ожидать серьезных конфликтов на почве территориальных притязаний.

Несмотря на критику режима Арктики и поиск путей его развития по аналогии с системой Договора об Антарктике 1959 г., модель правового режима Антарктики неприменима к Арктике по целому ряду причин, в числе которых географические особенности и обусловленные ими территориальные вопросы, определяемое пространственной принадлежностью развитие нормативной базы (в Антарктике — преимущественно международно-правовая, в Арктике — национально-правовая), наличие постоянного населения в Арктическом регионе, вопросы милитаризации. Предложения о разработке специального международного договора для определения правового режима Арктики не нашли поддержки среди арктических государств. Они неоднократно заявляли о применимости Конвенции ООН по морскому праву и других международных договоров.

Специальный договор относительно борьбы с изменением климата и его последствиями в Арктическом регионе отсутствует, что является оправданным, т.к. проблема обусловлена деятельностью под юрисдикцией государств, имеет глобальный характер, не зависит исключительно от усилий арктических государств. Несмотря на имеющиеся недостатки, ключевая роль в развитии международно-правового сотрудничества государств в сфере борьбы с изменением климата и его последствиями в Арктике принадлежит РКИК и Парижскому соглашению 2015 г. Применимы также международные договоры по вопросам охраны атмосферы и предотвращению загрязнения воздуха, в частности Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния и протоколы к ней, Венская конвенция об охране озонового слоя и др.

Арктические государства прямо признают применимость в Арктике универсальных международных договоров и решений Международной морской организации, направленных на предотвращение загрязнения морской среды. В первую очередь это соответствующие по-

ложения Конвенции ООН по морскому праву, Конвенции по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов, МАРПОЛ 1978 г., Международной конвенции о гражданской ответственности за ущерб от загрязнения нефтью, Международной конвенции о контроле судовых балластных вод и осадков и управлении ими, Полярного кодекса и т.д. В дополнение общего режима в 2013 г. заключено Соглашение о сотрудничестве в сфере готовности и реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике.

Негативные последствия развития туризма в Арктике проявляются в увеличении трафика судоходства и полетов, вызывающего риски аварий, шумового загрязнения; загрязнении природной среды обитания топливом и мусором; уничтожении естественной среды обитания животных и птиц; конфликтах между туристами и коренным населением. В отличие от правового режима Антарктики, представленного целым комплексом актов в этой области, в Арктике нормативное регулирование туризма осуществляется на национальном уровне. Тем не менее для арктических государств является обязательной имплементация универсальных природоохранных обязательств, в числе которых проведение оценки воздействия планируемых видов деятельности на окружающую среду, утилизация отходов, предотвращение загрязнения морской среды, применение зонально привязанных инструментов хозяйствования и др.

Международное научно-техническое сотрудничество в Арктике является критически важным для принятия эффективных решений и мер по управлению ресурсами региона. Оно осуществляется в рамках таких международных организаций и инициатив, как Всемирная метеорологическая организация, Международный совет по исследованию моря, Международный арктический научный комитет, Университет Арктики и др. В целях развития и укрепления научно-технического сотрудничества в регионе в 2017 г. заключено специальное Соглашение по укреплению международного арктического научного сотрудничества. Оно создает прочную правовую основу для интенсификации текущих и проектирования новых научных исследований в целях получения лучших научных данных как основы для принятия эффективных решений по сохранению ресурсов Арктики и управлению ими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баяскаланова Т. А., Куклина М. В., Богданов В. Н. Туризм в российской Арктике: проблемы и возможности развития // Современные проблемы сервиса и туризма. 2020. № 1. С. 109–119.
- Бекашев К. А., Бекашев Д. К., Кац Е. С. Современный международно-правовой режим Северного Ледовитого океана // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 38–55.
- Беркман П., Вылегжанин А. Н., Янг О. Применение и толкование соглашения об усилении международного научного сотрудничества в Арктике // Московский журнал международного права. 2017. № 3. С. 6–17.
- Вылегжанин А. Н., Лысенко М. Н., Вяхирева Н. С., Снятков А. А. Будущее Арктического совета : рабочая тетрадь № 75/2023 / Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. 24 с.
- Гаврилов В. В., Дремлюга Р. И., Крипакова А. В. Толкование и применение статьи 234 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в условиях сокращения ледового покрова Арктики // Журнал российского права. 2017. № 12 (252). С. 151–160.
- Гарафова Д. И. Сохранение климата Земли: международно-правовое регулирование и особенности имплементации в национальном законодательстве отдельных государств : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2018. 290 с.
- Колодкин Р. А. Договор с Норвегией: разграничение для сотрудничества // Международная жизнь. 2011. № 1. С. 14–31.
- Коростелев Е. М., Гаврилов Ю. Г. Развитие экологически безопасного туризма в Арктической зоне Российской Федерации // Туризм и экономика. 2019. № 1. С. 22–25.
- Ноева Е. Е. Арктический туризм: международный и национальный аспекты, проблемы и особенности развития // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2022. № 3 (29). С. 35–59.
- Репина И. А., Тихонов В. В. Снежные льды на поверхности льда в летний период и их связь с климатическими изменениями в Арктике // Российская Арктика. 2018. № 2. С. 15–30.
- Соколова Н. А. Международное арктическое научное сотрудничество: институционализация правового режима // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9 (118). С. 120–130.
- Теймуров Э. С. Наилучшие научные данные для установления зонально привязанных инструментов хозяйствования: международно-правовая характеристика // Lex russica. 2023. № 10 (203). С. 95–114.
- Чумаков А. Н. Социально-философские аспекты глобальных проблем : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11. М., 1991. 47 с.
- Яковчук А. А. Основы регулирования туристской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации // Туризм: право и экономика. 2020. № 2. С. 17–21.
- Becker M. A. Russia and the Arctic: Opportunities for Engagement within the Existing Legal Framework // American University International Law Review. 2010. Vol. 25. P. 225–250.
- Corell H. The United Nations Convention on the Law of the Sea in the Present Geo-Political Situation // Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction / ed. by M. H. Nordquist. Brill, 2021. P. 8–17.
- Djoghla A. Climate Change and Biodiversity in Polar Regions // Sustainable Development Law & Policy. 2008. Vol. 8. Iss. 3. P. 14–16.
- Fontaubert C. A. de, Downes D. R., Agardy T. S. Biodiversity in the Seas: Implementing the Convention on Biological Diversity in Marine and Coastal Habitats // Georgetown International Environmental Law Review. 1998. Vol. 10. P. 753–854.
- IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. Cambridge University Press, 2019. 320 p.
- Joyner C. C. The Legal Regime for the Arctic Ocean // Journal of Transnational Law & Policy. 2009. Vol. 18. P. 195–245.
- Koivurova T. Environmental Protection in the Arctic and Antarctic: Can the Polar Regimes Learn from Each Other // International Journal of Legal Information. 2005. Vol. 33. Iss. 2. P. 204–218.
- McDorman T. L. The Outer Continental Shelf in the Arctic Ocean: Legal Framework and Recent Developments // Law, Technology and Science for Oceans in Globalisation / ed. by D. Vidas. Brill, 2010. P. 499–520.
- Rayfuse R. Protecting Marine Biodiversity in Polar Areas beyond National Jurisdiction // Review of European Community & International Environmental Law. 2008. Vol. 17. Iss. 1. P. 3–13.
- Snyder J. Tourism in the Polar Regions. The Sustainability Challenge. UNEP/Earthprint, 2007. 68 p.

REFERENCES

- Bayaskalanova TA, Kuklina MV, Bogdanov VN. Tourism in the Russian Arctic: Problems and development opportunities. *Sovremennyye problemy servisa i turizma*. 2020;1:109-119. (In Russ.).
- Becker MA. Russia and the Arctic: Opportunities for Engagement within the Existing Legal Framework. *American University International Law Review*. 2010;25:225-250.
- Bekyashev KA, Bekyashev DK, Katz ES. Modern international legal regime of the Arctic Ocean. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal [Eurasian Law Journal]*. 2019;2(129):38-55. (In Russ.).
- Berkman P, Vylegzhanin AN, Yang O. Application and interpretation of the agreement on strengthening international scientific cooperation in the Arctic. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow Journal of International Law]*. 2017;3:6-17. (In Russ.).
- Chumakov AN. Socio-philosophical aspects of global problems. The author's abstract of the Dr. Diss. (Law). Moscow; 1991. (In Russ.).
- Corell H. The United Nations Convention on the Law of the Sea in the Present Geo-Political Situation. In: Nordquist MH, editor. *Marine Biodiversity of Areas beyond National Jurisdiction*. Brill; 2021. Pp. 8–17.
- Djoghlaif A. Climate Change and Biodiversity in Polar Regions. *Sustainable Development Law & Policy*. 2008;8(3):14-16.
- Fontaubert CAde, Downes DR, Agardy TS. Biodiversity in the Seas: Implementing the Convention on Biological Diversity in Marine and Coastal Habitats. *Georgetown International Environmental Law Review*. 1998;10:753-854.
- Garafova DI. Conservation of the Earth's climate: International legal regulation and peculiarities of implementation in the national legislation of individual states. Cand. Diss. (Law). Kazan; 2018. (In Russ.).
- Gavrilov VV, Dremlyuga RI, Kripakova AV. Interpretation and application of Article 234 of the 1982 UN Convention on the Law of the Sea in conditions of reduction of the Arctic ice cover. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2017;12(252):151-160. (In Russ.).
- IPCC Special Report on the Ocean and Cryosphere in a Changing Climate. Cambridge University Press; 2019.
- Joyner CC. The Legal Regime for the Arctic Ocean. *Journal of Transnational Law & Policy*. 2009;18:195-245.
- Koivurova T. Environmental Protection in the Arctic and Antarctic: Can the Polar Regimes Learn from Each Other. *International Journal of Legal Information*. 2005;33(2):204-218.
- Kolodkin RA. Agreement with Norway: Delineation for cooperation. *Mezhdunarodnaya zhizn*. 2011;1:14-31. (In Russ.).
- Korostelev EM, Gavrilov YuG. The development of environmentally safe tourism in the Arctic zone of the Russian Federation. *Turizm i ekonomika*. 2019;1:22-25. (In Russ.).
- McDorman TL. The Outer Continental Shelf in the Arctic Ocean: Legal Framework and Recent Developments. In: Vidas D, editor. *Law, Technology and Science for Oceans in Globalisation*. Brill; 2010. Pp. 499–520.
- Noeva EE. Arctic tourism: International and national aspects, problems and features of development. *Arktika XXI vek. Gumanitarnye nauki*. 2022;3(29):35-59. (In Russ.).
- Rayfuse R. Protecting Marine Biodiversity in Polar Areas beyond National Jurisdiction. *Review of European Community & International Environmental Law*. 2008;17:(1):3-13.
- Repina IA, Tikhonov VV. Snowflakes on the ice surface in the summer and their connection with climatic changes in the Arctic. *Rossiyskaya Arktika*. 2018;2:15-30. (In Russ.).
- Snyder J. Tourism in the Polar Regions. The Sustainability Challenge. UNEP/Earthprint; 2007.
- Sokolova NA. International Arctic Scientific Cooperation: Institutionalization of the Legal Regime. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2020;9(118):120-130. (In Russ.).
- Teymurov ES. The best scientific data for the establishment of zonally linked management instruments: International legal characteristics. *Lex russica*. 2023;10(203):95-114. (In Russ.).
- Vylegzhanin AN, Lysenko MN, Vyakhireva NS, Snyatkov AA. The Future of the Arctic Council: Workbook No. 75/2023. Russian International Affairs Council (INF). Moscow: NP RSMD Publ.; 2023. (In Russ.).
- Yakovchuk AA. Fundamentals of regulation of tourist activity in the Arctic zone of the Russian Federation. *Turizm: pravo i ekonomika*. 2020;2:17-21. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Теймуров Эльвин Сахават оглы, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
esteymurov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elvin S. Teymurov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
esteymurov@gmail.com

Материал поступил в редакцию 13 марта 2024 г.

Статья получена после рецензирования 12 июля 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 13.03.2024.

Revised 12.07.2024.

Accepted 15.07.2024.

Сущность права в свете объективного идеализма и натуралистического дуализма

Резюме. Двойственная природа права заключается в том, что, с одной стороны, оно выступает объективным общественным регулятором, с другой стороны, специфика его уникального восприятия предполагает формирование субъективного правосознания. Каждый раз, сталкиваясь с правовыми феноменами, человек переживает эмоции, осознает их и реагирует определенным образом. Формируемая при этом правовая реальность не ментальная категория в голове отдельного индивида, ее объективизация выступает основой для построения социальных коммуникаций и установления общепризнанных границ дозволенного. Специфика правовых феноменов требует уточнения их сущностных признаков для обособления от других объектов окружающего мира. Особое значение в этом контексте имеет признак супервентности, который опосредует детерминированность права базовыми культурными, идейными, социально-экономическими предпосылками. Целью статьи является поиск актуальных методологических инструментов для объяснения онтологической сущности права на основе концептуальных подходов объективного идеализма Платона и натуралистического дуализма Д. Чалмерса. Эти концепции представляются более удачными для объяснения правовых феноменов, чем материалистические концепции, так как позволяют признать самостоятельность онтологического статуса не только у физических явлений. Сознание наполнено интеллигибельными объектами, которые не обладают вещественностью, но обладают собственной сущностью. Идентичность и интенсивность восприятия правовых абстракций подтверждают реальность юридической действительности. В работе используются диалектический, исторический, логический, герменевтический, социологический, формально-юридический, прогностический и другие методы познания.

Ключевые слова: правовая реальность; Платон; Д. Чалмерс; онтология права; натуралистический дуализм; объективный идеализм; правовые феномены; супервентность

Для цитирования: Лихтер П. Л. Сущность права в свете объективного идеализма и натуралистического дуализма. *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 130–139. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.130-139

The Essence of Law in the light of Objective Idealism and Naturalistic Dualism

Pavel L. Likhter
Penza State University
Penza, Russian Federation

Abstract. The dual nature of law lies in the fact that, on the one hand, it acts as an objective public regulator, on the other hand, the specificity of its unique perception presupposes the formation of a subjective sense of justice. Every time when faced with legal phenomena, a person experiences emotions, becomes aware of them and reacts in a certain way. The legal reality formed in this case is not a mental category in the head of an individual. Its objectification serves as the basis for building social communications and establishing generally recognized boundaries of what is permissible. The specificity of legal phenomena requires clarification of their

essential features in order to isolate them from other objects of the surrounding world. Of particular importance here is the supervenience attribute, which mediates the determinacy of law by basic cultural, ideological, socio-economic prerequisites. The purpose of the paper is to search for relevant methodological tools to explain the ontological essence of law based on the conceptual approaches of Plato's objective idealism and D. Chalmers' naturalistic dualism. These concepts seem to be more successful in explaining legal phenomena than materialistic concepts, since they allow us to recognize the independence of the ontological status not only of physical phenomena. Consciousness is filled with intelligible objects that do not have substance, but have their own essence. The identity and intensity of perception of legal abstractions confirm the reality of legal reality. The work uses dialectical, historical, logical, hermeneutic, hermeneutic, sociological, formal legal, predictive and other methods of cognition.

Keywords: legal reality; Plato; D. Chalmers; ontology of law; naturalistic dualism; objective idealism; legal phenomena; supervenience

Cite as: Likhter PL. The Essence of Law in the light of Objective Idealism and Naturalistic Dualism. *Lex russica*. 2024;77(8):130-139. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.130-139

Введение

Проблемы субъективного восприятия феноменов окружающего мира в полной мере относятся к правовым объектам. Если даже такие «простые» качественные характеристики, как цвета, вызывают неоднозначное восприятие, то как определить объективные критерии справедливости или блага в юридической науке? Для ответа на этот вопрос прежде всего необходимо сформулировать методологическую матрицу, в которой возможно распределение логико-онтологических понятий правовых феноменов и поиск их фундирующих оснований.

Сторонники материалистических концепций акцентируют внимание на физических предпосылках формирования социальной реальности. Однако материалистического мировоззрения не всегда достаточно для понимания сущности правовых феноменов (в том числе правовых идей, ценностей, правосознания). Поэтому при поиске оптимальной стратегии исследования онтологической сущности права целесообразно привлечение дополнительных ресурсов. Среди них можно выделить подходы, предложенные в рамках концепций объективного идеализма Платона и натуралистического дуализма Д. Чалмерса.

Оба философа были сторонниками дуализма в том плане, что постулировали сознание и материю как взаимодополняющие, но не сливающиеся субстанции. Если дуализм Платона предполагает радикальный приоритет идеальных форм над материальным миром, то более осторожный дуализм Д. Чалмерса постулирует нефизическую природу сознательного опыта, который не сводим только к физическим пред-

посылкам. Согласно концепции натуралистического дуализма Чалмерса сознание человека не является полностью детерминированным физическими предпосылками, но может сильно зависеть от них. Философ доказывает возможность фактической супервентности (обусловленности) ментальных феноменов на физических предпосылках при отсутствии логической супервентности. Свою теорию Чалмерс называет натуралистическим дуализмом потому, что в ней доказывается обусловленность реальности сетью фундаментальных законов и когерентных свойств¹. Это определяет ее совместимость с достижениями современной когнитивистики, философии и других отраслей науки.

Основной целью работы является поиск возможных областей применения концептуальных подходов Д. Чалмерса и Платона при разрешении онтологических вопросов права.

Для этого будут последовательно решены следующие задачи:

- 1) изучение алгоритма возникновения у человека феноменального опыта восприятия правовых объектов;
- 2) рассмотрение специфических признаков правовой реальности как части «феноменального» мира;
- 3) определение ключевых материальных и идеальных оснований правовой реальности;
- 4) установление онтологического статуса правовых феноменов с точки зрения натуралистического дуализма и объективного идеализма.

Для разрешения поставленных задач в статье используются общенаучные методы (индукция, дедукция, анализ, синтез), а также частные методы познания: исторический, логический,

¹ Чалмерс Д. Сознание и ум : В поисках фундаментальной теории. М. : УРСС : Либроком, 2013. С. 165.

герменевтический, диалектический, социологический, формально-юридический.

Проблематика восприятия объектов правовой реальности

Современные когнитивные науки отвечают на ряд специальных вопросов о возникновении и функционировании сознания, но в целом эти процессы сохраняют свою таинственность. Однако точно можно сказать, что на сознание воздействуют как физические, так и психологические закономерности. Сознанию неизбежно сопутствует познание, между ними существуют глубокие, фундаментальные связи.

Для того чтобы исследовать субъективное восприятие юридических фактов, мы можем использовать такие термины, как «опыт», «субъективный опыт» и т.п., но всё равно остается открытым вопрос, как именно происходит отражение правовых феноменов в сознании реципиента. По сути, это одна из граней еще не решенной т.н. трудной проблемы сознания² (*hard problem of consciousness*). Ее разрешение предполагает ответ на вопрос, почему в голове человека в принципе возникает сложный феноменальный опыт восприятия окружающего мира.

Разнообразный опыт, за счет которого формируется правосознание, включает в себя эмоции, чувства, мышление. Несмотря на то что формирование опыта происходит в голове отдельного индивида, он предполагает определенную степень объективности. Так, субъект правоотношений осознает правовую конструкцию, например идею недвижимости, которую любой другой субъект воспринимает сходным образом и интуитивно отличает, например, от идеи гражданства.

Сходство и интенсивность восприятия разными субъектами одинаковых идей создают основу для реализации регулятивной функции права и подтверждают реальность юридической действительности. Составляющие ее объекты могут раздражать своей эфемерностью (особенно если речь идет об идеальных категориях права), но сам факт общего профессионального дискурса подтверждает их intersubjectively реальность.

В этом заключается двойственная природа правовой реальности. С одной стороны, право — объективный регулятор общественных отношений, с другой стороны, оно всегда воспринимается субъектом, сознание которого имеет дело с феноменальными и психологическими понятиями. Феноменальное понятие можно описать в смысле опыта сознающего субъекта. Психологическое понятие представляет собой каузальную основу поведения³.

Для восприятия правовых феноменов необходимо, чтобы они стали частью воспринимаемой реальности субъекта права. Быть сознательным — значит реализовывать определенное феноменальное качество (например, осознать чувство справедливости в связи с определенным юридическим фактом). С точки зрения юридической науки внимание к этим вопросам важно, так как позволяет объяснить причины выбора законопослушного либо девиантного поведения.

Право как социальный институт всегда возникает по отношению к чему-то внешнему. Ощущение справедливости или равенства может быть зафиксировано лишь по отношению к внешним объектам (равенство социального статуса, справедливая мера ответственности по делу и т.д.). Направленность вовне предполагает объективизацию идей. В принципе, эту экстерналистскую направленность можно узреть даже в самых базовых качественных характеристиках (цвет, запах и т.п.): как цвет предмета не субъективен сам по себе, так и справедливое не может формироваться в голове отдельного индивида. В противном случае создаются релятивистские риски смещения феноменального (проявления объективных характеристик) и субъективно-психологического.

При разрешении вопросов восприятия правовых феноменов нужно учитывать и следующий момент. Логический бихевиоризм объясняет смещение фокуса внимания с феноменального на психологическое за счет тезиса о возможности объяснения любых ментальных состояний через фактическое поведение человека или предрасположенность к определенному поведению⁴. Противники такого подхода отрицают возможность определения ментальных состояний только набором поведенческих

² *Chalmers D.* Facing up to the problem of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. No. 2 (3). P. 200–219.

³ *Чалмерс Д.* Указ. соч. С. 33.

⁴ *Ryle G.* *The Concept of Mind*. London : Hutchinson, 1949.

диспозиций, независимых от других ментальных состояний⁵. Так, если кто-то убежден, что является свидетелем противоправного деяния, то его реакция не будет однозначно детерминированной. Многое будет зависеть от личных качеств человека, желаний предотвратить конкретное правонарушение и т.п.

Конкретное ментальное состояние всегда будет определяться существенным набором других ментальных вводных. Так, убеждение часто неразрывно связано с сознательным опытом. Правовое убеждение может быть неявным, но может способствовать порождению явного (осознанного) убеждения. Наличие явного убеждения о правовых феноменах создает определенную картину правовой реальности в голове человека. Исследование этого процесса имеет не только теоретическое, но и прикладное значение: каким образом правовые идеалы и ценности могут стать убеждениями в субъективном опыте? Можно ли корректировать их формирование за счет определенных приемов? Отдельные сознательные качества способны создавать состояние убеждения, а значит, могут быть использованы в правовой политике.

Специфика уникального восприятия человеком окружающего мира и формирования его убеждений исследуется теорией рецептивной эстетики (*reader-response criticism*), которая первоначально возникла в рамках герменевтики для выявления общих закономерностей взаимодействия между текстом и читателем. В перспективе рецептивной эстетики юридический текст сам по себе не обладает силой воздействия, но обретает ее в восприятии читателя. Особое значение эта концепция имеет в конституционном праве, где тексты выполняют больше прескриптивную, чем дескриптивную функцию. Непрочитанная конституция в свете рассматриваемой концепции не является конституцией; фиктивная конституция создает риски неприятия ее содержания субъектами правоотношений.

От того, насколько эстетичны и обоснованы правовые институты, зависит, будут ли они приняты и поддержаны населением. В современной юриспруденции рецептивная эстетика

может быть использована, например, в целях исследования психологической реакции на проекты ключевых нормативных актов.

Супервентность правовой реальности и возможность множественности реализаций предпосылок права

При исследовании восприятия правовых феноменов значение имеет понятие «супервентность», которое часто встречается в трудах философов аналитической школы. Впервые это понятие было использовано Д. Дэвидсоном для обоснования аномального монизма, т.е. концепции, согласно которой невозможно редуцировать все ментальные качества к физическим основаниям⁶. Впоследствии Д. Чалмерс представил следующую формулировку: «Б-свойства супервентны на А-свойствах, если невозможны две ситуации, тождественные в плане А-свойств, но различные в их Б-свойствах»⁷.

В рамках сложной супервентности правовой системы психологические аспекты не возникают в вакууме, а зависят от внешних факторов. Соответственно, правовая супервентность — это отношение между двумя множествами свойств, где производные свойства (Б-свойства) представляют собой составляющие правовой реальности, которые фундируются совокупностью свойств окружающего мира (А-свойства), доступных для восприятия и осознания человеком.

Признак супервентности описывает качественное своеобразие объектов систем различного уровня, при котором А-свойствами будут выступать определенные культурные, идейные, социально-экономические предпосылки, а Б-свойствами — правовые принципы и другие составляющие. Отношения детерминированности ментальных, биологических, экономических и других систем различного уровня различаются по характеру зависимости, поэтому философско-правовые рамки супервентности требуют отдельного методологического обоснования унифицированных критериев взаимозависимости фактов обыденной реальности, правовой реальности и правосознания⁸.

⁵ Chisholm R. *Perceiving: a philosophical study*. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 1957.

⁶ Davidson D. *Mental Events // Experience and Theory / ed. by L. Foster, J. W. Swanson*. Clarendon Press, 1970. P. 207–224.

⁷ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 55.

⁸ Лихтер П. Л. Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27. № 2. С. 20–32.

Важным признаком супервентности между двумя системами является отсутствие различий Б-фактов при тождестве А-фактов. Соответственно, в юридической науке установление признака супервентности может применяться при разрешении следующих вопросов:

1. Будет ли различаться система правовых ценностей (Б-факты) при влиянии на них одинаковых социально-культурных предпосылок (А-факты)?

2. Будет ли различаться структура правоотношений (Б-факты) при одинаковой нормативной базе (А-факты)?

3. Как связано формирование правовых норм (Б-факты) и фундирующих их идеальных предпосылок (А-факты)?

Определение различных видов супервентности важно для юридической науки, так как помогает при разрешении вопроса о том, каков онтологический статус различных составляющих правовой реальности. Разделение логической (мыслимой) и естественной (фактически складывающейся) супервентности создает перспективный фон для объяснения онтологической сущности правовых феноменов, в том числе при разрешении дискуссионных вопросов материалистических концепций. Антиматериалистическая аргументация может быть постулирована следующими препозиционными посылками натуралистического дуализма:

1. Правовая реальность — это часть объективной действительности, с которой люди сталкиваются каждый день.

2. Мысленно можно представить мир, идентичный нашему в плане физических характеристик, но без правовых феноменов (без законов, правоохранительных органов и т.п.).

3. Все правовые феномены — это дополнительные факты феноменального мира, потому что их появление не является естественной закономерностью окружающего мира.

4. Таким образом, правовые феномены логически обособлены от физических предпосылок.

5. Следовательно, методологических инструментов материалистических концепций недостаточно для полного объяснения правовой реальности.

При этом теория Д. Чалмерса не утверждает, что умозрительная возможность представ-

ления мира без дополнительных (правовых) феноменов не означает его обязательной осуществимости⁹. Для чистого эмпирического подтверждения этого тезиса необходимо было бы провести эксперимент по созданию множества миров и зафиксировать, как в них формируется правовая реальность в зависимости от различных внешних факторов. Но за счет начальной оговорки о разделении супервентности на логическую и естественную, мы можем обосновать приведенную стратегию прояснения онтологических конструкций права.

Интуитивно следует предположить, что на самом базовом уровне большинство юридических конструкций супервентно на физических характеристиках, например о ценности благоприятной окружающей среды или о неприкосновенности собственности. Значит ли это, что развитие таких правовых ценностей объективно? Обусловлено ли оно прежде всего строгими законами физики, химии, биологии или в нем есть место произвольным факторам? Возможно, каждый вновь конструируемый мир будет обладать спецификой, но ряд высокоуровневых феноменов (конституционный порядок, стремление к социальному равенству, защита интересов определенной категории лиц) будет сохранять значение для любой юрисдикции.

При подобном правовом конструировании необходимо учитывать признак причинности. Причинности как таковой посвящена третья антиномия И. Канта. Согласно его тезису «причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире»¹⁰. Проблемой редукционизма в юридической науке выступает возможность множественности реализаций явлений в правовой действительности. Один и тот же Б-факт может быть реализован на основе различных А-фактов; одни и те же правовые последствия могут быть обусловлены различными причинами (необязательно юридическими).

Таким образом, при установлении детерминированности объектов правовой реальности различными предпосылками следует исходить из следующей препозиции: *то, что мы провозглашаем естественной закономерностью, на деле может оказаться случайной регулярностью.*

⁹ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 160.

¹⁰ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения : в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : ЧОРО, 1994. Т. 3. С. 350.

Объяснение онтологического статуса правовых феноменов в свете правового реализма и антиреализма

Д. Чалмерс и Дж. Мур нередко привлекают понятие «интенционал» при описании процессов в сознании человека. Этот семантический термин определяет содержание феномена через совокупность его мыслимых свойств. Например, в интенционал понятия «судья Российской Федерации» будут входить такие признаки, как человек, совершеннолетний, гражданин Российской Федерации, юрист и т.д.

Обращение к интенционалам необходимо для понимания различных высокоуровневых понятий в юриспруденции. В большинстве случаев они характеризуются функциональными или структурными терминами. Например, для того чтобы человек нечто осознал в качестве дома, требуется, 1) чтобы объект имел стены, фундамент, крышу и 2) чтобы его использовали для проживания. Первый указанный признак выражает структурное условие, второй — функциональное. Второе условие одновременно устанавливает когерентную связь дома с другими сущностями.

Подобный подход также применим к объектам правовой реальности; например, закон должен 1) отвечать формальным требованиям (принят соответствующим государственным органом и опубликован); 2) регулировать фактические общественные отношения либо содержать желаемые цели формирования их на будущее.

При этом законы и другие составляющие правовой реальности не претендуют на повторение феноменального мира. Для юридических ценностей, целей, понятий (как и для других высокоуровневых понятий) важным признаком выступает их интеллигибельность, т.е. доступность для рационального анализа. Правовые феномены должны обладать открытостью для восприятия в той степени, при которой интенционалы выступают в качестве сущностных признаков (функциональных или структурных свойств).

Вопрос о том, может ли правовая реальность быть супервентна на физических свойствах, имеет значение для уточнения возможности формирования однотипной догматики права в

различных национальных юрисдикциях. До настоящего времени такого исследования в рамках юридической науки не проводилось, однако известны тезисы основоположника аналитической философии Дж. Мура¹¹, который впервые поставил вопрос о возможности выведения моральных и эстетических свойств на основе физических предпосылок.

Сам Мур отрицает возможность строгого алгоритма выведения моральных фактов на основе фактов о физических характеристиках¹². Но на деле в теории Мура говорится об отсутствии связующего звена между моральными и физическими фактами. Право и мораль — близкие по ряду показателей социальные регуляторы. У нас мало оснований полагать, что правовые феномены обладают самостоятельной сущностью в сильном смысле этого слова, т.е. возможностью автономного генезиса и развития. Такой вывод можно сделать, если встать на позицию крайнего субъективизма. Но тогда следует предположить, что каждый раз вновь создаваемый мир с одинаковыми физическими предпосылками будет иметь различные формы правовой реальности. Интуитивно сложно согласиться с подобными выводами.

Дуалистические концепции представляются более удачными для объяснения правовых феноменов, чем материалистические, так как правовые нормы (по аналогии с моральными установлениями) отличаются от строгих конструкций материального мира тем, что их можно субъективно принимать или отвергать. В некоторых случаях субъект просто может отрицать существование тех или иных юридических или моральных фактов. Сторонники антиреализма в области восприятия моральных феноменов утверждают, что так как моральные факты невыводимы из естественных фактов, то они не обладают самостоятельным онтологическим статусом. То есть мораль для познания требует обязательной релятивизации и редуцирования до определенного конструкта¹³.

Соответственно, в целях познания правовой реальности может быть выбрана одна из двух стратегий:

1) правовой реализм, т.е. признание самостоятельного онтологического статуса правовых феноменов;

¹¹ Moore G. E. *Philosophical Studies*. London : Routledge & Kegan Paul Ltd., 1922. P. 35.

¹² Moore G. E. *Op. cit.* P. 40.

¹³ Blackburn S. *Moral realism // Morality and Moral Reasoning / ed. by J. Casey*. London : Methuen, 1971 ; Hare R. M. *Supervenience // Proceedings of the Aristotelian Society*. 1984. No. 58. P. 1–16.

2) правовой антиреализм, который открывает дорогу релятивизму при исследовании правовых феноменов.

Для современной постнеклассической науки с ее субъективизацией права свойственно признание субъективной возможности связывать различные первичные интенционалы с онтологическими конструкциями права (в том числе с идеей справедливости), т.е. обосновывается позиция антиреализма. Но более выигрышной представляется первая стратегия, так как если ключевое понятие «справедливость» определяется через стабильный неиндексикальный первичный интенционал, то он неизбежно порождает некую функцию от мира феноменальных фактов к правовым феноменам.

Можно допустить, что существует неконцептуальная априорная связь между фактами феноменального мира и правовыми феноменами. Например, Дж. Мур писал о существовании некой «моральной интуиции», за счет которой моральные свойства супервентны на естественных фактах посредством определенного «номического звена»¹⁴. Однако тогда следует признать возможность возникновения двух феноменальных миров с одинаковыми естественными фактами, но разными моральными (правовыми) фактами.

Правовой реализм предполагает, что правовые феномены супервентны на естественных фактах с апостериорной необходимостью. То есть если правовые понятия имеют первичный интенционал и если идентичные в естественном плане миры идентичны и в части их правовой реальности, то из этого следует существование априорного звена, связывающего естественные предпосылки и правовые феномены.

Для подтверждения самостоятельности онтологического статуса правовой реальности возможно привлечь гипотезу модального реализма Д. Льюиса. Согласно его гипотезе все возможные миры одинаково реальны¹⁵. Применимо к правовой реальности она раскрывается на следующих принципах:

1) правовая реальность существует, она так же реальна, как и феноменальный мир окружающей действительности;

2) объекты правовой реальности являются несокращаемыми объектами;

3) правовая и окружающая «феноменальная» реальность различаются по содержанию, но не по онтологическому виду существования.

Гипотеза модального реализма может быть обоснована следующим доводом. Мало кто спорит с существованием математики. Хотя большинство ее объектов и понятий являются предельно абстрактными, без них невозможны расчеты, поэтому они считаются существующими. Подобная аргументация применима к онтологической сущности правовой реальности. Юридические конструкции помогают при разрешении как теоретических проблем, так и ключевых вопросов взаимодействия в обществе. Соответственно, их объективное существование подтверждается как минимум прагматическими предпосылками.

Значение концепций Платона и Д. Чалмерса для онтологии права

Критики натуралистического дуализма отмечают пробелы объяснения в нем взаимодействия физического и нефизического. Хотя Д. Чалмерс и пишет об их взаимодействии благодаря психофизическим законам¹⁶, но такое объяснение выглядит достаточно спорным. В контексте юридической науки рассмотрение феноменов и их предпосылок может быть дополнено теорией эйдосов Платона.

Теория эйдосов предлагает свой ответ на вопрос «Как надлежащим образом конкретизировать явленность абстрактного для понимания сущности вещей?». Так, в правоотношениях проще использовать понятие объекта, если рассматривать его как абстракцию. Например, описание дома как физического объекта в рамках конкретной сделки будет постоянно неполным. Если дать дефиницию дома как строению со стенами и крышей, то результат не будет совершенным; можно уточнять эту дефиницию, добавляя обязательное наличие фундамента, перекрытий, дверей определенной формы и т.д., но в любом случае этого будет недостаточно для полноценного описания.

Еще сложнее с нематериальными объектами права: невозможно отразить всю совокупность акцидентных признаков настолько точно, чтобы это позволило субъектам право-

¹⁴ Moore G. E. Op. cit.

¹⁵ Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford ; New York : Blackwell, 1986.

¹⁶ Чалмерс Д. Указ. соч. С. 219.

отношения полностью избежать неоднозначности понимания правовых феноменов. Даже споры, связанные с квалификацией объектов в качестве недвижимого имущества, несмотря на достаточно подробные формулировки ст. 130 ГК РФ, подтверждают необходимость рассмотрения некоторых юридических категорий в контексте объективного идеализма.

Объективный идеализм Платона и натуралистический дуализм Чалмерса актуальны для онтологии права, так как во многом противостоят редукционизму (и его крайней интерпретации — физикализму), который следует монистическому признанию подлинного существования только физических объектов. Там, где у Платона идея дома, у представителя материалистического монизма — здание как совокупность элементов, подчиненных законам физики. Однако реальность не определяется исключительно конфигурацией атомов и молекул.

Во-первых, правовая реальность наполнена объектами, которые нельзя свести исключительно к физическим понятиям (среди них правовые ценности, обычаи, честь, достоинство). Во-вторых, физика, химия и биология — это не завершенные проекты, но области знания со стремительными и постоянными изменениями. За время существования права как социального регулятора сменилось много научных парадигм. И тот факт, что Ньютонова физика уступила место физике Эйнштейна, не повлек автоматическую отмену правовых актов. Кроме того, сегодня недоступен ответ на вопрос, к понятиям какой точной науки должны сводиться все нематериальные феномены.

Объективный идеализм со времен Платона и до сих пор наталкивается на стандартное выражение, что якобы «идеализм отрицает действительность чувственного мира»¹⁷. Однако это не так. Объективный идеализм не отрицает реальное существование «феноменального мира», с которым каждый человек ежесекундно сталкивается в восприятиях и представлениях. Просто, по Платону, субъект не обладает возможностью прямого контакта с онтологической сущностью вещей. Их восприятие подвер-

жено искажению из-за несовершенства человеческих органов чувств и разума.

Кроме того, воспринимаемая человеком реальность слишком противоречива, соответственно, не в состоянии гарантировать истинное знание о ней. В то время как понятие «мир» предполагает упорядоченность в рамках интеллигибельной реальности, т.е. самодостаточной действительности, наполненной постоянными универсалиями. Таким образом, совершенно несправедливо Аристотель приписывал Платону операцию под названием «удвоение мира»¹⁸. Феноменальный мир, поскольку он дан нам лишь в виде хаотического потока восприятий, не может быть основой осмысленной человеческой жизни, так как в нем нет собственных констант, универсалий, — есть только единичное и скоротечное.

Все интеллигибельные правовые феномены можно разделить на доступные только для личного внутреннего восприятия (например, субъективное отношение к правонарушению) и доступные для внешнего субъекта (квалификация правонарушения). Здесь важно установить способы объективного определения истинных внутренних убеждений. Для этого могут использоваться различные методологические приемы и технические средства, ведь часто внутренний процесс соотносится с внешними критериями¹⁹.

Феномен окружающего мира сам по себе нельзя передать другому субъекту (например, чувство жажды). Но можно описать его характеристики, тогда феномен становится интеллигибельным объектом. Для Платона феномены — это просто «компост» интеллигибельного мира и самостоятельной ценности для подлинно человеческой жизни не представляют. Таким образом, предворяя трансцендентальный идеализм И. Канта²⁰, Платон вовсе не удваивает мир, а скорее «сплющивает» всякую возможную для нас реальность до размеров интеллигибельного мира. Это единственная реальность, на которую мы можем опираться в нашей жизни, и единственная основа, которая обеспечивает коммуникацию, взаимопонимание и научное знание.

¹⁷ Auffarth A. Die platonische Ideenlehre. Inaugural-Dissertation. Marburg, 1883. S. 24.

¹⁸ Аристотель. Метафизика // Собрание сочинений : в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус, З. Н. Микеладзе, И. Д. Рожанский, А. И. Доватур. М. : Мысль, 1976–1983. Т. 1. С. 86.

¹⁹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М. ; СПб., 2003. С. 437.

²⁰ Pippin R. B. Kant's Theory of Form: An Essay on the Critique of Pure Reason. New Haven ; London : Yale University Press, 1982.

Таким образом, в межсубъектных связях по поводу неких благ рождается объективная реальность, которая утрачивает свою субъективность в процессе правоотношений, не предполагающих по определению индивидуальную замкнутость. Понимание intersubjectивности основано на представлении о реальности особого рода, объединяющей дескриптивные и прескриптивные элементы права. Эта реальность динамически развивается во взаимоотношениях.

Сознание наполнено интеллигибельными объектами, которые не обладают вещественностью, но обладают собственной сущностью. Интеллигибельные объекты правовой реальности причастны к объективным идеям. Поэтому нельзя сказать о том, что правовые феномены явлены нам в смысле *existere* (лат. «появляться; быть видимым»), но они безусловно существуют как логико-онтологические единицы, воспринимаемые человеком в качестве элементов объектного бытия.

Выводы

1. Правовая реальность обладает двойственной природой. С одной стороны, право — это объективный регулятор социальных отношений, с другой стороны — ментальное понятие. Право как социальный институт, регулятор, фактор общественной жизни всегда возникает по отношению к чему-то внешнему (ощущение справедливости по конкретному делу и т.п.). Направленность вовне предполагает объективизацию правовых абстракций. В то же время специфика уникального восприятия человеком юридических фактов определяет формирование внутреннего

правосознания. От того, насколько эстетичны и обоснованны правовые институты сами по себе, зависит, как они будут восприняты реципиентом.

2. При исследовании сущности правовых феноменов методологическим значением обладает понятие «супервентность». Супервентность определяет качественное своеобразие объектов систем различного уровня, при котором А-свойствами будут выступать базовые культурные, идейные, социально-экономические предпосылки, а Б-свойствами — составляющие правовой реальности. Разделение логической (мыслимой) и естественной (фактически складывающейся) супервентности создает перспективный фон для объяснения онтологической сущности правовых феноменов.

3. Объективный идеализм Платона и натуралистический дуализм Д. Чалмерса актуальны для онтологии права, так как во многом противостоят редукционизму (и его крайней интерпретации — физикализму). Дуалистические концепции представляются более удачными для объяснения правовых феноменов, чем материалистические, так как необходимо признать подлинное существование не только физических объектов. Многообразие правоотношений не предполагает по определению их индивидуальной замкнутости.

4. Сознание наполнено интеллигибельными объектами, которые не обладают вещественностью, но обладают собственной сущностью. Интеллигибельные объекты правовой реальности причастны к объективным идеям. Идентичность и интенсивность восприятия правовых идей подтверждают реальность юридической действительности и ее самостоятельный онтологический статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аристотель.* Метафизика // Собрание сочинений : в 4 т. / ред. В. Ф. Асмус, З. Н. Микеладзе, И. Д. Рожанский, А. И. Доватур. Т. 1. М. : Мысль, 1976–1983.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования // Языки как образ мира. М. ; СПб., 2003.
- Кант И.* Критика чистого разума // Сочинения : в 8 т. Т. 3 / под общ. ред. А. В. Гулыги. М. : ЧОРО, 1994. 741 с.
- Лихтер П. Л.* Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 2. С. 20–32.
- Платон.* Законы // Собрание сочинений : в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1990–1994.
- Чалмерс Д.* Сознание и ум : В поисках фундаментальной теории. М. : УРСС : Либроком, 2013. 512 с.
- Auffarth A.* Die platonische Ideenlehre. Inaugural-Dissertation. Marburg, 1883.
- Blackburn S.* Moral realism // *Morality and Moral Reasoning* / ed. by J. Casey. London : Methuen, 1971. 224 p.
- Chalmers D.* Facing up to the problem of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. No. 2 (3). P. 200–219.
- Chisholm R.* Perceiving: a philosophical study. Ithaca, N. Y. : Cornell University Press, 1957. 224 p.

- Davidson D. *Mental Events // Experience and Theory* / ed. by L. Foster, J. W. Swanson. Clarendon Press, 1970. P. 207–224.
- Hare R. M. *Supervenience // Proceedings of the Aristotelian Society*. 1984. No. 58. P. 1–16.
- Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford ; New York : Blackwell, 1986. 276 p.
- Moore G. E. *Philosophical Studies*. London : Routledge & Kegan Paul Ltd., 1922. 364 p.
- Pippin R. B. *Kant's Theory of Form: An Essay on the Critique of Pure Reason*. New Haven ; London : Yale University Press, 1982. 247 p.
- Ryle G. *The Concept of Mind*. London : Hutchinson, 1949. 340 p.

REFERENCES

- Aristotle. *Metaphysics. Complete Works: In 4 volumes*. Asmus VF, Mikeladze ZN, Rozhansky ID, Dovatur AI, editors. Vol. 1. Moscow: Mysl Publ.; 1976–1983. (In Russ.).
- Auffarth A. *Die platonische Ideenlehre. Inaugural Dissertation*. Marburg; 1883.
- Blackburn S. *Moral realism. Morality and Moral Reasoning*. Casey J, editor. London: Methuen; 1971.
- Chalmers D. *Facing up to the problem of consciousness*. *Journal of Consciousness Studies*. 1995;2(3):200-219.
- Chalmers D. *The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory*. Moscow: URSS: Librocom Publ.; 2013. (In Russ.).
- Chisholm R. *Perceiving: a philosophical study*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press; 1957.
- Davidson D. *Mental Events*. In: Foster L, Swanson JW, editors. *Experience and Theory*. Clarendon Press; 1970. Pp. 207–224.
- Hare RM. *Supervenience*. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1984;58:1-16.
- Kant I. *Criticism of pure reason. Essays: in 8 vols*. Gulyga AV, editor. Vol. 3. Moscow: ChORO Publ.; 1994. (In Russ.).
- Lewis D. *On the Plurality of Worlds*. Oxford; New York: Blackwell; 1986.
- Likhter PL. *Supervenience of legal reality: The problem of the ontological status of essential and phenomenal elements*. *Zhurnal Rossiyskogo Prava [Journal of Russian Law]*. 2023;27(2):20-32. (In Russ.).
- Moore GE. *Philosophical Studies*. London: Routledge & Kegan Paul Ltd; 1922.
- Pippin RB. *Kant's Theory of Form: An Essay on the Critique of Pure Reason*. New Haven, London: Yale University Press; 1982.
- Plato. *Laws. Collected works: in 4 volumes*. Losev AF, Asmusa VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl Publ.; 1990–1994. (In Russ.).
- Ryle G. *The Concept of Mind*. London: Hutchinson; 1949.
- Wittgenstein L. *Philosophical research. Languages as an image of the world*. Moscow, St. Petersburg; 2003. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лихтер Павел Леонидович, кандидат юридических наук, доцент кафедры частного и публичного права Пензенского государственного университета
д. 40, Красная ул., г. Пенза 440026, Российская Федерация
lixter@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel L. Likhter, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Private and Public Law, Penza State University, Penza, Russian Federation
lixter@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 28 марта 2024 г.
Статья получена после рецензирования 14 апреля 2024 г.
Принята к печати 15 июля 2024 г.*

*Received 28.03.2024.
Revised 14.04.2024.
Accepted 15.07.2024.*

А. В. Корнев
О. Ю. Рыбаков

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Философия Иммануила Канта и современность. К 300-летию со дня рождения философа»

Резюме. Обзор посвящен научному мероприятию, организованному кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) в рамках проекта «Право новой социальной реальности и инновационной юриспруденции» программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Научно-практическая конференция была посвящена трудам такого известного мыслителя и философа, как Иммануил Кант. Именно И. Кант открыл новые исследовательские рубежи, в которых познающий человек был воспринят в качестве главного условия мира, где он приобретает свое предназначение. Такие базовые категории, как «нравственные основы права», «категорический императив», побуждают индивида соблюдать всеобщую гармонию мира, что обеспечивает сохранение последнего. Научно-практическая конференция собрала множество ученых, исследователей разных областей права. Это научное мероприятие позволило лишний раз отдать дань уважения труду и работам Иммануила Канта.

Ключевые слова: философия; социология; категорический императив; Иммануил Кант; нравственность; гармония; история; право; конференция; обзор

Для цитирования: Корнев А. В., Рыбаков О. Ю. Обзор Всероссийской научно-практической конференции «Философия Иммануила Канта и современность. К 300-летию со дня рождения философа». *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 8. С. 140–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.213.8.140-152

29 апреля 2024 г. в Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) состоялась организованная кафедрой философии и социологии Всероссийская научно-практическая конференция «Философия Иммануила Канта и современность. К 300-летию со дня рождения философа», в рамках которой был проведен круглый стол «Правовые технологии социального конструирования» (проект «Право новой социальной реальности и инновационная юриспруденция» центра компетенций «Социоправо»; программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»).

Конференцию открыл *заведующий кафедрой философии и социологии, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор О. Ю. Рыбаков*, который поприветствовал докладчиков, слушателей и гостей и отметил, что 300-летний юбилей Иммануила Канта позволяет нам вновь обратиться к его творческому наследию. Имя известного мыслителя вошло в историю философии, заложило новое понимание процесса познания. Философ открыл новые исследовательские рубежи, где познающий человек есть главное условие мира, в котором он обретает свое предназначение. Нравственные основания права, категорический, пове-

лительный императив обязывают индивида соблюдать всеобщую гармонию мира и, что главное, сохранить мир. Внутреннее долженствование предписывает разумному человеку обеспечить соблюдение требований всеобщего разума. Тем самым Иммануил Кант проложил тропу надежды для каждого человека, стремящегося к обретению нравственного состояния человека, общества, государства.

Участниками конференции и круглого стола стали известные ученые в области исследования философии Иммануила Канта, неокантианства, философии права.

В докладе «Кант и немецкое неокантианство» *заведующего кафедрой онтологии и теории познания Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктора философских наук, профессора В. Н. Белова* были освещены вопросы историко-философского развития идей И. Канта.

Возвращение к Канту воспринимается родоначальниками неокантианства как тройная задача: поместить Канта в более общую философскую традицию, оценить революционность произведенных им изменений этой традиции, выявить ошибки кантовской системы, что позволит опять же данной традиции развиваться дальше. Таким образом, помещая Канта в философскую традицию, неокантианцы открывают себе возможность критической интерпретации не только его самого, но и всей традиции, а также Канта через свою интерпретацию последней.

Первая задача оказывается не такой простой, как кажется на первый взгляд. Кант ведь очень мало ссылается на своих предшественников, он лишь поверхностно бросает обвинение прошлым подходам и ведет речь как бы с чистого листа, поэтому неокантианцы предпринимают усилия по реконструкции и «переоткрытию» тех идей и концептов, которые Кант использует как бы впервые.

Что касается революционности подхода Канта и возможности «переоткрытия» уже не кантовской системы, а, исходя из этой революционности, всей философской традиции, то здесь мы видим также великолепные образцы и благодарные усилия родоначальников неокантианства по интерпретации философии Платона.

Таким образом, Кант немецких неокантианцев — это:

- 1) Кант исторический;
- 2) Кант системный;
- 3) Кант как «дух» трансцендентальной философии, импульс для развития (понять Канта — значит пойти дальше него);

4) Кант современный, помогающий решать значимые проблемы дня сегодняшнего.

Если попытаться дать самое общее и прилизительное определение немецкого неокантианства, то можно отметить следующее: однозначно стремление неокантианцев к обновлению кантовского проекта критической трансцендентальной философии в свете новых открытий, прежде всего в естественных науках, а также заявление и утверждение своего права на специфику новых гуманитарных наук (психологии, социологии), где кантовский проект понимается в качестве обоснования факта разума, который истолковывается как неоспоримый факт науки. Основную парадигму, в соответствии с которой они действовали, можно назвать критической и идеалистической: критической — в той мере, в какой критика является оправдывающим подходом по отношению к существующим открытиям в различных сферах знания, и идеалистической — в той мере, в какой отвергается любой реалистический сценарий в опыте и познании чего-либо мирского. Вместо этого почти все проблемы, с которыми имеют дело неокантианцы, рассматриваются в соответствии с базовым предположением о том, что нет прямого доступа к миру, к миру «вещей в себе», но все наши знания существуют, представления о мире опосредуются нашим опытом восприятия мира и концептуальными способностями, которыми мы обладаем для его понимания. Эта позиция касается всех основных тем исследования в неокантианстве, будь то наука, культурные артефакты, контексты или ценности.

В докладе «Постулаты практического разума и идея бессмертия в этике И. Канта» *заведующего кафедрой этики философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктора философских наук, профессора А. В. Разина* был представлен анализ смыслообразующих оснований учения И. Канта. Кант пытается полностью исключить личный интерес из морали. Он отвергает все моральные теории, построенные на основе идеи счастья, апеллирующие к чувственным основаниям морали. Чувственное понимание морали действительно вызывает много вопросов. Такое понимание ведет к идее нравственной потребности. Но там, где есть потребность, нет долга. Кант предлагает универсальное правило, порождаемое разумом, благодаря которому человек сам ограничивает собственную свободу, понимая необходимость ее сочетания со свободой других. Но, исключая

личный интерес из морали, Кант сталкивается с проблемой понимания свободы выбора, ведь выбирать человек может на каком-то основании. Иначе это просто случайный выбор.

Другая проблема, с которой сталкивается Кант, — это идея развития человека как нравственного существа в качестве его основной задачи, жизненной цели. Но возникает вопрос: во имя чего нужно бесконечно совершенствовать себя в моральном бытии, как это связано с практикой?

Кант пишет, что одной из задач, которая решается человеком в этике добродетелей, является задача выйти из природной дикости, реализовать себя в качестве культурного существа. Он пишет, что каждый должен реализовать все свои таланты. Но как это можно сделать без сознания личного интереса, ведь реализация талантов предполагает определение того, к чему ты способен, а это неизбежно связано со склонностями?

Проблема в определенной степени решается в постулатах практического разума. Там Кант говорит о движении к благу как бесконечном процессе, ибо человеческая воля, в отличие от божественной, не может быть успокоенной. Движение в бесконечность требует бессмертия. Это бессмертие является условием бесконечного продолжения нравственных дел.

Кант говорит, что каждый должен реализовать все потенции своего вида. Для животного это фактически означает произвести полноценное потомство. Но для человека это предполагает освоение всей человеческой культуры, соединение себя с целями развития человечества. Это определенно требует бессмертия.

Если понимать бессмертие в плане реального продолжения жизни, а не просто в качестве памяти о себе в сознании потомков, возникает вопрос: где и как оно может реализоваться? Американский профессор Дж. Лоулер (J. Lowler) полагает, что Кант допускал идею реинкарнации. Он ссылается на работу «Всеобщая история и теория неба», которая кончается риторическим вопросом: для чего же тогда существуют другие небесные тела, если не для того, чтобы наши души продолжали там жить после смерти? Но это единственное место, где Кант ставит вопрос подобным образом, и это работа еще докритического периода. Вряд ли Кант допускал идею реинкарнации, ведь христианская философия задолго до него развенчала данную идею, показав

неразрывную связь души и тела. Тогда остается только одна логическая возможность — посмертное бытие человека в интеллигибельном мире. Думается, Кант полагал возможной активность человека после смерти как существа, принадлежащего к интеллигибельному миру. Какие задачи он там решает, можно только предполагать, ведь этот мир недоступен для нашего восприятия. Но Кант, несомненно, полагал, что наш феноменальный мир приближается к ноуменальному в своем совершенстве, и человек вносит в данный процесс свой вклад как в актуальной жизни, так и в своем посмертном бытии.

В докладе *заведующего кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, доктора юридических наук, профессора Е. А. Фроловой* «Кант и русские неокантианцы о праве» представлен анализ влияния идей И. Канта на развитие русской философии права. 300-летие со дня рождения Иммануила Канта в 2024 г. человечество встречает постановкой социокультурных проблем, о многих из которых речь шла в трудах кенигсбергского мыслителя. Его идеи о достоинстве личности и сущности права, об эффективном устройстве государства и построении гражданского общества, проекте вечного мира и гарантиях выживания человека на уровне человеческого рода остаются актуальными в XXI в.

И. Кант занимался разработкой правовых и государственных вопросов в последнее десятилетие своей жизни: в 1793 г. выходит в свет его статья «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”»; в 1795 г. — трактат «К вечному миру»; в 1797 г. — фундаментальный труд «Метафизические начала учения о праве» в виде первой части «Метафизики нравственности», в августе того же года — вторая ее часть — «Метафизические начала учения о добродетели».

В основе правовых воззрений Канта лежит различие «моральности» и «легальности» человеческих поступков. Вслед за Томазием и Вольфом Кант утверждал, что учение о праве касается только внешних условий и норм поведения людей: поведение лица считается «легальным», если человек внешне соблюдает предписания нравственного закона¹. Согласно его подходу, свободная воля индивида позволяет ему выбирать вариант своего поведения; несмотря на наличие в сознании индивида как

¹ Кант И. Критика практического разума // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1. С. 396.

разумного существа предписаний морального закона, он может поступить иначе: «Из столь кривого дерева, из которого сделан человек, не может быть вытесано ничего совершенно прямого». Следовательно, создается возможность коллизий свободных волей индивидов между собой, в результате чего их свобода может быть уничтожена. Поэтому для охраны свободы Кант признает необходимость правовых ограничений. Право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы². Кант выделял несколько качеств права, определяющих его сущность: право относится не к области субъективных желаний, а к сфере внешних, практических отношений людей; с помощью права поступки одного лица совмещаются с действиями других лиц с точки зрения всеобщего закона свободы; право — это взаимное принуждение, охраняющее общую свободу.

В «Критике чистого разума» Кант доказывал трудность поиска определений в философских науках, к которым он относил и науку о праве, — сущность права не может быть постигнута ни методами практической юриспруденции, ни общей теорией права. Иными словами, в рамках позитивистских концепций постичь метаюридическую природу права не представляется возможным; природа права может быть раскрыта только философским разумом.

Последователей философии Канта называют неокантианцами. Неокантианство представляет собой совокупность философских идей, основывающихся на критической философии Канта и ставящих цель преобразовать и развить его систему. Главную роль в развитии этого направления сыграли марбургская и баденская школы. Марбургская школа оформилась в 1870-е гг. (в Германии — Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, А. Риль, Р. Штаммлер; в России — В. А. Савальский, С. Л. Рубинштейн, Б. П. Вышеславцев, отчасти Н. Н. Алексеев и др.), баденская — в 1880-е гг. (в Германии — В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Радбрух; в России — Б. А. Кистяковский, П. И. Новгородцев, С. И. Гессен, В. М. Хвостов, отчасти Ф. А. Степун и др.).

Неокантианцы не разделяли кантовский дуализм явлений и «вещей в себе». Согласно философии Канта, сущность «вещей в себе» не может быть познана в силу ограниченности человеческих способностей. Неокантиан-

цы стремились устранить противопоставление познающего субъекта и «вещи в себе» с помощью сведения второго к первому. В таком случае действительность становилась проекцией познающего сознания, онтология сводилась к логике, объективные закономерности бытия заменялись априорными законами разума. С этих позиций общество, государство, право представляли собой не объективные «вещи в себе», а трансцендентально-логические построения познающего субъекта. Вопросы государства и права переносились неокантианцами из эмпирической области в сферу сознания.

Центральная тема философии неокантианцев — учение о научном методе. Различая вслед за И. Кантом категории сущего и должного, Г. Риккерт, систематизатор и продолжатель идей В. Виндельбанда, считал необходимым заменить традиционное деление наук (естественные науки и науки о духе) на иную классификацию: науки о природе и науки о культуре. Неокантианцы отграничивали исследования природы от изучения культуры, проводили грань между естественными и гуманитарными науками. Критерий разграничения наук для неокантианцев — метод познания: генерализирующий метод лежит в основании наук о природе, индивидуализирующий характеризует науки о культуре. Несмотря на сложности исследований в области гуманитарного знания (неясность критериев истины, относительность выводов, наличие ценностного компонента), сторонники неокантианства настаивали на научном характере гуманитарных наук.

Отличительными чертами русского неокантианства конца XIX — первой четверти XX в. являлись эклектизм и идейная размытость: элементы кантианской и неокантианской философии использовали П. И. Новгородцев, Б. А. Кистяковский, В. М. Хвостов, В. А. Савальский, П. Б. Струве, Л. И. Петражицкий, С. И. Гессен, Е. В. Спекторский, Е. Н. Трубецкой и др. В своих учениях о праве и государстве они стремились отыскать не только функциональные связи права и государства как эмпирических явлений, но и показать их системные качества в логических моделях социальных наук.

Русские юристы-неокантианцы обосновывали нормативность культуры, права, государства. П. И. Новгородцев, вслед за И. Кантом утверждая, что мораль имеет собственные закономерности, разграничивал науку и моральную

² Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4, ч. 2. С. 139.

философию. Согласно подходу В. М. Хвостова, наука должна иметь характер чистого, а не прикладного знания и строго ограничиваться от разного рода нормативных и политических построений. Различая каузальный и нормативный методы исследования, Новгородцев и Хвостов допускали их взаимодействие при изучении политико-правовых явлений как объективно данной реальности. Тема методологии социальных наук — центральная в творчестве Б. А. Кистяковского. Разграничивая природу и культуру, он не противопоставлял нормативные и каузальные науки: социальный мир можно рассматривать с точки зрения причинно-следственных отношений, происходящих в силу необходимости. А. С. Лаппо-Данилевский выступал с обоснованием равноправия номотетического (генерализирующего) и идеографического (индивидуализирующего) методов исследования социальных наук. В отличие от В. Виндельбанда и Г. Риккерта, относивших номотетический метод к области наук о природе, он обосновывал равноправное использование обоих методов в науках о культуре (например, в поиске типологии в исторических науках).

По силе влияния неокантианство во второй половине XIX — первой четверти XX в. преодолело рамки философии, выступив социальной программой политических учений, доктринальным мировоззрением, определившим области культурной и социальной жизни. Русское неокантианство в основных своих проявлениях стремилось к выделению нравственно-онтологических основ жизни и национальной независимости и развивалось преимущественно под эгидой неокантианства баденской школы. Причина этого явления заключалась в близости установок и запросов отечественных правоведов к ценностным принципам теорий В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Гносеологизм марбургской школы как философского течения в «чистом» виде, за редким исключением (В. А. Савальский), не был востребован юридической мыслью в России. Первоначальный интерес русских мыслителей к сугубо философским проблемам постепенно сместился в сторону онтологии права и государства (к исследованию актуальных социальных проблем, стремлению реализовать на практике идеальные построения в политико-правовой области).

Доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени

М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук В. Н. Жуков выступил с докладом «Философия права в немецкой классической философии».

Философию права можно рассматривать в двух значениях: широком и узком. В широком смысле философия права — это история философии права, начиная с древнейших времен. В узком смысле под философией права следует понимать академическую философию права, сложившуюся в университетской среде в качестве учебной и научной дисциплины. Начиная с XIX в. философию права можно (хотя и очень условно) разделить на два основных направления: метафизическое и юридико-догматическое. Метафизическая философия права нацелена на создание смысловой картины мира, на поиск предельных оснований политико-правового бытия, на построение методологии, способной обосновать предлагаемые теоретические конструкции. Юридико-догматическая философия права ставит перед собой задачу дать догматический анализ политико-правовых явлений.

Метафизическая философия права является частью философии, перенимая от нее основные свойства, юридико-догматическая — частью юридической науки (общей теории права), беря от нее догматический метод. Строго говоря, именно метафизическая философия права является действительно философией, поскольку в ней имеется мировоззренческий компонент — ядро философии. Называть юридико-догматическую общую теорию права философией — большая натяжка, игра слов и подмена понятий. В нашей постсоветской так называемой философии права доминирует юридико-догматическая ее разновидность, поскольку ее создавали юристы (например, либертарная теория В. С. Нерсисянца, которую многие необоснованно считают разновидностью гегельянства; на самом деле эта теория — типичный юридический позитивизм, т.к. в ней нет мировоззренческого компонента).

Немецкая классическая философия — уникальный феномен мировой философии, давший великие образцы метафизического осмысления мира. Неотъемлемая часть этого феномена — философия права, которая демонстрирует подлинно метафизическое познание политико-правовых явлений. Это и есть та модель, та верхняя планка, на которую следовало

бы ориентироваться тем, кто стремится создавать настоящую философию права.

Среди пяти представителей немецкой классической философии (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Фейербах) только Кант, Фихте и Гегель оставили труды в области философии права. Для каждого из них философия права — периферия их творчества. Главная тема Канта, Фихте и Гегеля — гносеология, создав которую они проверяют, опробуют ее применительно к разным сферам человеческого и природного бытия, в том числе политико-правовой сфере. Философия права у них — органическая часть их философии, а точнее — гносеологии. Сведение всех разделов философии (включая философию права) к гносеологии — их отличительная черта. Проявление интереса к философии права Канта и Гегеля, наблюдаемое в конце XIX — первой трети XX в., вызвано не собственно их философией права, а их гносеологией, оригинально связанной с проблемами политико-правового бытия. Ценность философии права Канта и Гегеля в полной мере раскрывается только в связи с их гносеологией.

Метафизика — это разновидность философии, опирающаяся на веру. Метафизические смысловые модели есть результат рационализации ценностных установок автора, часто скрытых от него самого. Ценности — это проводник политических и экономических интересов, это канал внедрения идеологии в философию. Метафизическая философия права всегда пронизана идеологией, что доказывает философия права Канта и Гегеля. Первый, опираясь на фикцию категорического императива, пытается обосновать логическую необходимость правового государства. Второй с помощью фикции идеи свободы доказывает «разумность» прусской абсолютной монархии. Таким образом, метафизика способна обосновать любую политико-правовую конструкцию, она может стать (и становится) действенным средством политической пропаганды (на что верно указал Г. Маркузе).

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) А. В. Корнев выступил с докладом «Правовые идеи И. Канта и моделирование социальной реальности».

Трехсотлетний юбилей выдающегося философа, одного из создателей немецкой классической философии И. Канта отмечен на государственном уровне. Его имя, а главным образом

научно-философское наследие принадлежит всему человечеству. В России этого мыслителя вспоминают не только потому, что он был русским подданным и даже писал в 1758 г. императрице Елизавете Петровне прошение о принятии его на профессорскую должность. Идеи философа оказали громадное влияние не только на последующее развитие философии, но и на эволюцию человечества, перед которым или благодаря которому обозначились существенные вызовы уже тогда, во время его жизни. Огромная заслуга Канта состоит в том, что его идеи послужили толчком для развития теоретического юридического знания, главным образом философии права. Кант, а затем и Гегель несколько критически относились к юридической науке. Критика порой принимала ироничные формы. Вместе с тем они не пренебрегали категориями юридической науки, а иногда и просто заимствовали некоторые идеи и конструкции у немецкой юриспруденции. Воздавая должное немецкой классической философии, мы не вправе забывать и о том великом вкладе в юридическую науку, который внесли немецкие юристы. Можно смело признать доминирующее влияние немецких правовых школ на становление и развитие российской дореволюционной юридической науки и образования.

Вся жизнь знаменитого философа была связана с университетом г. Кёнигсберга. В этом университете он преподавал множество дисциплин, самых разнообразных. Одной из них являлось право. В этом смысле его никак нельзя назвать человеком, случайным для юриспруденции. Можно с известной долей уверенности говорить о влиянии естественных дисциплин на формирование его философских взглядов. По-настоящему он занялся собственно философией во второй половине своей научно-педагогической деятельности.

Что касается его воззрений на право и государство, то нельзя не отметить влияние идей М. Т. Цицерона. Сам Кант в этом призвался неоднократно. Римский политик, юрист и философ считал, что государство представляет собой множество людей, связанных между собой согласием в вопросах права. Кант дает примерно такое же понимание государства, только уточняет, что в государстве люди должны быть подчинены правовым законам.

Конечно, споры в части того, что можно признавать правовыми законами, а что — нет, идут до настоящего времени. И точку поставить не представляется возможным.

Юристы в массе своей воспринимают мысль Канта о том, что право представляет собой совокупность условий, при которых произвол (свобода) одного человека совместим с произволом другого человека на основе всеобщего закона свободы. Разумеется, философы практически всегда ищут право в категории свободы. Так повелось еще с античных времен. Право понимали как одинаковый масштаб, с помощью которого регулировались отношения между неравными в социальном смысле людьми. Иными словами, право воспринималось как мера — мера свободы.

Было бы большим заблуждением отмечать юбилей И. Канта только как мыслителя прошлых эпох, идеи которого канули в Лету вместе с кончиной их автора. Представляется, что он современен как никогда. «Герои мысли» по-настоящему принадлежат вечности.

Ни одна работа, в которой затрагиваются концептуальные вопросы философии права, не обходится без упоминания имени этого великого философа. В России Канта любили по-особенному — даже тогда, когда в науке безраздельно господствовал исторический материализм. Категорический императив Канта никого не мог оставить равнодушным. Надо было иметь смелость, особенно в то время, чтобы моральные аксиомы выводить не из религии, как это делали все, а из разума.

Собственно, данная сторона его философского творчества нам интересна сегодня. Кант воспел человеческий разум. В его философской системе разум выступает не просто в качестве самого совершенного механизма познания, но еще и в качестве способа моделирования желаемой социальной реальности, как сказали бы сегодня. Представляется, что юридическая наука должна использовать непреходящие идеи этого философа. Его правовые взгляды не только морально окрашены, но и предельно рационализированы.

Природа человека разумна. Стало быть, человек не просто пассивно отражает действительность, а наделен правом и обязанностью ее менять так, как подсказывает его разумное начало. Когда мы говорим об инновационной юриспруденции, самое время обратиться к творческому наследию кенигсбергского мыслителя.

В свете этого правовые модели поведения субъектов права (нормы) должны не просто соответствовать реальности, а, если угодно, опережать ее. Но самое главное состоит в том,

чтобы реализация таких правовых норм, результатов интеллектуальной деятельности человека меняла социальную среду. Общество и государство, используя правовые механизмы, могут количественно и качественно преобразовывать реальность, обеспечивая прогрессивное развитие. В этом и состоит моделирование социальной реальности.

Доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) О. Ю. Рыбаков выступил с докладом «Долг и право в философии Иммануила Канта». История философско-правовой мысли имеет особенность систематического обращения к творчеству Иммануила Канта. Любая философско-правовая концепция, если она действительно является таковой, содержит онтологическое, мировоззренческое, аксиологическое и методологическое начало.

В отличие от идей ярких представителей эпохи Просвещения и при почтительном отношении к идеям Ж.-Ж. Руссо и Ш. Монтескье Иммануил Кант основывает свои философские взгляды на право исходя из методологии критического рационализма. Идеализм Канта в известной степени противостоял материализму эпохи Просвещения. Он не оставляет за индивидом возможностей радикального индивидуализма, хотя точкой отсчета у него является именно индивид. «Моральная личность» опирается на необходимость реализации свободы, совместимой со свободой других лиц через идею долга. Идея индивидуального нравственного начала человека и трансформация этой идеи в общее понимание свободы как условия существования всех индивидов воплощена в соблюдении нравственного начала, обязательного для всех. Индивидуальное становится универсальным, общим в силу всеобщей необходимости устройства жизни в обществе и государстве. В этом состоит рационалистический подход И. Канта к оценке взаимодействия индивида и государства.

Обоснование моральной личности является важнейшим пунктом взглядов философа. Он вводит и обосновывает понятие нравственного закона. Иммануил Кант формирует два императива: гипотетический, связывающий цели индивидов с обстоятельствами их достижения и категорический (безусловный) императив. Обязательность последнего императива очевидна. Именно в нем выражена взаимообусловленность человека и человечества. Категорический

императив и его требования суть основное в поведении человека, который не должен руководствоваться обстоятельствами конкретного места и времени, гипотетическими правилами, а должен ориентироваться на категорический императив, который содержит саму универсальную идею долга перед человечеством. Недопущению трансформации произвола в свободу и свободы в произвол по существу служит нравственный категорический императив Канта, подчеркивавшего, что законодательство исходит из принципа: свобода каждого ограничивается условиями, при которых она может сосуществовать со свободой любого другого по единому всеобщему закону.

Вполне очевидно, что остается неразрешенным вопрос обеспечения требований к самому индивиду и последнего к себе подобным. Долг есть общественно выраженная обязанность. Если право, по И. Канту, это совокупность условий, при которых произвол одного совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы, следовательно, право обретает статус позитивистского. Принудительная сила права, общеобязательная нормативность суть онтологические свойства права. Происходит трансформация внутреннего нравственного закона, обязывающего поступать именно так, а не иначе, в объективную потребность соблюдать предписанное извне право. Но данное правило формируется не за пределами разума и воли индивида. Это не легистский позитивизм. Это новый применительно к времени жизни И. Канта вид позитивизма, источником которого предстает индивидуальная нравственность, которая находит источник в виде чистого разума. Долг предполагает ограничения собственных интересов ради общественных.

Заведующий кафедрой теории права и сравнительного правоведения Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор юридических наук, профессор А. А. Малиновский выступил с докладом «Свобода воли в учении Канта и современность: взгляд юридического психолога». В настоящее время перед российским правоведением стоит задача возобновить тесное сотрудничество с западными правовыми системами (Китай, Индия, африканские страны и т.д.). Однако, как известно, в данных странах, помимо законодательных норм, огромное значение имеют иные нравственно-правовые регуляторы. Кратко на них остановимся.

В конфуцианском Китае важную роль в сфере нормативного регулирования выполняют морально-нравственные заповеди — 10 китайских зол (заговор о мятеже, бунт, измена, неподчинение или непокорство, непочтительность, крайняя несправедливость, несправедливость, великое пренебрежение, великое непочтение, кровосмешение или блуд) и 5 добродетелей благородного мужа (человеколюбие, мудрость, справедливость, ритуал, искренность).

В Индии для регуляции повседневного поведения большое значение имеет соблюдение 10 правил дхармы (мужество, терпение, самоконтроль, честность, чистота, обуздание пяти чувств, благоразумие, стремление к познанию, правдивость и негневливость).

В африканских странах взаимоотношения между людьми строятся на основе следования духу Убунту согласно правилу: «Человек может быть счастлив только тогда, когда счастливы все окружающие его люди, поскольку счастье других делает человека по-настоящему счастливым».

С учетом вышеизложенного предлагается в процессе правового сотрудничества предложить западному юридическому сообществу унифицировать нравственно-правовые требования, имеющие юридическое значение, предложив использовать общий знаменатель — категорический императив Канта: «Поступай только по такой максиме, относительно которой ты в то же время можешь желать, чтобы она стала всеобщим законом»; «поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству как в твоём лице, так и в лице всякого другого только как к средству, но всегда в то же время и как к цели».

Категорический императив Канта может быть использован в процессе переговоров при заключении международных договоров о дружбе и сотрудничестве (в рамках ШОС, БРИКС), при толковании норм о добросовестности, нравственности и разумности в договорах между субъектами внешнеэкономической деятельности.

Профессор кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор философских наук В. М. Артемов выступил с докладом «Важный результат нравственной рефлексии И. Канта: человек как автор и исполнитель нравственного категорического императива». Основоположник классической немецкой философии сродни Сократу, который впервые поставил проблему человека.

И. Кант ставит ее по-новому («Критика практического разума», «Основы метафизики нравственности», «Антропология» и т.п.). Если первый уводит философию от далекого Космоса в сторону самопознания, то новоевропейское светило приравнивает по сложности, значимости и непостижимой удивительности «звездное небо над нами» и «нравственный закон в нас».

В такой постановке просматривается и ничем не ограниченный мир идей Платона, причем не только как некий идеал, но и как всеопределяющий абсолют. У новоевропейского мыслителя место последнего применительно к миру свободы стал занимать сам человек как носитель чистого разума — автор и исполнитель нравственного законодательства (категорического императива).

Важно обратить внимание на открытость такого подхода не только для идеалистов, но и для материалистов, включая естествоиспытателей. Так, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине К. Лоренц допускает, что И. Кант не оскорбился бы идеей естественного становления нравственного закона внутри нас³.

Кант выводит саму этику именно из человека как человека, т.е. носителя чистого разума, а значит, и представителя всего человечества. Несмотря на особенности того времени, когда по известным причинам доминировало религиозно-идеалистическое мировоззрение, И. Кант представляет в целом преимущественно светский, гуманистический подход в трактовке корней нравственности, да и права тоже. Автором и исполнителем нравственного категорического императива выступает человек, делая это по собственной доброй воле. Последняя появляется и культивируется именно у субъекта нравственности, что делает его ответственным за должное поведение в обществе и государстве.

В определенном смысле И. Кант не просто наш современник, но и близкий по духу отечественной культуре и философии человек. Мы вместе с ним, а он вместе с нами не можем настаивать на строгом исполнении долга перед собой и другими, на абсолютном запрете лжи и т.п. Нравственная парадигма «Ты должен, значит, можешь» не раз спасала нашу страну от, казалось бы, «гарантированных» кем-то поражений. Об этом свидетельствуют и Отечественная война 1812 г., и Великая Отечественная война 1941–1945 гг., да и происходящие в настоящее время события. Кстати, его этико-философский

призыв «К вечному миру» стал еще более актуален, но он, думается, должен быть услышан прежде всего Западом, увы, ставшим в лице своей политической элиты источником агрессии и откровенного цинизма. Человек там далеко не цель — он просто некий носитель неуклонно растущих потребностей, а то и разного рода отклонений от нормальности. Последние навязываются другим, переводятся в разряд приоритетных, легализуются и даже официально пропагандируются. Типичный случай в этом отношении — поддержка идеологии и практики неонацизма. Решающую роль там играет политическая и корпоративная целесообразность. Налицо прямая и скрытая ложь на всех уровнях социального бытия, включая политико-правовое пространство, особенно идеологию.

В такой ситуации спасительными видятся нравственные поступки людей как людей в духе добра и справедливости. Учитывая практический характер нравственной философии, хочется обратить внимание на то, что кафедральному клубу «Нравственное измерение права» удалось разбудить искренний интерес к юбилею.

В рамках работы **круглого стола «Правовые технологии социального конструирования»** были заслушаны следующие доклады.

Доцент кафедры философии и социологии Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель заведующего кафедрой по научной работе, кандидат философских наук М. А. Беляев выступил с докладом «Возможно ли опережающее отражение социальной действительности посредством права?». Логика трансцендентального анализа предполагает двухуровневый дискурс об истине. На первом уровне субъект, вовлеченный в межсубъектную коммуникацию, производит истины о внешнем мире, причем этот мир дан субъекту в горизонте его естественной установки как нечто очевидное, само собой разумеющееся. Полученные истины релевантны в большей мере самому миру, нежели коммуникации и субъекту, участвующему в ней, однако такому положению дел свойствен некий эпистемологический дефицит, внешне выраженный в незавершенности процесса построения системы истинных высказываний. Отсюда возникает необходимость второго дискурсивного уровня, на котором множество реальных коммуникаций интериоризируются внутрь сознания субъекта, выводя на первый план рефлексивность в каче-

³ Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М. : АСТ, 2018. С. 349.

стве навыка перевода реального как множества феноменов в виртуальное и обратно. На втором уровне субъект стремится ответить на вопрос: как возможно производство хотя бы единственного истинного суждения? Именно эту схему допустимо применять к описанию правогенеза. Первый уровень социальной коммуникации протекает по схеме движения от стимула к реакции, когда правовые нормы (или, шире, правовые режимы) используются как средства решения текущих управленческих или перераспределительных в экономическом смысле проблем. Эти проблемы для любой живой социальной системы образуют разомкнутый континуум, своего рода «дурную» бесконечность, меру которой определить рациональными способами невозможно. Отсюда, в частности, проистекает невозможность ответа на вопрос о достаточности правового регулирования тех или иных общественных отношений, поскольку обе крайние точки зрения на данную проблему могут быть обоснованы эмпирическим путем. Таким образом, целесообразно, отказавшись от правотворческой деятельности по схемам бихевиористского толка, найти трансцендентальное основание и одновременно предел для нее. Замыкание континуума происходит при переходе на второй уровень социальной коммуникации, где господствует рефлексивное начало. Однако существует и проблема: поскольку основным создателем правовых текстов является государство, вовлечь его в делиберативные демократические обсуждения невозможно путем принудительных мер воздействия, ибо суверен сам есть носитель и агент публично-оформленного принуждения. В этом случае стимулирование к совершенствованию правовой и регуляторной политики должно быть интеллектуально-ценностным, что делает особо важным сообщество исследователей, где центральную роль должны играть правоведы, но работать они должны в тесном и каждодневном сотрудничестве с гуманитариями, в том числе философами и историками, а также психологами и экономистами. Опережающее отражение социальной действительности посредством права может осуществляться в трехзвенных коммуникативных цепочках, центральное место в которых будут занимать «фабрики мысли», т.е. сообщества исследователей, работающие в соответствии с ценностно-целевой матрицей и вступающие в информационный обмен

с представителями публичной власти, с одной стороны, и заинтересованными в определенных правовых режимах лицами — с другой. Таким способом будут обеспечены непрерывность и разнообразие правовой коммуникации и более рациональный, философски выверенный порядок правогенеза.

Профессор кафедры публичного права Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор юридических наук В. В. Денисенко выступил с докладом «Конструирование реальности в правовой системе с позиции социальной феноменологии». Социальное конструирование реальности — это отсылка к названию одноименной книги П. Бергера и Т. Лукмана. Данная работа является одной из фундаментальных и влиятельнейших работ по социологии знания: так, в 1998 г. Международная социологическая ассоциация поставила «Социальное конструирование реальности» на пятое по значимости место среди социологических книг XX в. Основой названной работы послужили взгляды основателя социальной феноменологии Альфреда Шюца. Представляется, что главные идеи социального конструктивизма актуальны для современной отечественной юриспруденции, поэтому следует остановиться на главных моментах концепции указанных выше социологов. Идеи социального конструктивизма связаны со следующими категориями: «интерсубъективность», «жизненный мир», «легитимация» и «теория идентичности». В современном информационном государстве эффективность правового регулирования напрямую связана с легитимностью правовых предписаний; именно феноменология позволяет заложить методологическую основу для правовой политики. Понимание права через интерсубъективность дает возможность понять роль правомочия. Так, сторонник социальной феноменологии А. В. Поляков пишет: «...центральным элементом правовой структуры является правомочие, т.е. наличная возможность субъекта свободно (тем или иным образом) действовать в определенных социально признанных (нормативных) границах и требовать от других действий, соответствующих правомочию. Следовательно, правомочие выступает как социально оправданное притязание»⁴. Социальная феноменология дает ключ для понима-

⁴ Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права : учебник. СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во юрид. ф-та С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. С. 105.

ния процессов современности, когда «новые конфликты вспыхивают не из-за проблем распределения, а из-за вопросов грамматики форм жизни»⁵. Научное исследование права как социального регулятора не может обойтись без использования достижений общественных наук XX в., таких как антропология, семиотика, теория речевых актов, дискурс-анализ. В XXI в. при характеристике общественных изменений целесообразно использование категорий феноменологии — «жизненный мир» и «система»; оперируя ими, возможно раскрыть современные стратегии правотворчества и правоприменения. На фундаменте социальной феноменологии, в частности, формируется дискурсивно-коммуникативное понимание права. Ю. Хабермас в работе 1992 г. «Фактичность и значимость» пишет, что «шарниром» между жизненным миром и системой инструментальных отношений должно быть позитивное право. Право не должно сводиться лишь к фактичности, т.е. принудительности, — оно должно содержать в себе и значимость», т.е. легитимность⁶. В настоящее время, используя идеи социального конструктивизма и социальной феноменологии, коммуникативное понимание права раскрывает ряд принципиально новых процедур в правообразовании и реализации права, связанных с взаимным признанием. Опыт ряда зарубежных стран показывает эффективность этих процедур и востребованность феноменологии в современном цифровом государстве.

Профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ И. Л. Честнов представил доклад «Конструктивизм в постсовременной юриспруденции».

Провозглашение активной роли эпистемологии в формировании представлений о «вещах для нас» по сути обосновывает конструирование и сконструированность социальной реальности. С указанной точки зрения реальность (по крайней мере социальная, включая правовую) — это не данность или заданность, а конструкция, производимая наблюдателем. Это не отрицает существование природы, людей,

отношений между ними. Однако они становятся «вещами для нас» через их означивание и осмысление. Правовое означивание (аскрибирование, по Г. Харту) и есть механизм конструирования правовой реальности.

Принципиально важен в этой связи вопрос: как соотносятся между собой внешние условия, обстоятельства правового конструирования (структура) и сама такая деятельность (активность людей)? Это, можно сказать, основной вопрос философии права — диалог личности и структуры. Обе крайности малопродуктивны: в социальных отношениях нет законов природы, которые действовали бы как «непреодолимая сила», сами по себе, кроме как «банальные трюизмы», по выражению Я. Хакинга (что не отрицает существования «мягких закономерностей»). Но и конструктивизм как первичный произвол (Б. Паскаль) или доправовые властные отношения, которые затем закрепляются как правовые (Ф. Ницше), не может быть каким угодно. Существует трансцендентное основание (почти по Канту) такой активности. Это не что иное, как выживание общества.

Такие абстрактные рассуждения конкретизируются криминологической конкретикой. По мнению сторонников конструктивистской криминологии (Н. Кристи, Я. И. Гилинского и др.), не существует «девиантного эссенциализма» в связи с эмпирически фиксируемой перманентной изменчивостью мира, включая трансформацию социальных представлений, но и невозможностью обнаружить субстанцию как преступлений, так и любых социальных отклонений (не существует «хорошего» или «плохого» как такового, но есть оценка соответствующих деяний в конкретных ситуациях). Это подтверждает тот неоспоримый факт, что невозможно сконструировать универсальные («вечные») и содержательные составы преступлений, даже убийства или кражи. Они — формулировки — изменчивы и контекстуальны. Однако у всех народов и во все времена обнаруживаются такого рода запреты. Они зависят от внешних факторов (от политики, экономики, культуры и т.д.) и их иерархизации властью и широкими народными массами в социальные правовые представления, в том числе о том, что считать сегодня общественно опасным. Поэтому правовая ре-

⁵ Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : Весь мир, 2022. С. 833.

⁶ Habermas J. Between Facts and Norms : Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy / transl. by W. Rehg. Cambridge : MIT Press, 1996. P. 136.

альность конструируется, однако всегда в соответствующем контексте, который во многом определяет, что и как конструируется.

Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат юридических наук, доцент С. В. Павлова выступила с докладом «Право как феномен человеческого духа». Ответ на главный вопрос юриспруденции «что есть право?» в разные исторические эпохи звучал по-разному. История политических и правовых учений как наука, проделав немалый путь в поисках правопонимания, выработала свою методологию исследования политико-правовых явлений.

Можно обнаружить, что в Античности главным методологическим тезисом явилось утверждение о том, что природу права следует искать в природе человека. Этим объясняется пристальное внимание древнегреческих философов к сущности человека и его месту в обществе. Уже Платон, рассуждая о государстве, раскрывает три составляющие человеческой души. Известное определение Аристотеля получает свое гениальное продолжение у Цицерона, который, предвосхищая средневековую эпоху, считает людей существами, наделенными «склонностью любить друг друга». Поиски определения справедливости привели античную теорию «естественного права» к отождествлению ее с самим правом.

Методология политико-правовых учений Средневековья продолжила поиск правопонимания в том же направлении, открыв в природе человека духовную составляющую, которая есть сопричастность Творцу. Тогда и справедливость уступила место самой любви, осмысленной европейскими народами в русле христианской религии.

Мировоззренческий переход от теоцентризма к гуманистической культуре эпохи Нового времени вызвал в науке отказ от религиозных смыслов бытия, что отразилось и на правопо-

нимании. Позитивизм в философии привел к позитивизму в юриспруденции.

Обращение И. Канта в XVIII в. к поискам нравственного начала в человеке и обществе стало точкой отсчета обратного времени — возвращения к первоосновам правопонимания — к природе человека. Категорический императив в науке прозвучал как 10 заповедей Моисея или заповедь любви Христа. Метафизика Канта нашла наибольший отклик в русской религиозной философии права. Б. Н. Чичерин так и провозгласил: «Наука должна признать духовность человека, и спорить об этом странно»⁷.

Отечественная философия права, проявив самобытность, в XIX в. вернулась к своей исконной традиции познания бытия времен митрополита Илариона. Теория «возрожденного естественного права», утверждая человека духовным существом (В. С. Соловьев, П. И. Новгородцев, И. А. Ильин), рассматривает право как феномен человеческого духа, а государство как духовный организм.

В основу политико-правового анализа были положены религиозно-нравственные добродетели, которые формируют культуру человеческого духа. Они же выступают и критериями справедливости (а значит, права и правового идеала). Самобытность (феномен) цивилизации, а следовательно, и государства определяется особенностями религиозных традиций, особыми формами религиозно-нравственного и философского сознания. Это дало основание современной юриспруденции заявить, что политико-правовая мысль определяется религиозно-мифологическими воззрениями эпохи, а всемирная история политических и правовых учений представляет собой важнейшую составную часть духовной культуры человечества.

Конференция и круглый стол прошли в обстановке научной дискуссии, глубокого осмысления обсуждаемых вопросов. Выражаем признательность всем участникам научного мероприятия!

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнев Аркадий Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
avkornev@msal.ru

⁷ Чичерин Б. Н. Философия права. М.: Либроком, 2011. С. 15.

Рыбаков Олег Юрьевич, доктор юридических наук, доктор философских наук,
заведующий кафедрой философии и социологии Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
ourybakov@msal.ru

Материал поступил в редакцию 1 мая 2024 г.

Статья получена после рецензирования 10 июля 2024 г.

Принята к печати 15 июля 2024 г.

Received 01.05.2024.

Revised 10.07.2024.

Accepted 15.07.2024.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

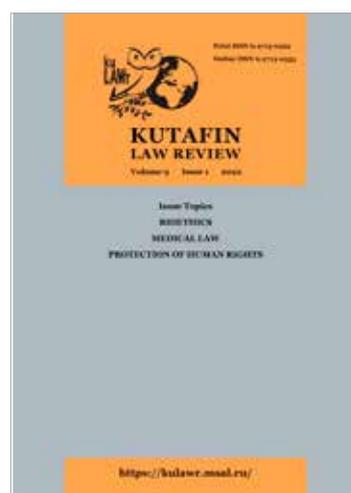
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008